

Псковское региональное отделение Союза краеведов России
Псковский государственный университет
Псковское региональное отделение
Русского географического общества
Псковский государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник
Бюро путешествий «Континент»

**ВОСЬМЫЕ
ПСКОВСКИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ**

Том II

Материалы

*Международной научно-практической конференции
г. Псков, 12–14 октября 2018 года*

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Псков
Псковский государственный университет
2018

УДК 908
ББК 28.89
В789

*Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом
Псковского государственного университета*

Редактор-составитель — Т. В. Вересова

Редакционная коллегия:

- Т. В. Вересова, председатель Псковского регионального
отделения Союза краеведов России, член Совета СКР,
член Союза писателей и Союза журналистов России;
Т. Д. Фейгмане, доктор истории, научный редактор сайта
«Русские Латвии» (г. Рига, Латвия);
А. И. Слинчак, канд. геогр. наук, зав каф. географии ПсковГУ;
А. Г. Манаков, доктор геогр. наук, профессор, ПсковГУ;
Н. К. Теренина, канд. геогр. наук, доцент, ПсковГУ.

Восьмые (VIII) Псковские Международные краеведческие чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Псков, 12–14 октября 2018 г.). Том II. *Памяти Александра Ивановича Слинчака.* — Псков : Псковский государственный университет, 2018. — 296 с.

ISBN 978-5-91116-749-3 (общий)

ISBN 978-5-91116-869-8 (Том II)

Второй том сборника составлен на основе докладов, прочитанных на секциях «Малоизвестные страницы истории Псковской земли» и «Имя в истории края, России». Каждая статья открывает не только новые, но и восстанавливает забытые или малоизвестные страницы истории Псковской земли и имена тех, кто эту историю сберегал и приумножал. Статьи сохраняют авторский стиль.

ISBN 978-5-91116-749-3 (общий)

ISBN 978-5-91116-869-8 (Том II)

© Союз краеведов России,

Псковское региональное отделение, 2018

© Псковский государственный университет, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Т. В. Вересова,

председатель Псковского регионального
отделения Союза краеведов России.

E-mail: veresovatv@mail.ru

*«Память — основа совести и нравственности,
память — основа культуры...*

Память — это наше богатство».

Д. С. Лихачёв

Основная цель деятельности нашего краеведческого сообщества — возвращение исторической памяти, своих национальных истоков, и каждая наша конференция вносит в банк данных этой памяти новую информацию о событиях и людях, дотоле не известных, при разных обстоятельствах поруганных или забытых.

В этот том сборника вошли материалы трёх секций: два дня заседала секция «Имя в истории края, России» (часть её докладов опубликована в I томе, главе «Российско-балтийское порубежье: пересечение судеб и культур») и «Малоизвестные страницы истории Псковской земли». Они охватили конкретный период с середины XVIII по середину XX века, хотя в некоторых статьях присутствуют и более древние времена, — все они внесли достойную лепту в наше общее дело, ещё раз подтверждая, как важны такие встречи, личное общение, одинаково обогащающее все участвующие в них стороны.

Не буду выделять какие-то статьи — все они одинаково ценны, каждая из них в той или иной степени нова и представляет для краеведов несомненный интерес, да и читателю самому предоставляется возможность дать им оценку. Однако хочется ещё раз отметить слаженное, с несомненной пользой для каждого, сотрудничество трёх коллективов — Регионального отделения Союза краеведов России, факультета Естественных наук, медицинского и психологического образования ПсковГУ и Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Помогло нам встретить гостей на должном уровне и Бюро путешествий «Континент»; о приёме нашей группы в Мемориальном музее Н. А. Римского-Корсакова «Любенск — Вечаша» уже говорилось в I томе сборника — организаторы конференции сделали всё для того, чтобы исследователи стремились возвращаться к нам.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

УДК 929

Н. П. Меньшов

Союз краеведов России. Москва. Россия.

E-mail: nikolai.menshov@mail.ru

О ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ ПСКОВСКОЙ ВОТЧИНЫ КНЯЗЕЙ ЮСУПОВЫХ

В статье, на основе архивных источников, рассказывается о переписи населения псковской вотчины князей Юсуповых — это первый материал в краеведении на подобную тему.

Ключевые слова: Юсуповы, Невельский, Себежский и Опочецкий уезды.

Стало традицией делиться на чтениях сообщениями о результатах работы, длительностью почти в год, приоткрывающей завесу времени с доселе не изведанных тем и не введённых в научный оборот источников. Так, мною были изучены описания храмов Могилёвской епархии, относящихся ныне к Невельскому благочинию Великолукской и Невельской епархии, или рапорты всех уездных судов Псковской губернии о сделках с недвижимостью, заключённых помещиками между собой в последней четверти XVIII столетия, и вот пришёл черёд материалов переписи населения псковской вотчины с центром в погосте Афанасьева Слобода (деревни Богданово, Большое Кузнецово Опочецкого уезда) князей Юсуповых с 1719 по 1858 год. По сути, территорию данной вотчины можно отнести к Афанасьевослободскому сельскому обществу Афанасьевослободской волости Опочецкого уезда Псковской губернии, большая часть которой впоследствии вошла в состав Себежского уезда Псковской губернии.

Стоит отметить тот факт, что до сих пор вопросам псковского имения князей Юсуповых с малопродуктивными почвами не посвящено ни одного исследования, ни одной статьи¹, в отличие от того же Архангельского Московского уезда Московской губернии с его богатейшими собраниями книг и предметов искусства или Ракитянского

¹ Даже у Леонида Ивановича Софийского Афанасьева Слобода упоминается вскользь в связи со статистикой о волостях, храме, не известно кем построенном в 1894 году, и церковно-приходских школах в волости.

имения Грайворонского уезда Курской губернии с его плодородными почвами и соответственно обширными землями для их использования в интенсивном сельском хозяйстве, или юсуповских дач на Крымском полуострове в Таврической губернии. Однако же, осмелюсь предположить, что малопродуктивные по своим физическим характеристикам почвы этой северо-западной местности стали родиной одних из первых русских пианисток и балерины — дочерей управляющих именем Григория Тимофеевича Рабутовского и его предместника Фёдора Павловича Щедрина — Авдотьи и Анны Григорьевны Рабутовской и Матрёны Фёдоровны Щедриной [1, с. 7, сс. 13–14, с. 31–32]. Исследователь вопроса о театре Юсуповых Николай Павлович Кашин, более известный по работам об Александре Николаевиче Островском, сделал по сути своей верное предположение о том, что все они являлись представителями «дворовой аристократии» [1, с. 16]. Стоит упомянуть также архитекторского помощника Льва Григорьевича Рабутовского, переведённого в Архангельское имение, а впоследствии ставшего по предписанию князя Бориса Николаевича Юсупова-старшего управляющим Мокрушинской экономии (слобода Мокрушино Хотмыжского уезда Курской губернии), отметившего, «что его экономия нуждается не в колоннадах и симметриях, а в деятельных и хороших экономах» [2, с. 499–526] и художника Афанасия Короткого, чьей исторической родиной является деревня Фролово (Пьяново). Также необходимо выяснить, имеет ли отношение к указанным Рабутовским опочечкий купец II гильдии Иван Рабутовский, возведённый в потомственное почётное гражданство в 1880 году [3].

В отечественной исторической науке ревизские сказки являются утвердившимся и адаптированным письменным источником. Из дореволюционных историко-статистических исследований наиболее известны монографии К. Германа, И. П. Руковского и В. Э. Дэна (Герман К. Статистические исследования относительно Российской империи. СПб.: 1819, Руковский И. П. Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1859, Ден В. Э. Население России по 5-й ревизии. М., 1902). Из советских исследователей признанными авторитетами в области историко-статистических разысканий следует признать В. М. Кабузан и Я. Е. Водарского. Общая источниковедческая оценка данного вида массовых источников дана Е. П. Подъяпольской.

Работа с ревизскими сказками по псковской вотчине князей Юсуповых была проведена мною в феврале-марте и июле уходящего года, в результате чего создан черновой машинописный свод всех ревизий, обнаруженных нами в РГАДА и ГАПО, а именно: в фонде

№ 350 «Ландратские книги и ревизские сказки» (I–III ревизии) и в обширнейшем фонде князей Юсуповых (№ 1290), где отложилась часть V ревизии и все ревизии с VII по X. При работе с фондом Юсуповых был обнаружен недостаток IV ревизии и части ревизской сказки 1795 года, который восполнен с помощью материалов ГАПО, где в фонде № 58 «Казённая палата Псковской губернии» нами были обнаружены недостающие материалы. Есть подозрение, что в двух не выданных делах из этого фонда (№№ 1025 и **1027**) могут содержаться недостающие сведения по VI ревизии, в связи с чем хотел бы попросить ответственных служащих допустить меня к изучению указанных дел для завершения работы по данной теме, чтобы объём набранного текста ревизских сказок не остановился на цифре в 430 страниц и чтобы в дальнейшем можно было узнать предков жителей почти 50 деревень, расположенных в пределах Опочецко-Себежского порубежья, начиная с середины XVII столетия. Так, например, если посмотреть ревизские сказки по столице Афанасьевского имения, то можно обнаружить в них следующие фамилии: Робутовские, Денисовы, Стронины, Тупиковы, Кулешовы, Сотниковы, Шуляковы, Столяровы, Шкаренко, Вершинины, Красновы, Оробчики, Литвиновы, Бурьяновы, Белоусовы, Доброделовы, Крамаровы, Мельниковы, Легенченко, Янпольцовы, Сункины, Байковы и Лебедевы.

Однако лишь одна недостающая ревизская сказка 1811 года не может остановить нас в том, чтобы заявить о том, что мы обладаем полной картиной по движению населения как в границах псковской вотчины князей Юсуповых с центром в селе Афанасьева Слобода Опочецкого уезда Псковской губернии, так и за её пределами, — в Астраханской (Кавказское наместничество, Красноярский уезд, село Никольское в 1795 и 1848 годах), Курской (Богатенская округа (деревня Псковская), Грайворонский уезд (слобода Отрадная, ныне Отрадовка), Обоянский уезд (слобода Рыбинские Буды), Хотмыжский уезд (слобода Мокрушинская, Никольская, Новоберёзовка, Ракитная, деревня Окопская, хутор Бобровский), куда переводили крестьян в 1765 и 1833–1835 годах, Московской (Дмитровский уезд — село Трунёвка), Московский уезд (село Алтуфьево, село Спасское, село Рождественно Толбино тож) и Санкт-Петербургской (Шлиссельбургский уезд, село Лезье в 1847 году) губерниях, куда были переведены крестьяне этой вотчины (в основном вернувшиеся из бегов).

Довольно важным вопросом является предыстория вопроса о том, каким образом формировалась псковская вотчина князей Юсуповых, — мы можем найти ответ на него, в том числе исследуя мас-

сив ревизских сказок с применением других источников, главным образом отказных книг, отложившихся в фондах РГАДА и ГАПО. Среди них стоит упомянуть некогда хранившуюся в ЦГАДА отказную книгу, составленную в 1801 году и находящуюся в деле «об отказе за князем Юсуповым Николаем Борисовичем имений в Опочецком уезде» [4], которые достались ему в наследство от его родителей, которые, в свою очередь, приобретали пустоши, впоследствии заселённые крестьянами; некоторые купчие, приведённые в этом деле, также дублируются материалами из рапортов Опочецкого земского суда, отложившихся в делах фонда VI Департамента Правительствующего Сената (РГАДА. Ф. 269). В фонде же Юсуповых имеется несколько дел небольшого объёма, в которых отложились кратчайшие сведения о поступательном, на протяжении более чем столетия (с апреля 1726 г. по декабрь 1858 г.) приобретении земель, сформировавших Афанасьевское имение. Со времени окончательного приобретения вотчины число деревень увеличилось в 2.5 раза — с 18 до 47, а население увеличилось с 342 в 1726 году до 1183 в 1851.

Известно, что земли вокруг погоста Афанасьева Слобода в XVIII столетии являлись вотчиной Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина, а впоследствии принадлежали отцу супруги князя Григория Дмитриевича Юсупова, старомосковскому окольничему Никите Ивановичу Акинфову [5, с. 43] — Анны Никитичны, однако некоторые исследователи не упоминают об этом, говоря об имущественных приращениях Юсуповых благодаря этому браку, либо обобщая до «нескольких имений» [6, с. 39, с. 59], либо говоря лишь о вотчине площадью 3 тыс. дес. в будущей Тульской губернии [7, с. 100], хотя документы о том имеются, в т. ч. и упоминание об уплате пошлины — «окладных денег с имений Опочецкого уезда Фёдора Григорьевича Акинфиева» [8], то есть в документе речь идёт о внуке Никиты Ивановича Акинфова и племяннике Анны Никитичны Юсуповой. Никита Иванович Акинфов, в свою очередь, являлся зятем двоюродного племянника Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина — Лаврентия Богдановича Ордина-Нащокина, бывшего не бездетным, а имевшего дочь Феодосию [9]. Таким образом, мы установили преемственность Юсуповых во владении землями вокруг погоста Афанасьевой Слободы, однако изучение этого вопроса необходимо продолжить, ибо есть ещё некоторые вопросы, связанные с тем, как и когда «двесте тринадцать четвертей бес полуосмины» земли, данные «на прожиток» вдове Афанасия Лаврентьевича Ордина-Нащокина боярыне Пелагее Васильевне в 1675 году [10] перешли к его двоюродному племянни-

ку, стольнику Лаврентию Богдановичу, «чьи поместные земли были сосредоточены в Опочецком уезде» [11, с. 203–204]. ПРИЕЗЖЕЕ У ОЗЕРА ЖАДРЕЦА².

К сожалению, ни в одной ревизской сказке нельзя почерпнуть каких-либо сведений о крестьянах, за исключением возраста и места рождения, а также места перевода, однако нами найдены сведения, на примере выручки от продажи льна и составе двора, показывающие степень финансового благополучия того или иного крестьянина. Стоит упомянуть также и то, что в подворных описях, одна из которых намечена нами к публикации в качестве приложения к ревизским сказкам, приведены сведения о физическом состоянии некоторых крестьян, чего также не встретить в ревизской сказке.

Таким образом мы вкратце познакомили настоящую аудиторию с замышленным проектом публикации сборника документов по истории Опочецко-Себежского порубежья, в котором намечено поместить материалы, относящиеся к 1595–1898 годам. Рабочим заголовком его утверждено следующее: «Материалы к истории и генеалогии Себежско-Опочецкого порубежья». Учитывая то, что на сегодняшний день работа по сбору материала завершена на 85 %, думается, что к январю следующего года мы будем располагать полным черновым вариантом сборника. Дело за материалами VI ревизии, межевым описанием вотчины и корректировкой вышеозначенного вопроса о Лаврентии Богдановиче Ордине-Нащокине.

Источники:

1. *Кашин Н. П.* Театр Н. Б. Юсупова. М.: Государственная академия художественных наук, 1927. 64 с.
2. *Насонов А. Н.* Из истории крепостной вотчины XIX века в России. Известия Академии наук СССР. VI серия, 1926, т. 20, выпуск 7–8.
3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 39, ед. хр. 4007.

² В отказной книге 1722 года читаем о топографии столиц будущего Афанасьевского имения: «Деревня Кузнецово Большая Богданово тож что ныне погост, в нём церковь деревянная во имя Рож[д]ества Пресвятыя Богородицы. Деревня Дедино Шкигина Матюшшено тож, в ней двор помещиков, в том дворе хоромного деревянного строения черница белая на мшаннике, да конюшня, да житница, изба чёрная скотная, да мшанник избной в ней ныне двор помещиков, в том дворе хоромного строения на три части — две горницы, на омшаннике, три житницы, промеж тех горниц сени, одна конюшня да сеница, три омшанника скотские да мшанник». РГАДА Ф. 1209 Оп. 2 Ед. хр. 8482 Лл. 80 об, 83.

4. ГАПО. Ф. 148. Оп. 1, ед. хр. 285, лл. 1–56, лл. 41–52 об.
5. *Шватченко О. А.* Землевладение и служба думных чинов России XVII — начало XVIII века. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 68.
6. *Лялин В. Е.* Князья Юсуповы. Кто они? Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. С. 278.
7. *Юдин Е. Е.* Князья Юсуповы: Аристократическая семья в позднеимперской России: 1890–1916. М.: РГГУ, 2012. С. 355.
8. РГАДА. Ф. 1290. Оп. 1, ед. хр. 100, лл. 1–1 об.
9. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2, ед. хр. 8482, лл. 483–498 об.
10. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2, ед. хр. 8463 № 21, лл. 231.
11. *Постников А. Б.* Иноческое служение А. Л. Ордина-Нащокина и ветви его родового древа в Пскове. М.: Аватар, 2014. С. 384.

КРЕСТЬЯНСКИЙ БУНТ В ДЕГОЖСКОМ ПОГОСТЕ ПОРХОВСКОГО УЕЗДА В 1826 ГОДУ

Дано подробное описание крестьянского волнения, вспыхнувшего в Порховском уезде Псковской губернии в имениях помещиков Ноинского и Цез. Работа написана по архивным документам — в частности, по рапортам порховского судебного заседателя Култашова и псковского гражданского губернатора А. Б. фон Адеркаса, принимавшими активное участие в описываемых событиях.

Ключевые слова: *крестьяне, бунт, Псковская губерния, помещики: Ноинский, Цез.*

Первым и самым массовым крестьянским волнением в Порховском уезде Псковской губернии в 1826 г. было восстание, вспыхнувшее в Дежошском погосте в имениях помещиков Адама Ивановича Ноинского и Андрея Богдановича Цез (ныне территория Бежаницкого и Дедовичского районов). В документах, хранящихся в Государственном архиве Псковской области (ГАПО) [1] и Российском государственном историческом архиве (РГИА) [2], это волнение названо бунтом.

Крестьяне помещика Ноинского на сходках решили отправить ходоков к царю с прошением о защите от притеснений помещика, выбрав представителей от 10 деревень. В своём прошении крестьяне жаловались на увеличение оброка с 30 руб. до 41 руб., на непомерные штрафы, на необходимость работы на барщине — сверх положенного оброка исполняют работы, как то: на своих лошадях в село Крутцы доставляют для господского дома лес. Лён берёт за оброк, который платится исправно. Некоторых отобрал в треплю льна и никакого платежа за это не производит, а если кто не явится по случаю болезни, штрафует. Некоторые разорены полностью. Ходоков к царю не пустили, жалобу отправили псковскому губернатору, а самих отправили домой. Из документов следует, что ходоки были посланы два раза. Следствию удалось установить только часть из них, а именно: Данила Михайлов 45 лет д. Еловец; Фирс Васильев 55 лет д. Берёзовец, Лифан Матвеев 51 год д. Усаниха, Денис Захаров 53 года д. Бельково, Егор Марков д. Ручьи, Егор Трифанов д. Малышево. Имена кре-

стьян, отправленных в Петербург во 2-й раз: Кирсан Алексеев 50 лет д. Малышево; Яков Леонов 55 лет д. Большие Гривы; Лука Иванов 40 лет д. Стрелицы.

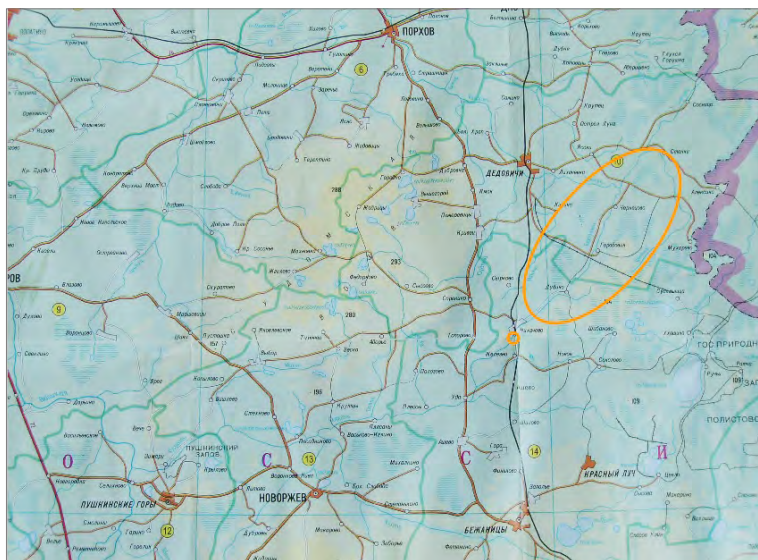

Рис. 1. Микрорайон

Из вотчины помещика Цеэ к царю ходили: д. Михалёво — Пётр Алексеев 55 лет, Алексей Петров 35 лет, Герасим Петров 35 лет; д. Дровяная: — брат родной Петра Остафий Алексеев 50 лет, Ефим Остафьев 30 лет; д. Роговая — Семён Степанов 45 лет; д. Вандырево — Яков Иванов 40 лет, Иван Яковлев 20 лет; д. Пустошка — Фёдор Андреев 40 лет; д. Шепелина — Иван Митрофанов 55 лет; д. Размесо-во — Евстифей Антипов 40 лет.

Вернувшись, ходоки на сходках вели беседы о вольности, о неплатеже повинностей, господского оброка и нехождении на господскую работу. В один из мартовских дней Кирсан Алексеев со своими товарищами отправились бить контору и выгонять управляющего (с. Крутец), но, не дойдя некоторое расстояние, одумались и послали весть другой «шайке», которая шла с другой стороны в количестве более 100 человек под предводительством Данила Михайлова и Фирса Васильева. Планы поменялись. Крестьяне разошлись.

- Фирс Васильев, 55 лет, д. Берёзовец
- Данила Михайлов, 45 лет, д. Еловец
- Кирсан Алексеев, 50 лет, д. Малышево
- Егор Трифанов, д. Малышево
- Егор Марков, д. Ручьи,
- Денис Захаров, 53 года, д. Бельково
- Лифан Матвеев, 51 год, д. Усаниха
- Яков Леонов, 55 лет, д. Б. Гривы
- Лука Иванов, 40 лет, д. Стрелицы

Рис. 2. Список ходоков

Управляющие именными господ А. И. Ноинского и А. Б. Цеэ подают в Порховский земский суд объявление о том, что крестьяне вышли из повиновения. На место выезжает судебный заседатель штабс-капитан Култашов с двумя рядовыми инвалидной команды для введения бунтующих в послушание. Култашов отправился в д. Малышево (д. Ноинского), чтобы допросить Кирсана Алексеева — одного из главных возмутителей к непослушанию — и взять под стражу виновных. Прибыв в Малышево, Култашов приказал Алексею следовать за ним, но мужики крикнули: «Забирайте всех, одного не отдадим». Култашов отступил. Соцкий должен был на следующий день собрать всех троих зачинщиков в д. Б. Заполье, но никто из них не явился, а их сообщники, в количестве около 40 человек, собрались в д. Дудино, где и состоялась встреча дворянского заседателя с бунтующими. Мужики потребовали у него бумагу от государя «в противном случае ежели тебя прислал помещик, не имеющий над нами никакой власти, то мы и тебя кольем проводим». Из рапорта Култашова следует, что крестьяне говорили ругательные слова, при этом крестьянин д. Б. Гривы Яков Леонов размахивал перед окном дубинкой. Другой же собрал в деревне через речку (д. Друсино или д. Стрелицы) ещё одну шайку пропитанных духом вольности крестьян. Они только и ждали сигнала из д. Дудино, чтобы прийти на помощь бунтующим. Мужики были готовы, в случае применения силы со стороны власти, дать жестокий отпор. Култашов постарался ласково разъяснить мужикам их заблуждения и последствия, но ничто не помогло. Крестьяне остались в твёрдой уверенности, что им будет дарована свобода. Култашов вызвал в имение не менее двух батальонов войск, а пока отправился вводить в послушание бунтующих крестьян помещика Цеэ.

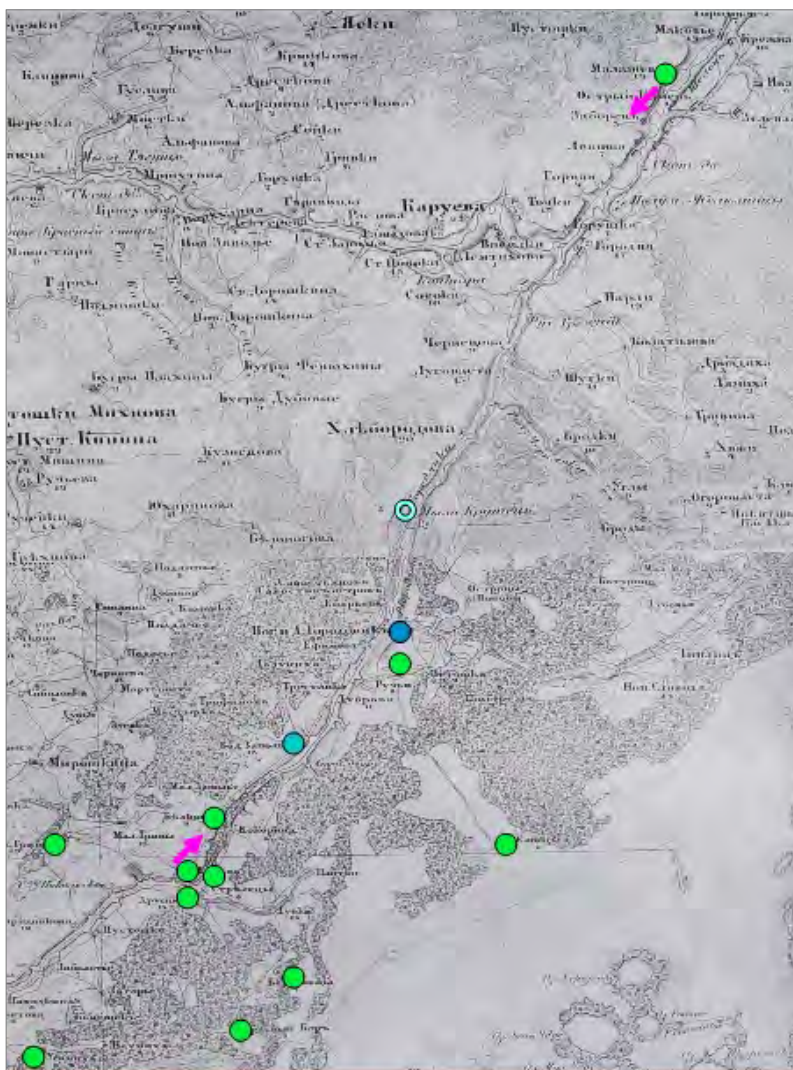

Рис. 3. Имение Ноинского

Рис. 4. Имение Цез

Крестьяне собрались в д. Липовец в доме Демида Архипова и, несмотря на неоднократные увещания со стороны помещика и власти, идти в послушание и повиновение не согласились. Култашов, взяв вблизи расквартированный батальон 3 Карабинерного полка Старорусского войска в количестве 50 человек, окружил дом и держал бунтовщиков в осаде с 10 по 13 марта, не давая им пищи. Но и это не привело к послушанию. Бунтовщики не пошли в повиновение своему помещику. Тем временем их товарищи, среди которых были и жёны некоторых из сидящих в запертом доме бунтовщиков, вооружённые чем попало, подожгли стоящий неподалёку сарай с сеном в надежде, что команда отвлечётся на тушение пожара, а осаждённые в это время будут освобождены. Команда своих постов не покинула, и, видя это, бунтовщики выломали изнутри ворота и стали стрелять в команду. Завязалась перестрелка. В результате один солдат ранен в голову, другому зашибли дубиную руку. Из бунтовщиков 6 ранено, 3 сгорело (Иван Мелентьев и Григорий Архипов), 33 переловлены и большое число разбежалось. Из поджигателей один был ранен и 14 марта умер. Это был Семён Ефимов, беглый крестьянин Витеб-

ской губернии. По словам умирающего Ефимова, его подговорил поджечь сарай Алексей Прокофьев, крестьянин д. Михалёво, чтобы освободить внука. Было проведено следствие и организован розыск бежавших бунтовщиков. В ходе следствия бунтовщики показали, что к возмущению были подговорены крестьянами Петром и Остафьем Алексеевыми и Иваном Мелентьевым. Зачинщиками бунта было разглашено, что помещики Ноинский и Цеэ будут отправлены в Сибирь, а им император изволил обещать вольность.

15 марта псковской гражданский губернатор фон Адеркас пишет министру внутренних дел Ланскому просьбу приказать Ноинскому, служившему в Генеральном штабе, отправиться в селение своё, чтобы лично успокоить крестьян своих, выслушав их жалобы.

Помещик Ноинский причину подачи жалобы видел в восстании декабристов, после которого были распущены разные слухи, которые дошли и до вотчины. В своём объяснении он писал: «Под влиянием этих слухов крестьяне буйного нрава, привыкшие к своеволию, злобствуя на вотчинное управление, в свою очередь распустили по вотчине нелепые и возмутительные толки о том, что стоит только подать жалобу на помещика, и они будут вольными. С этим они и отправились в столицу. Вернувшись в имение, они усугубили своеволие и внушали это другим крестьянам. В результате крестьяне перестали повиноваться приказаниям конторы, прекратили вносить оброк, сборы на казённые повинности». Ноинский на каждый пункт жалобы крестьян дал объяснения. Лён предложил сдавать ему в контору на тех же условиях, что и при продаже другим заготовителям. Трепать лён заставлял только тех, которые по лености своей не могли платить оброка, за неявку штраф не накладывался. Денежные штрафы введены вместо телесного наказания по мере вины и состояния. «Деньги не идут в мою пользу, но обращаются в мирской капитал на заведение крестьянской больницы. У крестьян ничего не брал, а напротив, купив имение, потратил более 5000 руб. на покупку лошадей, скота и хлеба для нуждающихся. Управление имением производится контрою по мирским приговорам под надзором управляющего. Никто из крестьян не жаловался на вотчинное управление».

К 16 марта бунтовали крестьяне помещиков Ноинского, Цеэ, купца Вилль и графини Заводовской. Надо отметить, что до недавнего времени все деревни, охваченные бунтом, принадлежали графини Заводовской — дочери Николая Фёдоровича Апраксина. Между жителями этих деревень была не только соседская, но и родственная связь.

20 марта в с. Крутец прибыл губернатор фон Адеркас. Старосты оповестили крестьян, чтобы хозяин каждого дома явился 21 марта в контору (с. Крутец), где Адеркас планировал беседовать с каждым из них о причине их непослушания. Никто из крестьян не явился. 21 марта прибыл полковник Герман, присланный от государя императора, чтобы “привести крестьян безусловно в полное повиновение законной власти и их помещикам”. Полковник через старост повторил требование явиться хозяину каждого дома 22 марта в с. Крутец. 22 марта в контору явилось несколько крестьян, а старосты донесли, что крестьяне собираются толпами в дд. Стрелицы, Друсино, Дудино. Затем объединились в д. Стрелицы в количестве 60 человек. Вооружены были ружьями, пиками, дубинами, но, узнав, что к ним в деревню идёт две роты солдат, разбегались. Полковник Герман, придя в выше названные деревни, строго приказал явиться 23 марта каждому хозяину в контору. Но и 23 почти никто не явился. Старосты донесли, что крестьяне собираются в выставке Городовик, а в с. Крутец идти не хотят. В Городовик был командирован дворянский заседатель Култашов с жандармом, чтобы строго потребовать немедленно явиться в контору. Крестьяне подчинились. Но главнейший бунтовщик крестьянин д. Еловца Данила Михайлов в контору не пошёл, а вернулся домой, взяв с собой сына Фёдора Данилова. Дома они взяли ружья и подались в бега. Крестьян, пришедших в контору, полковник Герман окружил ротою, объявил им высочайшую императорского величества волю, в которой тот повелевал, чтобы крестьяне обратились в повиновение. Главных зачинщиков неповиновения взяли под стражу: Фирса Васильева, закоренелого старообрядца; Фёдора Дмитриева (д. Бармаково); Егора Трифанова, Лифана Матвеева, Дениса Захарова. Затем полковник Герман внушал крестьянам, чтобы они оставались в полном повиновении законной власти и помещикам, что при малейшемслушании будут строго наказаны. При этом некоторые начали шуметь, переходить с места на место и приказам и увещаниям не подчинялись. В результате их наказали розгами, после чего они раскаялись и обещали быть в полном повиновении. Господин полковник дал старшинам каждой деревни письменный приказ с изложением императорского величества воли, в котором говорилось, что если кто укроет беглых бунтовщиков, то не только он сам, а и вся деревня будут строго наказаны. Запрещалось всякое скопище, а если такое произойдёт, то вся деревня подвергнется строгому взысканию. После чего крестьян распустили.

В с. Тучино был отправлен инспектор Врачебной управы штаба лекарь Всеволодов, который оказал помощь раненым.

24 марта губернатор Адеркас и полковник Герман прибыли в с. Тучино помещика Цеэ. Здесь они допросили раненых. Раненые крестьяне объяснили, что не имеют причин жаловаться на помещика: оброк платят тот же, что и прежней помещице графине Заводовской, что научены к бунту крестьянами господина Ноинского Д. Михайловым, Ф. Васильевым, К. Алексеевым, что даже к присяге их приводили «не повиноваться и не выдавать и стоять друг за друга и бунтовщики сии заверяли их, что государь император объявил, что они будут вольными, а помещик их и Ноинский будут сосланы в Сибирь». Алексей Прокофьев показал сильнейшее раскаяние и со слезами объявил, что господин их не барин, а настоящий отец, что многие тысячи употребил в пособие их, что сын его родной Пётр Алексеев разбойник, что он по научению крестьян господина Ноинского взбунтовал и их вотчину. Отец проклял сына Петра.

25 марта все крестьяне господина Цеэ собрались в село и принесли раскаяние и обещали быть в повиновении, называя помещика отцом. Затем часть крестьян была выпорота розгами. По окончании сего весь мир вотчины господина Цеэ и сами наказанные благодарили губернатора за отеческое им наставление и все были распущены по домам. Так как главные бунтовщики Пётр и Остафий Алексеевы находились в бегах, были предприняты меры к их поимке, двое бунтовщиков отправлены в Порхов под суд. «Водворив тишину, спокойствие и повиновение в имении Цеэ», губернатор 29 марта вернулся в имение помещика Ноинского.

Адеркас считал, что «поистине ни один из крестьян господ Ноинского и Цеэ не имеет ни малейшей причины справедливо жаловаться на помещиков». В подтверждение этого была приложена записка об управлении имением Ноинского.

Псковская уголовная палата 2.11.1826 г. внесла некоторые изменения в решение Порховского уездного суда. К этому времени Ф. Васильев и Д. Михайлов умерли в порховском тюремном остроге. На допросах Остафий Алексеев показал, что когда ходили в Петербург для подачи просьбы государю императору, то ночевали две ночи в тамошнем губернском правлении у сторожа Романа, где неизвестный приказной за 10 руб. написал им просьбу. Палата постановила: Д. Захарова, К. Алексеева, Я. Костыгова, Л. Капитонова, Фёдора Дмитриева, Л. Матвеева наказать плетью, дав каждому по 30 ударов и сослать в Сибирь.

- > Фирс Васильев, 55 лет, д. Берёзовец, **умер**
- > Дапила Михайлов, 45 лет, д. Еловец, **умер**
- > Кирсан Алексеев, 50 лет, д. Мальшево, **сослан**
- > Егор Трифанов, д. Мальшево, **штраф**
- > Егор Марков, д. Ручьи, **сослан**
- > Денис Захаров, 53 года, д. Бельково, **сослан**
- > Лифан Матвеев, 51 год, д. Усаниха, **сослан**
- > Яков Леонов Капитонов, 55 лет, д. Б. Гривы, **сослан**
- > Лука Иванов Костыгов, 40 лет, д. Стрелицы, **сослан**

Рис. 5. Наказания

Фёдора Данилова и Архипа Михайлова судить особо по поимке их.

Сочинителя просьбы, по открытии его, подвергнуть следствию и суду.

Петра Алексеева высечь кнутом и отправить на каторгу навечно, Остафия Алексеева высечь плетью и вернуть в вотчину, если помещик согласен его взять. В противном случае сослать на поселение в Сибирь.

Николай I держал руку на пульсе. Прочтя отчёты о бунте, он приказал суд произвести безотлагательно, но приговор не мог быть приведён в исполнение без его высочайшего утверждения. Ноинский, боясь послабления для взбунтовавшихся крестьян, обращается к Ланскому с просьбой исходатайствовать у императора высочайшую волю, чтобы шесть крестьян его для ограждения имения от новых беспокойств сосланы были в Сибирь, так как крестьяне не просто вышли из повиновения властям, а занялись разбоем — подговорённые ими крестьяне Цеэ стреляли в воинскую команду и подожгли сарай.

Департамент полиции оставил приговор без изменения.

Источники:

1. ГАПО. Ф. 20 Оп. 1 Д. 745.
2. РГИА. Ф.1286 Оп. 4 1826 г. Д. 329.

ОЖЕРЕЛЬЯ XIX — НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЙ В СОСТАВЕ КОЛЛЕКЦИИ ПСКОВСКОГО МУЗЕЯ

Частично представлены результаты исследований ранее не изученной коллекции украшений из драгоценных металлов и камней Псковского музея-заповедника. Определены и идентифицированы пробирные и иные клейма на изделиях. Предметы датированы, включены в стилистический ряд, соотнесены с коллекциями других музеев, описаны. Государственная инспекция пробирного надзора определила пробы металла, качество и состав драгоценных камней. Исследования выявили редкие и имеющие художественную ценность предметы.

Ключевые слова: украшения, ожерелья, стили, мода, бриллианты, стразы.

Как всегда считалось, фонд драгоценных металлов не пострадал в период Великой Отечественной. Однако изучение документов позволяет усомниться в этом утверждении. Это касается коллекции ювелирных украшений — их сохранилось чуть больше одной трети, а две трети оказалось утраченной. Но и в той небольшой части, которая дошла до нас после военных событий и пополнилась стараниями сотрудников музея во второй половине XX века, есть заслуживающие внимания экспонаты. Коллекция украшений датируется очень широко: от X до XX столетия. В её составе есть археологические находки; украшения, входящие в состав кладов; этнографические предметы из серебряного убора народа сету, крестьянские и городские серебряные украшения рубежа XIX и XX веков, привезенные сотрудниками музея из собирательских экспедиций, а также предметы, закупленные у населения г. Пскова.

На протяжении истории украшения всегда были связаны с господствующим стилем в искусстве, а затем с модой. В практике моды принято разделение украшений на зимние, которые уместно надеть при искусственном освещении и цвет их от этого только выиграет, и летние. К зимним украшениям относятся изделия с прозрачными камнями, к летним — непрозрачные камни типа яшмы, лазурита, би-

рюзы, которые обычно дешевле, что соответствует законам летней моды. Правила этикета приписывали и возрастные рамки для тех или иных украшений. Например, считалось неприличным носить украшения с бриллиантами молодым девушкам.

Из клада, найденного на улице Горького, происходит ожерелье с алмазами и бриллиантами, приобретённое хозяевами явно в пандан к броши из того же клада. В качестве ювелирного украшения алмаз появился на Руси около 1500 года¹ [1]. В основном это были камни индийской работы — алмазы, с отшлифованными естественными гранями. В середине XV века в Европе появилась огранка «розой»² [2]. Но полного торжества алмазы достигли лишь при бриллиантовой огранке³. Бриллиантовая огранка формировалась на протяжении XVII в. Подлинный расцвет уж не алмазной, а бриллиантовой моды в России пришёлся на царствование Екатерины II, когда в повседневной жизни слово «алмаз» практически перестало использоваться, будучи заменённым на «бриллиант»⁴ [3]. В середине XIX века были открыты крупные месторождения алмазов в Австралии, Южной Африке и Америке. Добыча алмазов в мире непрерывно увеличивалась и некоторая девальвация ценности камня спровоцировала интерес к технологии и мастерству работы ювелира. Престижность украшения в большой степени определялась именно художественными качествами изделия. Украшения всегда подразделялись на парадные и повседневные: блестящие прозрачные драгоценные камни сочетались преимущественно с вечерней порой и парадным туалетом дам. Молодым девушкам предписывалось носить жемчуг, бирюзу, коралл. Ювелирные украшения этого периода, а это время господства модерна, очень пластичны, часто стилизуют природные формы. Бриллианты крепятся в высоких «лапках», которые позволяют выявить красоту прозрачного камня. Нижняя часть каждого каста особенно крупных

¹ «Роза» — полусфера с плоским основанием и нанесенными на нее треугольными гранями. Их может быть от 12 до 36.

² При огранке розой основание камня плоское, корона состоит из треугольных граней (обычно 12 или 24), расположенных симметрично, при этом, как правило, камень имеет округлую форму.

³ Бриллиантовая огранка — огранка камня в виде двух усеченных пирамид основаниями друг к другу, с множеством треугольных или клиновидных граней: от 16 до 102-х.

⁴ Бриллиант — алмаз, обработанный специальной бриллиантовой огранкой, которая обеспечивает наибольшую «игру камня», «при этом свет отражается от его нижней части и проходит через верхнюю, распадаясь на все цвета спектра».

каменной выполнена в виде лепестков цветка, сердцевинкой которого является бриллиант. «Розы» плотно закреплены в оправе, прилегая друг к другу.

Рис. 1. Колье. Санкт-Петербург 1908–1917 гг. Серебро, золото, 131 бриллиант, 94 алмаза огранки «роза». КП-8749(67)

Ожерелье выполнено из серебра и золота, в его составе 131 бриллиант и 94 алмаза огранки «роза». Оно по моде эпохи модерна небольшое, спускающееся чуть ниже шеи. Вместе с бриллиантовой брошью они составляют так называемую «парюру» — набор украшений, включающий от двух до пятнадцати предметов, подобранных по качеству и виду камней, либо по единству художественного решения. Опять, как в эпоху расцвета бриллиантовой моды, металл в украшении почти невидим, он — основа композиции, но главное место в эстетическом впечатлении занимают искусно огранённые камни. Ожерелье изготовлено в Петербурге неизвестным высококвалифицированным мастером. Такой тип шейного украшения называется колье (от французского «ошейник») — украшение сложной конструкции с фиксированной центральной частью, которая представляет собой узор из оправленных в драгоценный металл ювелирных камней, обычно ещё и с подвесками. В середине узора расположены крупные детали, к краям они уменьшаются. Иногда

звенья заканчиваются тонкой цепочкой с замком. Наше кольцо — на серебряной цепочке с цилиндрической застёжкой. К цепочке подвешена золотая гирлянда из звеньев, изображающих листья и цветы; гирлянда имеет пять подвесок. В центре композиции бант, украшенный несколькими крупными вставками, ленты его покрыты мелкими алмазами в глухой оправе. Крупные бриллианты помещены в крапановые⁵ касты, где камень удерживается не сплошной стенкой по всему периметру, а отдельными стойками (крапанами). Такое закрепление камня увеличивает огонь и цветовую игру бриллианта. Кроме того, бриллиант в такой оправе зрительно выглядит крупнее. Средняя часть этого украшения с бантом, крепится к гирлянде на винтах; она может отделяться и трансформироваться в брошь с подвесками. На замковой части броши предусмотрено ещё одно винтовое крепление — для булавки, которая не сохранилась. Таким образом владелица этого украшения могла иметь в своём распоряжении два предмета.

Рис. 2. Колье в футляре. Россия, 1872 г. Клеймо С. Серебро, литье, волочение, штамповка, пайка, ограненное прозрачное стекло.
КП- КП-29664

Ожерелье в подлинном футляре, которое поступило в дар в 1996 году, происходит из коллекции актёра Псковского театра Ремизова. Оно выполнено из серебра и стразов. Каждое звено его представляет собой розетку из 13 стёкол. У ожерелья ярко выражена центральная часть, в составе которой имеется несколько подвесок. Самая крупная

⁵ Термин В. И. Марченкова (Ювелирное дело. М., 1984. С. 110–111).

розетка скомпонована более сложно: с обрамлением её меньшими по размеру. Ожерелье — одно из самых древних украшений. Располагающаяся по центру ожерелья подвеска играла важную роль. Она должна была располагаться над шеей или грудью, как бы защищая их. Это воспоминание о ритуальном характере украшений как амулетов. Стразы — имитация бриллиантов, созданная на основе особого свинцового стекла. Открытие этого материала в 1758 г. приписывается австрийскому химику Иозефу Штрассеру [4]. К концу XVIII века стразы появляются в России [5], ими украшают костюмы, обувь, кареты, в XIX веке стразами оформляют ордена, используют для украшения икон. Во второй половине XIX столетия стразы начинают носить открыто как украшения — они входят в моду в этом качестве. А в начале XX века в театральных кругах было принято заказывать к подлинным драгоценностям их полное повторение из стекла: в то время как подлинные драгоценности лежали в сейфах, носили так называемые «тетовские бриллианты» — по имени одного из торговцев этим товаром в Петербурге, владельцев магазина «Тета и Кепта» [6]. Очень часто такие вставки делали в золото, платину и серебро. Наше украшение датировано 1872 годом. К украшениям из стазов применялись такие же правила, как и к бриллиантовым уборам. «Во всяком случае алмазному украшению должен соответствовать не только остальная туалет, но даже и обстановка... Напротив того, ненатурально и некрасиво, когда надевают бриллианты при туалете для прогулки или домашнем платье. Тогда нельзя употреблять часто поразительно похожие на них стразы. Эти поддельные бриллианты должны носить такие дамы, которые по своему положению могут быть в настоящих и имеют туалет и обстановку, подходящую к алмазам» [7].

Из клада 1975 года происходит кулон — «украшение из одного крупного цветного камня в окружении мелких камней или жемчуга» на очень тонкой изящной золотой цепочке из звеньев разной длины. Мода на кулоны появляется в XIX веке [8], но ещё в конце этого столетия слово «кулон» в русских текстах писалось по-французски. На основании пробирного клейма он датируется 1899–1908 годом. Подвеска состоит из овального и каплевидного гранёных синтетических корундов с александритовым эффектом в золотой оправе. Они соединены между собой золотыми ленточками с напаянными на них шариками зерни. Между ними золотой цветок и две вставки из алмазов, огранённых розой. Синтетические камни — это новинка. В 1902 году парижский профессор Вернейль опубликовал способ изготовления искусственного корунда. Его производят из окиси алюминия при

Рис. 3. Ожерелье. Россия XIX в.
Без клейм. Золото, литье,
плетение из волос. КП-166

лярный в XIX веке, но совершенно забытый материал для изготовления ювелирных изделий. Они появились в украшениях в XVIII веке, когда было принято закладывать прядь волос в медальон⁶, оплетать ими оборот портретной миниатюры⁷. Это было возрождение языческих представлений о магической силе волос. У императрицы Марии Фёдоровны (жены Павла I) хранилось огромное количество украшений из волос. Мода на них уже была широко распространена в Европе, России и Америке. В начале XIX века, в эпоху сентиментализма и романтизма, возник новый всплеск интереса к украшениям из волос. В дамских журналах в эту пору публикуются статьи о различных способах плетения. Это становится одним из видов женского рукоделия. Украшения из волос, как правило, имеют мемориальный характер, но это не обязательно память об умершем человеке, а ещё и символы любви и дружбы. Они позволяют постоянно иметь с собой частицу любимого человека. Перед плетением волосы разбирают на пряди по длине и цвету, примерно по 30 волос в каждой пряди. Пряди должны

температуре 2150 °С. Добавление окиси ванадия [9] даёт тот самый александритовый эффект, которым отмечен этот камень. Он заключается в изменении видимой окраски минерала в зависимости от характера освещения, дневного или искусственного [10]. Природный александрит при искусственном освещении — розово-сиреневый, а при естественном — зеленовато-голубой. Цена искусственных кристаллов вначале была очень высока.

Среди ожерелий в нашей коллекции есть довольно редкий экземпляр — плетёное из волос украшение с маленьким золотым сердечком в качестве привески. Волосы — чрезвычайно популярный

⁶ В нашей коллекции это медальон с запиской на немецком языке и прядью волос КП-4133.

⁷ В фонде драгоценных металлов Псковского музея хранится миниатюрный портрет Н. Н. Скобельцына с плетенкой из волос на обороте. КП-16098.

быть длиной не менее 30–35 сантиметров, затем волосы кипятят в содовом растворе 15 минут. Для плетения нужен круглый стол с круглым же отверстием в центре. Сплетённую основу затем передавали ювелиру для оформления и закрепления концов. Волосы могли быть подобраны по цвету. Два цвета придавали дополнительный эффект готовому украшению.

Мемориальный характер этих предметов, возможно, стал причиной того, что они стали частью траурного этикета. Во время траура разрешалось носить далеко не все украшения: например, нельзя было надевать бриллианты. В конце столетия журнал «Вестник моды» упоминал, что именно вещицы из волос приличны всякому возрасту и единственно допустимы во время траура». Было принято сохранять память об ушедших близких людей посредством, в том числе, и ювелирных изделий. Из волос любимых и близких людей делали браслеты, цепочки и серьги, вкладывали их в броши, кольца и подвески. А иногда просто срезали прядь волос, как сделал это дядька Пушкина Никита Козлов по просьбе И. С. Тургенева, когда его барин уже лежал в гробу. Ожерелье⁸ сплетено в виде двух ажурных цепей с фестонами по краям и с двумя перехватами бочкообразной формы из одинакового материала — тёмно-русых волос. На концах — две плоские пуговицы и одна сохранившаяся петелька, к которым, вероятно, крепились застёжки или завязки.

К типу мемориальных украшений примыкает медальон. Это всегда коробочка в форме круга, овала или сердечка с крышечкой, закреплённой на шарнире. В неё вкладывали портрет, прядь волос или иные памятные «вещественные знаки невестественных отношений», по ироническому выражению И. А. Гончарова Это самый сентиментальный вид украшений и мода на него приходит в эпоху, когда начинают культивироваться чувства любви, дружбы, благодарной памяти. Всплеск интереса к этому украшению совпал с началом царствования Александра I, но просуществовал до середины XX века. Медальонов в нашей коллекции два: из клада начала XX века⁹ и с запиской на немецком языке и прядью волос внутри, под стеклом в овальной рамочке. Локон светлых волос перевязан ниткой, записка на немецком языке написана пером на бумаге, обрезанной под формат медальона. Текст гласит: «Здоровья, удовлетворённости и счастья в жизни» На другой стороне: «Готтфрид. 8 августа 1838»¹⁰.

⁸ КП-166.

⁹ КП-8749.

¹⁰ КП-4143.

За любым музейным предметом стоит человеческая судьба и время. Не являются исключением и украшения, которые помогают представить воздух эпохи и живых людей, её населяющих.

Литература:

1. *Ферсман А. Е.* Очерки по истории камня. М., 1954. Т. 1. С. 357.
2. *Здорик Т. Б., Фельдман Л. Г.* Минералы и горные породы. Т. 1. Ювелирные камни и благородные металлы. М., 1998. С. 291.
3. *Корнилов Н. И., Соколова Ю. П.* Ювелирные камни. М., 1983. С. 50.
4. *Агатова Г.* Мир камня и ваше здоровье. СПб., 1997. С. 193.
5. *Кирсанова Р. М.* Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 в. Опыт энциклопедии. М., 1995. С. 263.
6. *Засосов Д. А., Пызин В. И.* Из жизни Петербурга 1890–1910 гг. Л. — Д., 1991. С. 109.
7. *Что мне к лицу.* СПб., 1891. С. 96.
8. *Постникова-Лосева М. М.* Золотое и серебряное дело XV–XX вв. (Территория СССР). М., 1995. С. 36.
9. *Тойбл Карел.* Ювелирное дело. Перевод с чешского А. Н. Устинович. М., 1982. С. 147–148.
10. *Куликов Б. Ф.* Словарь-справочник камней-самоцветов. М., 1999. С. 22.

А. В. Кондратеня
Союз краеведов России
г. Опочка Псковской обл. Россия.
E-mail: kondratenya_alek@mail.ru

**ЦЕРКОВНЫЕ КОЛОКОЛА ГОРОДОВ
ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА
(по Клировым ведомостям ГАПО)**

В статье рассказывается о колокольном литье в России и колоколах, колокольнях и звонницах Псковской земли.

***Ключевые слова:** Литьё колоколов, Псков, Остров, Новоржев, Опочка, Изборск, Печоры, Красный город.*

Неотъемлемым атрибутом храма Божьего, помимо купола и креста, была колокольня. Колокольня — символ гласа Божьего. До XV века на Руси звон в колокол не предусматривались.

С началом возвышения Московского княжества (XV век) каменное храмовое строительство и колокололитейное дело начали развиваться быстрыми темпами. Появилась необходимость в отдельном каменном сооружении для колоколов — звонница, позднее колокольня.

Сначала колокола лили монахи, затем колокололитейное дело перешло к ремесленникам. До середины XVI века на колоколах не принято было делать надписи и украшения. Заказчиками колоколов обычно выступали царская семья, бояре, слободы или монастыри (храмы), которые отливали колокола в честь святых, чудотворцев или имени, которому был посвящён храм. По традиции, часто 1/3 стоимости колокола давал храм, ещё 1/3 — благодетель (меценат) и остальную часть народ собирал «с кружкой», то есть всем миром.

В конце XIX — начале XX в. русские колокола приобрели мировую славу. На многих международных выставках были представлены изделия российских колокололитейных заводов, а их владельцы награждались золотыми и серебряными медалями.

Целью данной работы было на основе Клировых ведомостей церквей городов Псковской губернии, находящихся на хранении в Государственном архиве Псковской области, собрать сведения о наличии церковных колоколов начала XX века.

Были изучены описания церквей городов: Пскова, Порхова, Острова, Новоржева, Опочки, пригородов Изборска и Красного и за-

штатного города Печоры. В результате обработки данных была составлена сводная таблица о наличии колоколов по церквям городов Псковской губернии (приложение 1). В таблице содержатся сведения о названии церквей, местах их нахождения; даётся описание колоколен (звонниц) и колоколов. В описании колоколов указано их наличие и вес, а также данные о существующих надписях и изображениях на колоколах. Основным источником информации были Клировые ведомости за 1900, 1908 и 1914 гг. Наиболее информативными оказались Клировые ведомости за 1900 год, наименее — за 1914 год.

Наиболее древним из представленных колоколов оказался колокол весом около 80 пудов церкви Святых Бессеребренников и Чудотворцев Косьмы и Дамиана в г. Пскове. Это колокол времени правления Ивана Васильевича IV. По традициям того времени, колокол снабжён длинной надписью, в которой содержится время литья колокола — 1547 год, повелением каких людей он был сделан; указаны имена мастеров, при каких священниках происходило сие дело. Как обычно, надпись сопровождалась выдержками из молитв, обращений. На некоторых колоколах — например, Псковоградского Иоанно-Предтеченского монастыря, благодаря своему размеру в 145 пудов, — были занесены на сам колокол имена жертвователей на его создание. Но так как их было большое количество, чтобы вместить их всех на колокол, то выбивались только заглавные буквы имён. На многих колоколах, в основном большого размера, располагались изображения святых, чудотворцев и т. п. Например, в описании колокола Троицкого собора Пскова указано: «В 1891 году большой колокол был перелит. Вновь устроенный колокол имел украшения, которые совмещены в четырех венцах. Первый сверху венец — венчик из цветов, ниже его — хартия, поддерживаемая при концах двумя херувимами с надписью: «помни день воскресный еже святыни его». Второй венец — надпись об устройении колокола, украшенная бордюрами, третий — ряд херувимов, среди которого на противоположных сторонах два образа — Святой Троицы и Благовещения; на первом надпись «Пресвятая Троица Слава Тебе», на втором — «благовестуй радость волюю». Четвёртый венец — продолжение подписи об устройении колокола: «колокол сей слитый в 1700 году, перелит в июне 1891 года в память прекращения торговли по воскресным дням в г. Пскове при державе Благочестивейшего Государя Императора Александра III, с благословения Преосвященнейшего Гермогена, Епископа Псковского и Порховского, усердием духовенства и Псковских граждан, старанием причта и старосты собора».

С середины XIX века активно развивается заводское колоколотейное дело. Основными поставщиками колоколов, судя по надписям на колоколах, были заводы Стуколкина и А. П. Васильевой (Санкт-Петербург); заводы Д. Селигина и Богданова (Москва) и завод П. И. Оловянного (Ярославль).

По другим надписям на колоколах конца XVIII века можно определить, что мастера по литью колоколов были и на Псковской земле. Так, например, надпись на большом колоколе (около 70 пудов) церкви Святого Великомученика Дмитрия Мироточивого (на Дмитриевском кладбище) г. Пскова сообщает: «лит в Пскове 1790 года мая 18 града Опочки мастер Федор Максимов». На некоторых колоколах есть надписи, гласящие о катастрофах. Например, о великом пожаре в Опочке. Надпись на большом колоколе Спасо-Преображенского собора г. Опочки в 99 пудов сообщает: «лит в г. Опочке в соборную церковь из оставшейся меди от бывшего в 1774 году на 17 сентября великом пожаре, в которое время и медь собрана из 2-х колоколов, присланных из Литвы от некоторых знатных особ, в честь образа Всемилостивого Спаса и оные, находясь в плену по окончании сражения и принесения покаяния, отпущены в свои дома обратно и в возблагодарение от них прислан колокол».

Таким образом, многие колокола являются своего рода летописями, хранящими события, в ознаменование которых они были отлиты. Надписи на колоколах составляют богатый материал для русской эпиграфики и истории. Клировые ведомости не могут дать полную картину состояния и описания колоколов псковских церквей. Для этого необходимо изучать дополнительно документы в фондах Псковской Духовной консистории и Духовных правлений, если таковые сохранились.

Сводная ведомость по колоколам церквей городов и пригородов Псковской губернии начала XX века

Название церкви	Город или пригород	Описание колокольных и колоколов	Источник информации
Святого Чудотворца Николая на Усохе	Псков	В связи с церковью находится каменная колокольная, верх коей деревянный, надстроенный в 1865 году. Всех колоколов 7. На по-лилейном колоколе, вылитом в XVII в. Весящим около 70 пудов, следующая надпись: «Божиею милостию Перввятыя Его Мггери Святыя Троицы помощию сим бысть колокол сей в городе Пскове к храму Николе Чудотворцу на Усохе лета (старославянский шфир) мая день на память иже во Святых Отца нашего Никола Чудотвор-ца, при державе царствия Благоверного Христолюбивого царя и Государя и Великого Князя Михаила Феодоровича Всея России и Архиепископом Иоанном Псковским и Изборском и при священ-никах того храма Степанне сыне Тетерине, да при старостах Мар-тине Силуянове и Андреем, а делали мастера Сава да Кузьма да племянник их Трофимко диачек. Аминь». Вес остальных колоко-лов неизвестен и надписи на них неразборчиво написаны.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 1 оборот 1900 г.
Псково-Градская Паромо-Успенская	Псков	Колокольная (звонница) каменная, построена отдельно от церкви, приспособлена для жилья, но квартиры крайне неудобны и сыры, приносят церкви дохода около 40 рублей в год. Колоколов 9 разно-го веса и без надписей.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 95. 1900 г.

Троицкий собор	Псков	<p>Колокольная каменная. Стоит отдельно от храмов. В 1880 году в верхнем этаже колокольной перемены балки, сделан новый потолок, исправлены лестницы, фонарь-купол перекрыт новым железом и выкрашен краскою. Колоколов 20. В 1891 году большой колокол перелит; вновь устроенный колокол имеет украшения которые совмещены в четырех венцах; первый сверху венец — венок из цветов — ниже его хартия, поддерживаемая при концах двумя херувимами с надписью: «помни день воскресный еже святыни его». Второй венец — надпись об устроении колокола, украшенная бордюрами, третий — ряд херувимов, среди которого на противоположных сторонах два образа — Святой Троицы и Благовещения; на первом надпись: «Пресвятая Троица Слава Тебе», на втором — «благовестуй радость волию». Четвертый венец — продолжение подписи об устроении колокола: «колокол сей слитый в 1700 году, перелит в июне 1891 года в память прекращення торговли по воскресным дням в г. Пскове при державе Благочестивейшего Государя Императора Александра III, с благословения Пресвященнейшего Гермогена, Епископа Псковского и Порховского, усердием духовенства и Псковских граждан, старанием причта и старосты собора».</p>	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 165. 1900 г.
Псковоградская Бутырская Успенская	Псков	<p>Колокольная каменная из плиты, в связи с церковью. Первый колокол — 57 пудов 27 фунтов. Второй — 13 пудов. Третий — 8 пудов. Четвертый — 6 пудов 2 фунта. Пятый — 6 пудов. Шестой — 1 пуд. Седьмой — 20 фунтов. Первый колокол имеет надпись имен лиц, старанием которых он приобретен, а именно: священником Скворцовым и церковным старостою Петром Яковлевым в 1883 году. За колокол уплачено 1000 рублей, пожертвованных прихожанами. Остальные колокола без надписей.</p>	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 244. 1900 г.

Псковоградский Петропавловский собор	Псков	Колокольня каменная, в три яруса, построена одновременно с приписанной к собору Казанской церковью в 1810 году, над её притвором. Колоколов 12. Из них в самом большом весу 129 пудов 13 фунтов. Два колокола вылиты в XVI веке.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 296. 1900 г.
Иоанно-Богословская на Мишариной Горе	Псков	Колокольня при храме каменная и в связи с ним. Колоколов — 6. В большом колоколе весу 36 пудов 16 фунтов, во втором и третьем по 3 пуда в каждом; в четвертом два пуда и в двух последних по 27 фунтов в каждом. На большом колоколе находится следующая надпись: «Лит колокол в Санкт-Петербургском заводе купецкий сын Михаил Стуколкин 1845 года мая 5 дня в Псково-Градскую Иоанно-Богословскую Мишаринскую церковь».	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 318 оборот. 1900 г.
Псковоградский Иоанно-Предтеченский девичий монастырь	Псков	В 1882 году при входе в монастырь с северо-восточной стороны, построена каменная колокольня из известковой плиты, с примесью кирпича, отдельно от церкви. На колокольне 10 колоколов, из них: Первый — большой 145 пудов 36 фунтов с надписью: «Блговестуй, земле, радость велию, хвалите небеса Божию Славу. Отлит сей колокол во имя Иоанна-Предтечи в девичий монастырь и при игуменнии Агнии. Благотворитель и род. Гр. Ф. М, Л, А, Г, И, О, Ф, М, Н: п. Л, А, И, Н, О, П, А, Б, С, П, А, И, И, И, М, А, А, О, В, С, П, Л, И, Г, А, И, А, Н, Е, Г, Г, В, А, А, Д, Н, М, Мар. О, П, П лит в Санкт-Петербурге в заводе А. П. Васильевой в 1811 году. Второй — 64 пуда 35 фунтов с надписью: «Благовестуй, земле, радость велию, хвалите небеса Божию Славу».	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 336 оборот-337. 1900 г.

		<p>Сей колокол отлит усердием благотворителей: Родион, Григорий, Г. П, А, С, Н, В, С, А, Г, Е, Г, П, Д, Н, А, М, В, М, И, С, М, П, И, Л, О, П в Псков Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря при игуменнии Агнии. Лит в Санкт-Петербурге в заводе А. П. Васильевой в 1862 году. Третий — 29 пудов 30 фунтов с надписью: «Благовестуй, земле, радость велию, хвалите небеса Божию Славу». Благотворители сего колокола: Иродион, Григорий, Иоанно-Предтеченского монастыря при игуменье Агнии. Лит в Санкт-Петербурге в заводе А. П. Васильевой 1884 года. Четвертый — без обозначения веса с надписью: 31 апреля в VI день слит бысть колокол сей к рождеству Ивану Предтечи на Завеличье в девичий монастырь при Государе и Царе Великом Князе Феодоре Ивановиче всея Руси и при епискуле Псковском Михаиле, при игуменнии Манфе да церковном прикащике Осифе, да при священниках Климентии и Левонтии лил колокол Офона Понкратьев. Пятый — без обозначения, с надписью: лета ЕИД месяца августа в Е дня слит колокол сей при державе царства Благоверного Христоролюбивого Великого Князя Ивана Васильевича Царя и Государя, всея Руси при Архиепископе Великого Нового-рода и Пскова Владыке Феодосии, а делал мастер Тимоха Андреев сын Псковитин слава совершителю Богу». Шестой — 12 пудов 30 фунтов, с надписью: «1720 года мая в 17 день (одного слова не разобрать). Сельмой — без обозначения веса, с надписью: «Божью Милостью в (год на старославянском языке) год лил сей колокол Псковитин человек Фома Котельник к церкви. На остальных трех колоколах надписей нет.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 379. 1900 г.</p>
<p>Единоверческая Свято-Троицко-Николаевская</p>	<p>Псков</p>	<p>Колокольная построена также из плиты, в связи с храмом, колокола висят наружу, в два яруса, в двух пролетах, числом пять. Самый большой весом 25 пудов 7 фунтов, отлитый в 1760 году; второй отлит в 1693 году, но вес его, а равно и остальных трех малых неизвестен.</p>	

<p>Богоявления Господня</p>	<p>Псков</p>	<p>Зданием церковь тверда по всем своим частям, за исключением колокольни, которая по местам, в верхних своих частях дала глубокие трещины. О степени опасности этих трещин и мерах, как следует принять в этом случае, ожидается заключение строительного отделения Псковского губернского правления. Означенная колокольня каменная пятистолпная и находится в связи с церковью; колоколов на ней семь. Первый — большой, без обозначения веса, вылит в царствование Иоанна Васильевича Грозного. Второй — полиелейный, в 46 пудов. Третий — вседневный, без обозначения веса, равен по величине полиелейному. Два небольших и два малых подзвонка, без обозначения веса.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 389. 1900 г.</p>
<p>Вознесения Господня или Новознесенская</p>	<p>Псков</p>	<p>Вместо колокольни, с левой стороны притвора старинная звонница, колокола маленькие. После ремонта в 1887 и 1890 гг. по внешнему и внутреннему виду благообразна. В 1900 г. с разрешения Епархиального начальства, на Гатчинском колокольном заводе на три разбитых колокола (один Анастасиевской церкви и два этой церкви) приняты заводом за 1 пуд 21 фунт в 161 рубль 44 копейки и на собранные 96 рублей 24 копейки, всего 257 рублей 68 копеек обменен новый колокол и повешен на звонницу от церкви, по освящении оной, 14 мая 1900 г.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 401. 1900 г.</p>
<p>Преподобного Варлаама, игумена Хульнского, Новгородского Чудотворца</p>	<p>Псков</p>	<p>Вместо колокольни, над западною стеною храма устроена звонница на трех каменных колоннах. На ней 6 колоколов, из коих в большом содержится весу 67 ½ пуда. Надписи на колоколах не разобрать, исключая 2-го большого колокола.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 418 оборот. 1900 г.</p>
<p>Святого Великомученика Никиты, что в поле</p>	<p>Псков</p>	<p>Построена сия церковь из плиты. В историческом отношении она замечательна тем, что во время осады Пскова в 1581 году польским королем Стефаном Баторием, с колокольни её Баторий наблюдал</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 449. 1900 г.</p>

Ново-Успенская	Псков	за действиями своих войск, а в прочих отношениях она ничем не отличается от других древних церквей Пскова, зданием крепка, колокольня находится в связи с церковью — каменная, колоколов на ней два без надписей и без обозначения веса.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 450 оборот. 1900 г.
Во имя Преподобного Алексея Человека Божия	Псков	Колокольня каменная выстроена отдельно от храма, довольно высокая. На колоколах 10 колоколов, 8 из них без обозначения веса. Надписи имеют два колокола, из них на большом написано: «Божиею милостью... следующие слов не разобирать, а потом написано... любиваго Царя и Государя и Великого Князя Михаила Федоровича всея Руси при Преосвященном Павле Архиепископе Псковском и Изборском и при старостах Борисе и Афонасии, мастер от казны». На другом написано: «Бысть колокол сей при державе Великого Государя Князя Ивана Васильевича, святых Живоначальных Троицы, лета 3 месяца сентября».	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 470. 1900 г.
Святого Великомученика Дмитрия Мироточивого (на кладбище)	Псков	Колокольня при ней также из плиты и находится в связи с нею. Колоколов на колокольне 9, из которых большой весит 42 пуда 5 фунтов. Второй — 19 пудов, а на остальных колоколах вес из них не означен.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 496 оборот. 1900 г.
Николаевская от Кожина монастыря	Псков	Колокольня в связи с храмом, до половины каменная, а с половины надстроена деревянным срубом по шпукатурке. Колоколов семь. Большой имеет надпись: «лит в Пскове 1790 года мая 18 града Опочки мастер Федор Максимов, весу имеет 70 пудов». Прочие никаких обозначений не имеют.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 509. 1900 г.

<p>Святых беззребренников и Чудотворцев Косьмы и Дамиана</p>	<p>Псков</p>	<p>При сей церкви существует отдельно построенная из такого же материала (плиты) колокольня. На ней больших и малых 5 колоколов. В большом весу около 80 пудов. На колоколах имеются надписи. На первом — «Божиею Милостию и Пречистия Его Богоматери заступлением и помощию Святых Чудотворцев Космы и Демьяна и Преподобного Саввы освященного и всех святых молитвами при державе Православного царства благоверного и христоролюбивого Великого Князя Ивана Васильевича Царя и Государя всея Руси в лето 7055 (1547) год месяца декабря 25 день на память иже во плоти Рождества Христова лит сей колокол области Святой Живоначальная Троицы в Пскове ко храму Святых Чудотворцев и беззребренников Козмы и Демьяна на Запсковые повелением раб Божий Стар. Василия Яковлева сына Рыбника Июдина (?) да Киприяна Нефедова сына иконного мастера и всех сусед (?) Кузьмодемьянского прихода при Архиепископе Новгородца и Пскова Владыке Феодосии да священниках Миките, Козьме и Оксентии при диаконе Иоанне и мастере преименита и славна града Пскова Андреев сын Михайло, Слава свершительно Богу и веки веков. Аминь». Второй — «Божиею милостию и Пресвятыя Его Матери и Святыя Троицы помощию лит колокол сей лета 7123 (1615) года декабря 6 день на память иже во святых отца нашего Николая Чудотворца к боголепному Преображению Господа Бога Спасителя Иисуса Христа, что у старого костра среднем городе при державе царства благоверного христоролюбивого Царя и Государя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея Руси и при епископе Сильвестре Псковском и Изборском, а делали Сава да Кузьма для города».</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 522 оборот. 1900 г.</p>
<p>Во имя Покрова Пресвятой Богородицы</p>	<p>Псков</p>	<p>Колокольня выстроена в связи с церковью в три яруса, нижних два каменные, а верхний — деревянный, ветха и требует перестройки, на какой предмет и собирается капитал из церковных сумм. Колоколов 9. Большой 32 пуда 13 фунтов. Второй по величине 15 пудов 35 фунтов. Вес же остальных не известен.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 556. 1900 г.</p>

Рожество Пресвятой Богородицы	Пригород Изборск	Здание каменная — четырехъярусная, с гладкими стенами и железными крышами, с имеющимися в связи на западной оконечности северной стены каменной трехсторонней звонницею, где повешены четыре колокола, с неразборчивыми надписями, без обозначения веса, литые, смотря по форме их и надписи на большом колоколе, сколько можно разобрать, при державе Иоанна Васильевича Грозного в 7083 лето, кроме второго после большого веса не больше 15 пудов, литого, как видно из описи лета 1853 года, весом 10 пудов 7 фунтов. По всем частям тверда.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 785 оборот. 1900 г.
Святителя и Чудотворца Николая с Городища (приписная к Рождественско-Богородицкой)	Пригород Изборск	Каменная четырехугольная, с гладкими стенами и железными крышами и с имеющейся в связи на западной стене её каменной трехсторонней звонницею, с тремя колоколами без обозначения веса и надписи, полагаая, что большой весом не более 10 пудов. По всем частям тверда.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 788. 1900 г.
Николаевский собор	Пригород Изборск	Колокольня в связи с храмом. Колоколов 6. Большой колокол весом 48 пудов 18 фунтов, надпись на ем следующая: «лит сей колокол в Москве на заводе купца Богданова весом 48 пудов 18 фунтов, усердием священнослужителей и старосты». Изображение на нем святителя и Чудотворца Николая с одной стороны, с надписью: «Святитель Николая». Ис другой стороны изображение Божией Матери, держащей Предвечного младенца. На втором колоколе вес не обозначен и надпись, следующая: «сей колокол создан ч. Святителя Николая при наместнике Гаврииле». На третьем колоколе нет ни обозначения веса, ни надписи. На четвертом надпись: «лета 7180 сентября в 25 день лит сей колокол в граде Изборске в соборную церковь великого святителя Николая Чудотворца».	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 801 оборот. 1900 г.
В честь Преподобного Сергия Радонежского (приписанная к Николаевскому собору)	Пригород Изборск	Колокольня каменная, в связи с церковью. Вес на колоколах не обозначен и надписей нет.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 807. 1900 г.

Святых Четырдесяти мученик, иже в Севастии	Заштатный город Печеры	В одной связи с нею каменная колокольня, построенная в 1860 году, стоимостью 4100 рублей, из коих 570 рублей пожертвовано прихожанами, а остальные церковным старостою, купцом Плещковым. В 1896 году прежний ветхий шпиль на колокольне заменен новым, стоимостью 200 рублей из церковных сумм. Колоколен на колокольне 7. Первый — весом 102 пуда. Второй — 35 пудов. Третий — 21 пуд. Четвертый — 6 пудов 35 фунтов. А три маленьких весом в 10 пудов, в подписях означен вес колоколов.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1230, лист 1046. 1900 г.
Преображения Господне	Порхов	Колокольня из плиты в связи с храмом. Колоколов на ней 7. Первый — 40 пудов 16 фунтов. Второй — 10 пудов 25 фунтов. Третий — 6 пудов 4 фунта. Четвертый — 3 пуда 10 фунтов. Пятый — 3 пуда 6 фунтов. Шестой — 1 пуд 20 фунтов. Сельмой — 1 пуд ? фунтов. Надпись имеется на втором из них: «сей колокол по приказу Санкт-Петербургского купца Иоанна Чуркина лит мастером Мелром Стокгольм марта 1 дня 1747 года».	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1023, лист 1. 1900 г.
Троицкий собор	Порхов	Колокольня устроена в связи с собором, каменная. На ней колоколов 5, весом: Первый — 319 пудов. Второй — 87 пудов. Третий — 26 пудов 23 фунта. Четвертый — 11 пудов 2 фунта. Пятый — восточный. Надписи имеются на 4-х колоколах, означających вес.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 1023, лист 29. 1900 г.
Святителя и Чудотворца Николая	Остров	Колокольня каменная из местной плиты, двухъярусная, построенная в 1801 году в связи с храмом над папертью. Во втором ярусе 9 колоколов. Первый — с изображением Преображения Господня, Казанской Божией Матери Всех скорбящих Радости и святителя Николая Чудотворца. На нем следующая надпись: «Благовестуый земле радость волюю». Колокол сей пожертвован при Епископе Павле Псковском и Порховском, священнике Николае Александровиче Панове и церковным старосте Василеи Шелковее, островского купеческою вдовою Марией Николаевою Даниловой. Весу в нем 213 пудов 24 фунтов.	ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 917, лист 2 оборот. 1908 г.

		<p>Второй — колокол с изображением на одной стороне Казанской Божией Матери, а на другой Свяителя Николая Чудотворца. Весу в нем 36 пудов 35 фунтов. Третий — колокол со следующей надписью: «Божиею его милостию» слово на старославянском языке) года сей колокол Псковским посадским человеком Фома Юрьев сын Котельников к церкви. Весу в оном неизвестно. Четвертый весит 10 пудов. Пятый — 5 пудов. Сколько весом остальные колокола неизвестно.</p>	
<p>Покрова Пресвятой Богородицы</p>	<p>Остров</p>	<p>Колокольня четырех ярусная, построена в 1800 году отдельно от церкви на расстоянии 10 сажень, каменная, вся выложена из плиты, тверда. На колокольне висят 5 колоколов. Первый — большой, на нем надпись: «1797 года января 25 дня Островского Троицкого собора весу 86 пудов». Кроме того, две иконы: Воскресения Христова и Казанской Божией Матери. Второй — полудейный весу 33 пуда, на нем надпись: «отлит в Санкт-Петербурге на заводе мастера купца Михаила Макарова Стукольника». Третий — вседневный весом 21 пуд и 31 фунт и два малых позвонка по 8 пудов 20 фунтов. На последних трех колоколах надписей нет.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 917, лист 96, 1908 год</p>
<p>Во имя Свяителя и Чудотворца Николая</p>	<p>Новоржев</p>	<p>Колокольня каменная, в связи с церковью. Колоколов на ней — 8. Первый — весом 123 пуда 23 фунта, на нем изображение с северной стороны Св. Николая, с южной — Пророка Илии; восточной — Божией Матери; западной — трех ангелов и в верхней части шести херувимов и надпись: «сей колокол в город Новоржев в Николаевский собор при протолерен Алексее Аполлинском и церковном старосте Иоанне Позднякове, 1815 ноября 25 дня. Второй — без обозначения веса с изображениемверху шести ангелов и посреди Св. Троицы, Божией Матери, Св. Николая и Георгия Великомученика с надписью: «лил мастер Михаил Астраханцев».</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 917, лист 26–26 оборот, 1908 год.</p>

Христо-Рождественская (приписанная к Николаевской, кладбищенская)	Новоржев	<p>Третий — весом 30 пудов 34 фунта, без изображений и с надписью: «скупен сей колокол в 1816 году сентября 25 дня в Новоржевский Николаевский собор». Четвертый весом 19 пудов 28 фунтов с изображением Божией матери с надписью: «вылит в Москве на заводе купца Богданова, пожертвован Новоржевским купцом Александром Гавриловым Антоновым 1859 года мая 9 дня. Пятый весом 11 пудов 5 фунтов с таким же изображением и надписью, как и на 4 колоколе. Шестой весом 10 пудов 6 фунтов — изображения на нем и надпись такие же как и на 4 и 5 колоколах. Сельмой и восьмой — позвонки, без обозначения веса и надписи.</p>	
		<p>Колокольня в связи с церковью — деревянная из соснового леса на каменном буге и фундаменте, крыта железом. На ней 4 колокола. Первый — весом 52 пуда 2 фунта с надписью: «Колокол 1877 г. лит в заводе г. Ярославля потомственного почетного гражданина Порфирия Иоаннова Оловяникова при благотворителе Павле Кустове, при старосте Петре Иоаннове Филимонове. Второй весом 20 пудов с надписью: «вылит сей колокол в Москве на заводе Димитрия Седлигина 1862 г. октября 13 дня пожертвован купцом Алексеем Гавриловым Антоновым. Третий — весом 10 пудов 20 фунтов. Четвертый без обозначения веса с надписью: «Богданов». Пожертвован им же Алексеем Гавриловым Антоновым 1859 года мая 4 дня.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 917, лист 30, 1908 год.</p>
Спасо-Преображенский собор	Опочка	<p>Колокольня каменная с 9 колоколами разной величины и веса. Из них большей 99 пудов, 2 пополиейных с надписью: «Лит в г. Опочку в соборную церковь из оставшейся меди от бывшего в 1774 году на 17 сентября великом пожаре, в которое время и медь собрана из 2-х колоколов, присланных из Литвы от некоторых знатных особ в честь образа Всемилостивого Спаса и оные, находясь в плену по окончании сражения и принесения покаяния, отпущены в свои дома обратно и в возблагодарение от них прислан колокол».</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 722, лист 2. 1914 год</p>

<p>Покрова Божией Матери (кладбищенская)</p>	<p>Опочка</p>	<p>Каменная в одной связи с церковью. На ней 5 колоколов разной величины и веса. Из них большой 29 пудов и 11 фунтов. На нем надпись: «Из г. Ярославля завода Оловяникова, приобретены усердием церковного старосты Петра Михайлова с присоединением пожертвованных 200 рублей купеческой вдовой Елизаветой Соломахиной». Полнелейный колокол весит 19 пудов 15 фунтов с надписью: «в город Опочку, в церковь Покрова Пресвятой Богородицы» пожертвован опочечкой купчихой Елизаветой Соломахиной.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 722, лист 4. 1914 год</p>
<p>Святая Живоначалная Троицы</p>	<p>Опочка</p>	<p>Колокольня находится в связи с храмом, построена одновременно с ним и с одинакового материала. Колоколов на колокольне пять. Два из них большие, более 25 пудов каждый и три малых, на которых не означено веса. На колоколах есть надписи, но разобрать их невозможно.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 722, лист 55. 1914 год</p>
<p>Святого Архистратига Божия Михаила</p>	<p>Пригород Красный</p>	<p>Колокольня деревянная в одной связи с колокольней. На колокольне 8 колоколов весом: Первый — 31 пуд 30 фунтов с изображением Спасителя и подписью: «Лит в Петрограде 1876 года. Второй — 12 пудов 30 фунтов с такою же надписью, что и первый. Третий — 6 пудов 14 фунтов. Четвертый — 3 пуда 17 фунтов. Пятый — 2 пудов 7 фунтов. Шестой — 12 пудов 20 фунтов. Седьмой — 11 пудов 5 фунтов. Восьмой — 21 фунт.</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 722, лист 79. 1914 год</p>
<p>Святого Николая Чудотворца</p>	<p>Пригорода Красного</p>	<p>Колокольня каменная, построенная из камня и плитки, обшита тесом, стоит отдельно от церкви. На колокольне 7 колоколов. Весом: Первый — большой — 53 пуда 2 фунта. Второй — 25 пудов 25 фунтов. Третий — 12 пудов 7 фунтов. Четвертый — 6 пудов 12 фунтов. Пятый — 3 пуда 17 фунтов. Шестой — 1 пуд 25 фунтов. Седьмой — 30 фунтов. На большом колоколе надпись: «Лит в Санкт-Петербурге А. П. Васильевой».</p>	<p>ГАПО, фонд 39, опись 1, дело 722, лист 96. 1914 год</p>

**СТАНЦИЯ РУСАКИ ПСКОВО-ПОЛОЦКОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОЙ ЭКСПЕДИЦИИ**

Малоизвестная и утраченная ныне Псково-Полоцкая железная дорога, созданная в годы Первой мировой войны, привлекает всё больше внимание исследователей. Однако изучение её истории находится ещё в начале пути. Станция Русаки — один из важных объектов этой транспортной магистрали. В статье представлены результаты исследования станции Русаки и её окрестностей. Особое внимание уделено результатам полевой экспедиции, вскрывшей современное состояние объекта и остатков его инфраструктуры.

Ключевые слова: Псково-Полоцкая железная дорога, Псковская область, Пушкиногорский район, Русаки, станция, разъезд.

Малоизвестная и утраченная ныне Псково-Полоцкая железная дорога, созданная в годы Первой мировой войны, привлекает все больше внимание исследователей. Однако изучение её истории находится ещё в начале пути.

Обращаясь к истории изучения памятника, следует отметить, что серьёзных археологических или разведывательных изысканий на трассе не проводилось. Огромную по объёму и важности работу провела в 2007 г. исследовательская экспедиция «Исчезнувшая железная дорога» Е. П. Орлова [3]. Она проводилась с 17 июня по 16 августа силами двух групп, продвигавшихся навстречу друг другу [17]. Однако результаты работы экспедиции в настоящее время не опубликованы. Практически одновременно с ней работала ещё одна независимая экспедиция, результаты которой существенно дополняют полученный объём информации по Псково-Полоцкой железной дороге. Это касается нашей экспедиции к станции Русаки.

Целью экспедиции ставились изучение истории станции Русаки и её ближайших окрестностей, разведка нынешнего состояния и обнаружение остатков инфраструктуры. Для достижения цели широко использовалось сочетание классических методов с полевыми ис-

следованиями. Особенно важную роль сыграло изучение картографических источников.

Актуальность проблемы уходит своими корнями в начало XX в., когда жители города Опочки обратились к российскому императору с обоснованием необходимости постройки железной дороги в центральной части Псковской губернии. Несмотря на то, что такая дорога существовала с 1916 по 1944 гг., актуальность большинства пунктов данного ходатайства не утрачена и сегодня [16, л. 107–110]. К такому же мнению пришла и экспедиция Е. П. Орлова [17].

Исходные данные по Псково-Полоцкой железной дороге и станции Русаки складывались из общеизвестных сведений и архивных данных. Первые достаточно скудны.

Магистраль строилась в связи с Первой мировой войной как тыловая для нужд Северного фронта в 1915–1916 гг. Строили её пленные австро-венгры. Позже, в годы индустриализации и коллективизации вокруг дороги стали концентрироваться аграрные и промышленные предприятия. Во время Великой Отечественной войны железная дорога стала ареной ожесточённых боёв как со стороны регулярных войск, так и партизан. В ходе боевых действий полотно дороги было полностью разрушено. Восстановление её после войны было признано нецелесообразным. В настоящее время некоторые участки используются под грунтовые автомобильные дороги [6, с. 21, 93, 146].

Анализ архивных источников позволяет говорить о наличии значительного материала, посвящённого Псково-Полоцкой железной дороге и станции Русаки, в частности. Были проанализированы источники Российского государственного исторического архива, Центрального архива Министерства обороны, Центрального государственного исторического архива и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга. Это позволило пролить свет на многие аспекты постройки, существования и упадка как станции, так и всей дороги.

Станция Русаки была расположена на 87-м километре бывшей Псково-Полоцкой железной дороги, на равнинном месте в юго-западной части Судомской возвышенности, в Пушкиногорском районе Псковской области. К началу постройки железной дороги окрестная территория была довольно плотно заселена, безлесна и имела густую сеть полевых и грунтовых дорог [4]. В полуверсте на юго-западе стояла большая деревня Орлы (Шукино) на 12 дворов (86 чел.). К востоку от неё, за железнодорожной линией, среди болот находилась деревушка Подосье на 3 двора с мельницей. Чуть южнее, на дороге в

село Вече, у железнодорожного моста через ручей, была двухдворная деревенька Туловец. Прямо напротив станции, в полуверсте к востоку, возвышалась на холмах деревня Шубки в 7 дворов. Сама станция получила своё название от окрестных хуторов Русаки, раскинувшихся к северу и северо-западу.

Изначально, в период планирования, в этом месте железнодорожной линии Псков — Полоцк Риги-Орловской железной дороги предполагалось создать разъезд «Щеглы» [13, л. 1–3]. Название, вероятно, восходило к деревне Щеглынь, хоть и находившейся в 7 верстах западнее, но ярко обозначенной на карте. Однако уже через несколько месяцев в документах вместо «Щеглы» фигурирует разъезд «Русаки».

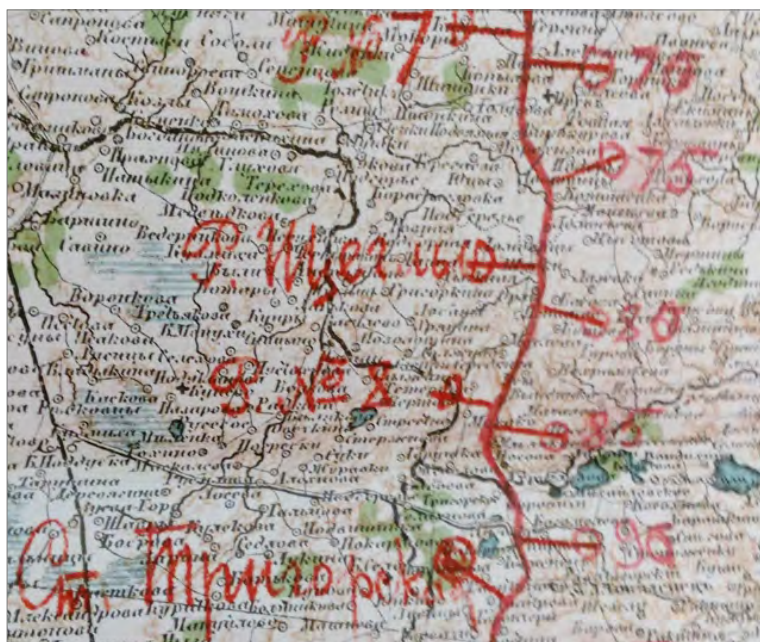

Рис. 1. Карта планируемой ж/д линии «Псков — Полоцк» Рижско-Орловской железной дороги (разъезд «Щеглы»). 1916 г.

Строительство разъезда и окрестных путей началось в августе 1916 г. силами военнопленных австро-венгров [16, л. 12]. Разъезд Русаки находился в ведении 4-го строительного участка. Строительство велось ускоренными темпами. Уже 12 февраля 1917 г. ин-

женером управления Военных Сообщений было дано разрешение на проезд пробного поезда [16, л. 24–28]. Однако из-за снежных заносов проезд перенесли. 18 марта 1917 г. Управлением Риго-Орловской железной дороги линия Псков — Полоцк была открыта для перевозки воинских грузов и чинов, а также для грузов железной дороги, Красного Креста, учреждений, работающих на нужды армии [16, л. 39]. А 20 мая 1917 г. дорога была полностью передана в эксплуатацию и 21 июня открыта на всём протяжении [16, л. 40, 62]. Интересно, что часть линии от Пскова до Опочки, а значит и разъезд Русаки, была передана Северо-Западной железной дороге [16, л. 66]. 26 июня было составлено первое расписание, сохранившее свою актуальность до середины 1930-х гг.

В период немецкой оккупации (февраль–ноябрь 1918 г.), движение по линии, переданной в Московско-Виндавскую железную дорогу, осуществлялось от Сошихино до Полоцка. Разъезд Русаки был местом дислокации ряда штабов Красной армии, а сама магистраль не действовала из-за разрушенных мостов [16, л. 106, 118]. После изгнания немцев 26 января 1919 г. линия Псков — Опочка была передана в ведение Северо-Западной железной дороги и было начато её восстановление [16, л. 115].

На основании «Ведомости технических сооружений, штата и графика Псково-Полоцкой железной дороги» от 12 декабря 1918 г. выясняется, что разъезд Русаки имел одно станционное здание, временно открытую платформу с продажей билетов, две стрелочные будки и два запасных пути — обходной и тупик. Ни складов, ни водокачки, ни колонок на разъезде не предполагалось. В штат разъезда входили смотритель и сторож [16, л. 117–118].

Наивысшего развития Псково-Полоцкая линия и её объекты достигли в межвоенные годы. Если в 1920-е гг. Русаки был маленьким разъездом со слабовыраженными подъездными дорогами, то в 1930-е гг. началось бурное развитие инфраструктуры региона [9]. В январе 1927 г. был образован Русаковский сельсовет Пушкинской волости (Пушкинского района), правда с центром в деревне Шубки [1, кн. 1, с. 37]. В 1929 г. Северо-Западная железная дорога объединена с Октябрьской и разъезд Русаки вошёл в её состав. В 1930-е гг. сельсовет переместился в село Вече, которое было соединено с разъездом широкой (6,5 м) грунтовой дорогой (большаком). Эта дорога, построенная в середине 1930-х гг., соединила Русаки с Пушкинскими Горами, с одной стороны, и посёлком Выбор, с другой стороны. Накануне назревающей мировой войны СССР укреплял свои запад-

ные границы, проходившие в 30 км от Русаков, и рокадная железная дорога вновь обрела важное военное значение. Так разъезд Русаки предполагался к разгрузке большого числа военной техники, для чего вдоль железнодорожного полотна была устроена параллельная грунтовка на протяжении километра [10]. Она была максимально пронивелирована с полотном для облегчения разгрузки военной техники. Неподалеку, на поле, был выравнен и утрамбован грунт, для подготовки посадочной площадки полевого аэродрома. С 1940 г., после отнесения границы далеко на запад, линия перешла в ведение Ленинградской железной дороги, в связи с чем было предпринято широкомасштабное строительство и модернизация инфраструктурных объектов уже в гражданском направлении.

Рис. 2. Карта участка железной дороги «Псков — Полоцк» у разъезда «Русаки». 1937 г.

Развитие дороги остановила война. На всём её протяжении станция Русаки играла важнейшую роль. В 1941 г. вокруг неё в течение нескольких дней шли бои, что представлено в докладе В. О. Терентьева. 1943 г. был ознаменован рядом партизанских налётов на станцию и полотно железной дороги [15, л. 96–98]. В 1943 г. пар-

тизаны близ станции Русаки взорвали и сняли свыше 600 рельс действующей части дороги [11, л. 11–12; 15, л. 111]. Осенью-зимой 1943–1944 г. большинство населённых пунктов в регионе были сожжены немцами для противодействия партизанам и создания «мёртвой зоны» перед «линией «Пантера». В 1944 г. станция Русаки была одним из первых пунктов Пушкиногорского района, освобождённых Красной Армией. Уже 1 марта Совинформбюро сообщило об этом событии [7]. Затем, в течение полугода станция являлась узловым местом сбора советских войск для проведения ряда крупных операций [8, с. 29]. После войны станция, как и вся железная дорога, оказались разрушенными и не восстанавливались, что до сих пор служит предметом обсуждения. Считается, что магистраль разобрали и вывезли немцы ещё в 1941 г. [18; 19]. Однако изучение партизанских архивов говорит, что на 1 января 1944 г. Полоцкая железная дорога на участке Идрица — Русаки успешно функционировала [12, л. 77].

После войны местность постепенно пришла в упадок. Германскими карателями были уничтожены и не возродились деревни Орлы, Подосье, Туловец. Русаковский сельсовет расформирован в 1954 г. [1, кн. 1, с. 37]. Станция Русаки заброшена и снята с учёта 26 декабря 1967 г. Деревня Шубки перестала существовать 26 марта 1974 г. [1, кн. 2].

В связи с целым рядом вопросов по истории станции Русаки возникла необходимость провести более глубокое полевое исследование объекта. Перед экспедицией было проведено интервьюирование бывших жителей Русаковского региона. Подготовленные архивные и картографические материалы сыграли неоценимое значение для восстановления реальной картины. 8 августа 2007 г. состоялась полевая экспедиция в район станции Русаки. Экспедиция состояла из 2 человек под руководством директора Пушкиногорской школы-интерната Н. М. Терентьевой (в настоящее время — педагог дополнительного образования, заведующая школьным музеем «Дом русского быта»). В целом же трасса бывшей железной дороги на территории Пушкиногорского района была исследована членами творческого объединения «Наследие» Н. М. Терентьевой в течение нескольких лет. Был сделан ряд докладов на школьных, районных, областных и республиканских краеведческих конференций.

В ходе экспедиции было обнаружено, что полотно бывшей железной дороги на равнинных местах выражено не совсем ясно. Вдоль полотна сохранилось большое количество яблонь. Дороги и подъездные пути от Вече в настоящее время заросли, в ряде мест отсутствуют. Бывший большак на Выбор представляет собой разбитую лесовозную колею.

Результаты экспедиции оформлены в виде полевого дневника, схем расположения объектов, фото и видеосъёмки. Было определено точное положение станции Русаки и её бывших сооружений, составлен их перечень и состояние, выяснено состояние насыпей и выемок, собрана и систематизирована теоретическая, метрическая, иллюстративная и устная информация, позволяющая получить достаточно полное представление об исследуемом объекте.

Особое внимание уделялось вопросу — что представлял собой пункт Русаки в период максимального развития — станцию или разъезд. Станция, в отличие от разъезда, обладает путевым развитием, позволяющим производить маневровые работы, а также проводить операции с грузом или пассажирами [5, с. 168–169]. Очевидно, что в момент своего наивысшего развития Русаки представляли собой небольшую торгово-пассажирскую станцию однопутной железной дороги. Полевой разведкой зафиксированы подтверждающие показатели: подъездные пути шириной до 8 м, длина платформы — 110 м, грунтовой рампы — около 1 км, количество разъездных путей — 2, отстойный тупик — 1, количество построек с каменным фундаментом — 5 (причём одна, примыкающая к платформе длиной более 35 м), количество стрелок — 4. Были обнаружены фундаменты крупных каменных строений (пакгаузов, складов, станционных помещений или крытых платформ). По-видимому, появление станции необходимо отнести к 1940 г., когда шло расширение и улучшение магистрали. Русаки как станция упоминается именно во время Великой Отечественной войны в донесениях войск и партизан [14, л. 9].

В ходе работы по проблеме школьный музей пополнился материальным раритетом, связанным со станцией Русаки — в дар от Синцова Дениса была принята железнодорожная кирка обходчика станции [2].

В результате архивных и полевых исследований удалось вскрыть схему расположения объектов станции Русаки, выяснить её тип, её историю, а также примерно определить период её уничтожения. Станция Русаки — это важный памятник истории, который может быть использован и в экскурсионной работе, и при восстановлении Псково-Полоцкой железной дороги.

Источники:

1. Административно-территориальное деление Псковской области (1917–2000 гг.). Справочник. Псков, 2002.
2. Акт приема № 17 от 12.09.12 г. (предмет № 811).

3. Из интервью А. Н. Ревенко. Пушкинский край. 29.06.2007.
4. Карта 1915 г. Л. 8–7.
5. Политехнический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.
6. *Савыгин А. М.* Пушкинские Горы. Л.: Лениздат, 1989.
7. Сводка Совинформбюро // «Известия», № 52. 02.03.1944.
8. *Терентьев В. О.* Освобождение Пушкиногорья. Обобщенная хроника событий и список соединений, участвующих в боевых действиях. Пушкинские Горы, 2005.
9. Топографическая карта РККА О-35-106-Г (1926–27 гг.)
10. Топографическая карта РККА О-35-106-Г (1937 г.)
11. ЦГАИПД Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 441.
12. ЦГАИПД Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 531.
13. ЦГИА. Ф. 1209. Оп. 22. Д. 2060.
14. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) Российской Федерации. Ф. 873. Оп. 1. Д. 14.
15. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГАИПД) Ф. Р-116 л. Оп. 1. Д. 506.
16. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА). Ф.1374. Оп.1. Д. 669.
17. [Электронный ресурс]: URL: <http://sportreports.rambler.ru/audio.html?id=9438> (дата обращения: 18.01.2009).
18. [Электронный ресурс]: URL: <https://rusbestrailways.ru/en/node/209> (дата обращения: 12.06.2018).
19. [Электронный ресурс]: URL: http://pskovrail.ru/novosti/istoriia_narva_pskov_polozk.html (дата обращения: 01.08.2018).

АССИРИЙЦЫ ПСКОВСКОГО КРАЯ: К ИСТОРИИ ДИАСПОРЫ

Ассирийцы на Псковщине — совершенно не изученная тема в истории края. К сожалению, судьба их печальна: большая часть представителей этой народности в 1-й половине XX в. подверглась репрессиям.

Ключевые слова: ассирийцы, арамейцы, Великие Луки, Торопецкий уезд.

Древняя история Псковского края хранит немало интереснейших страниц. Многие из них уже никогда не будут открыты и исследованы, некоторые ещё ждут своего часа. Один из наиболее интересных и драматических периодов истории — XX век, который закончился недавно и который ещё хранит немало эпизодов в памяти живущих поколений.

На территории прежней Псковской губернии, как и во многих других регионах Центральной России, в XX столетии проживала, пусть и очень небольшая, зато достаточно интересная диаспора ассирийцев. Её создали семьи беженцев-христиан из юго-восточных районов Турции, которые ушли на территорию нашей страны в годы Первой мировой войны, спасаясь от геноцида, развязанного турками и курдскими головорезами. Современные ассирийцы являются прямыми потомками древнего арамеоязычного населения Ближнего и Среднего Востока, в том числе и народа, создавшего одну из известнейших держав Древнего Мира. На данный момент мы располагаем только сведениями о репрессированных ассирийцах в Великих Луках, а также в Торопце, ныне находящемся в составе Тверской области. Информацию эту обнаружил и опубликовал в своём фундаментальном труде, посвященном репрессированным соплеменникам, архимандрит Стефан (Садо) [1], сотрудник Санкт-Петербургской Духовной академии.

Поскольку современные ассирийцы к началу XX в. включали в себя порядка двух десятков субэтносов или племён, именуемых ассирийскими старожилками термином «миллет», которые сложились в

Сергей Осипович Осипов
(Великие Луки)

зачастую изолированных друг от друга ассирийских горных и равнинных местностях, автор этих строк считает важным моментом в изучении рассматриваемой диаспоры выяснение, представители каких подобных локальных групп участвовали в её формировании. Отчасти подобную информацию можно найти в работах Садо, однако, чаще всего указанный автор не располагает точными сведениями и даёт данные из полученных беженцами при пересечении территории Ирана паспортов этой страны, в которых, с их слов, писали название города Урмия. Его указывали, поскольку для получения иранского документа было необходимо указание иранского места рождения, а ассирийцы

из Турции чаще всего знали именно Урмию.

Относительно упомянутых в книге отца Стефана (Садо) репрессированных ассирийцев, то в Великих Луках мы таковых видим всего трёх человек, а также тверского ассирийца, который на каком-то этапе, а именно в 1925–1935 гг., жил в этом городе. Последний — уроженец с. Алсан из области Джилу, Сулак Бит-Окар [1]. О нём мы поговорим чуть ниже, поскольку группа, к которой он принадлежал, на наш взгляд, достойна особого внимания в свете российской ассирийской истории. Собственно же ассирийцы, проживавшие на момент ареста в Великих Луках, это: Иши Александрович Вардаев (1907 г. р., Урмия, Иран) [2], Ганна Наматович Марио (Мариво, 1905 г. р., с. Вазирава, район Гявар, Турция) [3], Сергей Осипович Осипов (1881 г. р., Урмия, Иран), который проживал в России аж с 1898 г., во Владикавказе и других местах, в том числе и краткое время в Торопце [4]. Осипов приходился родным дядей И. Вардаеву [5]. О том, к какой на самом деле локальной ассирийской группе они могли принадлежать, мы поговорим в части, посвященной Торопцу.

В плане истории ассирийских групп, на наш взгляд, стоит обратить внимание и на место рождения Г. Марио. По опыту изучения диаспоры этого народа в России, автор знает, что выходцы из Гявара (ассирийцы-гяварная), включая и вышеупомянутое селение, в относительно большом числе обосновались на Украине, их много в Москве, где гяварная исторически являлись одной из четырёх наиболее крупных групп; для областных и районных городов центра России

гварная же, наоборот, являются достаточно редко встречающейся группой и их семьи, преимущественно выходцы из с. Перзален, известны в гг. Шатура. Клин, Владимир и некоторых других местах. Но для рассматриваемого уголка России они как-то не характерны. Ещё в 1993 г. автору стало известно об интересном прецеденте поселения именно ассирийца-гварная из с. Вазирава на постоянное место жительства в России в самом начале XX в., задолго до событий Первой мировой войны. Уроженец этого села, по имени Иосиф, обосновался в Котласе, входившем тогда в Великоустюжский уезд Вологодской губернии, а сейчас являющийся райцентром Архангельской области, т. е. достаточно далеко от южных городов России, где в то время чаще всего селились перебивавшиеся в последнюю его соплеменники, и открыл скобяную лавку. С начала 1920-х гг. его семья вместе с частью односельчан жила в Киеве (информация получена от потомков). Здесь мы можем задуматься о том, что раз уж уроженец Вазиравы добрался до не столь уж близкого Котласа, то почему бы кто-то из его односельчан по тем же экономическим причинам не обосновался в пределах Псковского края. К сожалению, отрывочность упоминаний не даёт нам никакой информации о том, по каким причинам и к кому мог в Великие Луки приехать Г. Марио. В сведениях о Стефана (Садо) мы видим только семью репрессированного, но она явно из «бне-Вазирава» (так в среде гварная именовались уроженцы этого селения) была в городе не одна.

В Торопце было арестовано всего два представителя ассирийского народа, причем это супружеская пара — Иван Александрович Вардаев (1903 г. р., обл. Мар-Бишо в Иране) и Софья Семёновна Сараева (1914 г. р., Урмия) [6]. В 1932–1934 гг., в промежутке между периодом проживания в Осташкове и Вязьме, где он и был арестован в 1938 г., в этом городе также жил Самсон Ганаевич Джабраилов [7].

Относительно последнего, зная о том, что в Вязьме жили представители ассирийского племени дизная (выходцы из маликства Диз), выходцы из селения Раббан-Дадышу, мы можем предположить, что и он относился к указанной группе. В официальных сведениях, конечно же, местом его рождения значится г. Урмия. Был ли он единственным представителем своей локальной группы, который, пусть и временно, жил в Торопце или же на каком-то этапе здесь жила диаспора из нескольких семей ассирийцев-дизная, сейчас уже практически невозможно узнать. Автору этих строк довелось в 2016 г. беседовать с пожилой московской ассирийкой — уроженкой Вязьмы, которая что-то смогла рассказать про общину этого

города, однако практически ничего не смогла поведать о других местах, с которыми существовали родственные и внутриплеменные связи, за исключением Москвы и Смоленска.

Далее, мы поговорим по поводу области Мар-Бишо, откуда происходил И. А. Вардаев. Она располагалась на территории Ирана, рядом с турецкой границей и, наряду с соседней областью Тергевер, была населена ассирийцами племени шапатная. В отличие от собственно жителей ассирийской Урмии, последние считались горской группой и всячески противопоставлялись урмижняя. Шапатная достаточно хорошо представлены в мире беженцев 1914–1918 гг. и их, прежде всего уроженцев Тергевера, много на Украине, в Беларуси и ряде городов России, включая находящиеся на востоке Московской области, в Брянской области, в Смоленске, Сычевке и др. Центром шапатная бывшего СССР считается украинский город Нежин. Проживание ассирийцев-шапатная на территории рассматриваемого региона, на наш взгляд, может быть связано с близостью к городам востока Беларуси и Смоленску. Городские диаспоры этой группы востока прежней Псковской губернии и указанных мест могут быть частями единого территориального локуса, сформировавшегося в 1920-х гг.

К выходцам из Мар-Бишо скорее всего относились также великолукские репрессированные ассирийцы С. Осипов и И. Вардаев. Первый из них до переселения в Великие Луки какое-то время, как мы видели, пробыл в Торопце. Скорее всего, он в это время не имел намерения обосноваться в городе надолго, а просто какое-то время посещал родственников. Ишу Вардаев, судя по отчеству и фамилии, может быть родным братом торопецкого Ивана Вардаева.

По поводу самого Пскова автор располагает лишь небольшой информацией, которую недавно ему лично сообщил о. Стефан (Садо). По его сведениям, в городе уже в 1921–1922 гг. находились семьи Беньяминовых, Заяевых и др. Здесь жили представители племени — миллет альбакная, происходившие из Карской области, принадлежавшей ранее России. Они компактно проживали в одной большой комнате в доме на Пушкинской ул., занимались чисткой обуви и контрабандой продуктов в Петроград. Впоследствии местные ассирийские семьи переехали в Ленинград и Свердловск, последние из них, Беньяминовы, оставались в Пскове до конца 1930-х гг. Касательно места в упомянутой Карской обл., откуда они происходили, то речь идёт о селе Самоват, созданном в конце 1870-х гг. преимущественно выходцами из района Альбак Ванского вилайета, перешедшими на принадлежавшую в то время Российской Империи территорию [8]. Проживая в России, эти ассирийцы могли и на достаточно раннем этапе знать Псков и посещать его с какими-то торговыми и иными делами.

Информации об ассирийцах Пскова, которые могли пострадать во время репрессий 1938 г., равно как и в другие периоды, о. Стефан пока не обнаружил, что вовсе не означает, что таковых не было — известная ассирийская история России остаётся для нас лишь надвонной частью айсберга.

Учитывая опыт изучения ассирийских диаспор других регионов России, мы можем предположить, что какие-то ассирийские семьи вполне могли проживать и в других городах региона, — прежде всего в тех, которые были более-менее развиты экономически и находятся на линиях железных дорог. По последним данным, в 1918–1930-х гг. ассирийцы и перемещались по России в поисках новых приемлемых мест для жилья и работы. Таким образом, нельзя исключать, что на каком-то этапе ассирийцы — или с семьями, или же просто в качестве временных отходников — могли проживать в Невеле, Себеже, Порхове, Острове, а также в других местах. Эти люди могли находиться в указанных местах и краткое время, и проживать здесь относительно долго. Сведений о репрессированных представителях этого народа, кроме Великих Лук и Торопца, пока не обнаружено, что также вовсе не означает, что таковых не было.

Нам хотелось бы обратить внимание на ассирийскую группу, к которой принадлежал упомянутый выше Сулак Бит-Окар, проживавший в Великих Луках пусть даже и краткий период своей жизни. Напомним, что этот человек родился в селе Алсан, в области Джилу, в которой проживали представители одного из аширетных независимых

племен джилъвая. Выходцы из с. Алсан являются локальной группой, именуемой в ассирийской среде «аласная». Она, после исхода из мест традиционного проживания, оказалась достаточно хорошо представленной в российском ассирийском мире и расселилась по многим городам Центральной России. С 1920-х гг. аласная создали две большие, по несколько десятков семей каждая, диаспоры в Москве и Казани, а также группами, по несколько семей каждая, обосновались во многих городах: Подольске, Серпухове, Коломне, Рязани, Ряжске, Касимове, Мичуринске (до 1932 г. — Козлов), Муроме, Туле, Орле, Костроме, Кинешме, Коврове, Нижнем Новгороде, Твери. В 1920–1930-х гг. семьи аласная также проживали во Владимире, Гусь-Хрустальном, Егорьевске (предположительно, старожилы — ассирийцы других групп помнят лишь о каких-то джилъвая, без конкретики по исходному населённому пункту). Ввиду фактически только эпизодического упоминания о проживании в Великих Луках Сулака Бит-Окара, арестованного в 1938 г. в Твери, мы не располагаем сведениями о том, сколько семей указанной группы жило в этом городе. На начальном этапе истории в России беженцы из гор Хякяри, прежде всего представители аширетных групп, старались держаться максимально компактно, ближе к своим соплеменникам, односельчанам. Случаи, когда их семьи поселились где-то в одиночку, достаточно редки.

Мы считаем аласная одной из старейших ассирийских групп Центральной России. Судя по ряду моментов, которые мы видим в биографиях некоторых выходцев из с. Алсан, представители этой группы знали города региона ещё до своего массового исхода в 1915 году. Ещё русский вице-консул в городе Ван В. Т. Маевский в своём описании турецких вилайетов, в которых проживали ассирийцы и где ему довелось работать, упоминал, что представители би-ашират навещали в качестве отходников многие крупные города Европы, среди которых он назвал Москву и Санкт-Петербург, где у них существовали целые неофициальные подворья [9]. О том, что аласная до трагических событий имели подворья не только в Москве и Санкт-Петербурге, может свидетельствовать и то, что ещё до 1918 г., т. е. до времени, когда русские войска ушли из северо-западного Ирана и ассирийские беженцы, потеряв надежду на полный разгром Турции и присоединение к России их покинутых земель, стали расселяться по городам в глубине нашей страны, некоторые представители этой группы посещали ряд губернских центров. Это мы видим и по перемещениям фигурантов книги о Стефана (Садо), и по другим сведениям. В частности, Садо перебрал автору некоторые новые сведения

по репрессированным соплеменникам из Владимирской и Ивановской областей, где упоминается факт пребывания в 1917–1918 гг. во Владимире, судя по всему, с кем-то из старших родственников в то время ещё малолетнего Бела Тома, 1912 г. р., который впоследствии поселился в Муроме, где и был в 1938 г. арестован [10]. Уже в 1915 г., т. е. сразу после пересечения русской границы, в Тверь прибыл другой уроженец интересующего нас села, Георгий Тумасов [11]. Однозначно, эти люди в то время, когда основная масса беженцев была сосредоточена или в Закавказье, или в городах юга России, т. е. недалеко от границы, вышеупомянутым ассирийцам было к кому ехать и во Владимир, и в Тверь.

Ассирийцы-отходники из Джилу вполне могли и в начале XX в. проложить себе дорогу в Псков, Великие Луки, возможно, и в какие-то другие города Псковской губернии. Отсюда недалеко до тогдашней столицы Российской Империи — Санкт-Петербурга, а также до городов Прибалтики, где у отходников тоже мог быть свой интерес. К сожалению, такие перемещения и, пусть даже и временные, поселения, особо не фиксировались в документах разных ведомств и о них мы можем узнать что-то только от потомков самих отходников, или же из прямых или косвенных упоминаний в биографиях беженцев.

Здесь мы снова хотим вспомнить С. Бит-Окара. Мы знаем, что он жил в Великих Луках, знаем годы его пребывания в указанном городе. Однако нам не известны точные подробности его попадания сюда, жил ли кто-то из соплеменников-аласная на берегах Ловати, а если жил, то какова примерно была численность группы (сколько семей) и кто из неё и в каком году здесь поселился. К сожалению, нынешние аласная, с кем автору довелось пообщаться, ничего не слышали про представителей своей группы, кто жил бы в Великих Луках. Автору здесь в голову сразу же приходит параллель с Егорьевском, Владимиром, Коломной и некоторыми другими городами, где выходцы из с. Алсан на каком-то этапе проживали, но потом выехали в другие города или, возможно, при обмене паспортов вообще из страны. Обычно такая информация может быть получена от потомков самих семей, каких-то соседей, включая представителей других ассирийских групп, реже — из каких-то иных источников. О жизни в Великих Луках семьи Бит-Окара мы, как видим, знаем благодаря тому, что её глава впоследствии был репрессирован в городе Калинин (Твери) и об этом стало известно автору книги «Мартиролог ассирийцев СССР», который поместил в свой труд краткие сведения об этом человеке. В Великих Луках могли в 1920-х гг. жить другие ассирийцы-аласная, как родственники семьи Бит-Окар, так и просто односельчане, которые

при обмене паспортов в начале 1930-х гг. могли выехать в Иран, могли перебраться со временем в какой-то другой город, а из их семей или никто не был репрессирован, или же информация об их арестах затерялась в архивах ФСБ и т. п.

На наш взгляд, учитывая тот момент, что к началу XX в. христиане-ассирийцы с территории Турции и Ирана, как отходники и даже поселенцы, уже активно начинали осваивать пространство Центральной России; последующее расселение представителей разных локальных групп явно происходило с учётом прежнего знакомства с тем или иным городом. Безусловно, в расселении ассирийских групп по тем или иным уголкам страны на раннем этапе есть важная закономерность и привязка к группам городов. Позже, с конца 1920-х и в 1930-х гг., на переселение ассирийских семей в города, где их ранее не знали, явно влияли власти при помощи советских ассирийских организаций. К сожалению, важный пласт исторической памяти этого народа к настоящему времени ушёл вместе с представителями поколений, помнивших ранний период истории диаспоры.

Литература:

1. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР. СПб., 2017. С. 195.
2. Там же. С. 224–225.
3. Там же. С. 415.
4. Там же. С. 476.
5. Там же. С. 225.
6. Там же. Сс. 223, 507.
7. Там же С. 301.
8. Садо С. Материалы к Биографическому словарю ассирийцев в России (XIX — середина XX в.). Изд. 2-е. СПб., 2006. С. 10–11.
9. Маевский В. Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. Тифлис, 1904. Приложения. С. 85.
10. Информация из новых материалов отца Стефана (Садо), представлена автору лично.
11. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР ... С. 554.

Т. Е. Герасимёнок
Почётный архивист Российской Федерации.
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: krihanica@mail.ru

СТАНЦИЯ ВЕЛИКИЕ ЛУКИ: НЕМНОГО ИСТОРИИ

В статье рассказывается о малоизвестной страничке истории станции «Великие Луки» начала XX века — двух её ветках, принадлежащих разным железным дорогам.

Ключевые слова: *Указ Николая II, Московско-Виндаво-Рыбинская и Бологое-Седлецкая железные дороги, Полоцк, Москва.*

Железная дорога, которая в начале XX века пролегла через уездный город Великие Луки, оказала сильнейшее влияние на его развитие, поэтому о железнодорожной станции Великие Луки, Великолуцких железнодорожных мастерских, Великолуцком железнодорожном техническом училище писали многие историки и краеведы города. Масштабно представлена станция Великие Луки в книге Анатолия Александровича Сычёва «Из истории одной станции» (2009 г., второе издание — 2016 г.). Но в своей статье мне хотелось бы остановиться на менее освещённых страницах истории: взаимоотношениях двух железных дорог, размещавшихся в одном здании на станции Великие Луки.

Движение поездов через Великие Луки началось в 1901 году, после того как в соответствии с запиской министра путей сообщения сроком окончания постройки линий Москва — Крейцбург, Туккум — Виндава и Дно — Новоскольники было признано 11¹ сентября 1901 года². Первое здание станции было деревянным и принадлежало Московско-Виндаво-Рыбинской (МВР) железной дороге. На несколько дней раньше, 1 сентября 1901 года, появился указ Николая II, данный министру путей сообщения, «Об отчуждении земель и имуществ, потребных для сооружения Бологое-Седлецкой железной дороги», который стал началом строительства новой дороги и предусматривал занятие земли для этих нужд, в том числе и в пределах Великолуцкого уезда Псковской губернии³. Для строительства дороги от города Великие Луки было отчуждено 2 версты 783 кв. сажени (из них пахотной земли — 859 кв. сажений) под станцию, разъезды, водоснабжение и 1955 кв. сажений (из них пахотной земли — 1605 кв. сажений) под главные пути⁴.

23 июня 1902 года на станции Великие Луки была уложена стрелка с товарных путей на временную ветку постройки Бологое-Седлецкой железной дороги, на которую стали поступать вагоны с грузом. Подачу вагонов под выгрузку осуществляла Московская сеть Общества МВР железной дороги. Об этом управляющий сетью Николай Дмитриевич Байдак докладывал 25 июня 1902 года в Правление Общества МВР железной дороги и просил сообщить размер платы взыскания за выполнение данной работы. Также управляющий писал, что на станции Великие Луки придётся постоянно держать большой маневровый паровоз (до этого он прибывал в Великие Луки для маневровых работ на путях Главных Великолукских железнодорожных мастерских со станции Новосокольники), потому что используемая для маневров на станции «Кукушка» не сможет справиться с большим количеством прибывающих грузов для строительства новой железной дороги⁵. Договор между Московской сетью Общества МВР железной дороги и Управлением по постройке железнодорожной линии Бологое — Полоцк на устройство и эксплуатацию подъездного пути к станции Великие Луки был заключён 3 мая 1903 года и подписан соответственно управляющим Н. Д. Байдаком и начальником работ А. Н. Рыжовым. Договор определял работы, предусмотренные на станции Великие Луки в связи со строительством дороги, обязанности каждой из сторон и размеры оплаты за оказание услуг. Договор фиксировал, что «Правление Общества Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. предоставляет Управлению по сооружению Бологое-Полоцкой дороги право, согласно особому плану, уложить в пределах полосы отчуждения станции Великие Луки Общества Московско-Виндаво-Рыбинской жел. дороги пути длиной 394 пог. саж.»⁶. Управление по постройке Бологое-Полоцкой железной дороги обязывалось в месте соединения двух дорог устроить откидной затвор, платить за пользование 2767 кв. саженой земли, занятых полотном подъездного пути, складами и постройками, в пределах полосы отчуждения Общества МВР железной дороги по 10 коп. за 1 кв. сажень в год и по 1 руб. 50 коп. за каждый вагон, подаваемый на подъездной путь⁷.

В течение 1903–1904 годов между дорогами происходило активное обсуждение плана расположения путей и зданий станции Великие Луки, проекта каменного пассажирского здания, который должен был стать общим для двух дорог. 30 июня 1904 года управляющий Московской сети МВР железной дороги Н. Байдак и начальник службы пути В. Святицкий направили начальнику работ по сооружению Бологое-Полоцкой дороги свои возражения к проекту здания станции. Отмечались недостатки подъездного пути пасса-

жиров к зданию, неудобство расположения помещения дежурного по станции Московско-Виндавской линии, наличие одной билетной кассы, отсутствие помещений для багажа и кабинета начальника станции Московско-Виндавской линии. Ответ начальника работ по постройке железнодорожной линии Бологое — Полоцк Александра Николаевича Рыжова с разъяснением по каждому пункту замечания был получен 26 июля — в частности, в нём отмечалось, что помещение для багажа предусматривается разместить в отдельном здании на пассажирской платформе. А. Н. Рыжов также писал, что «сколько мне известно, начальник станции предполагается один», и уведомлял, что проект пассажирского здания на станции Великие Луки утверждён по журнальному постановлению Комитета Управления по сооружению железных дорог 9 марта 1904 года и работы по его строительству уже начались. Для решения спорных вопросов было привлечено и Управление по сооружению железных дорог, куда Правление Общества МВР железной дороги обратилось 1 июля 1904 года с просьбой о пересмотре проекта здания станции Великие Луки, а 2 августа того же года ходатайствовало о том, чтобы заведение пассажирским зданием в Великих Луках осталось за Московской сетью МВР железной дороги с учётом ожидаемого большего количества пассажиров и грузов, которые будут отправляться и прибывать на станцию Великие Луки Московско-Виндавской линии, а не Бологое-Полоцкой, где пассажирское движение предполагается в крайне ограниченном объёме⁸. Как известно, после завершения строительства станция перешла в ведение Николаевской железной дороги, а начальников станции было два.

Строительство железнодорожной линии Бологое — Полоцк продолжалось на год дольше по сравнению с первоначальными сроками в связи с сокращением в 1904 году на 4 млн рублей кредита, ассигнованного на постройку дороги по смете чрезвычайных расходов. Обстоятельство это было вызвано Русско-японской войной. Управление по строительству железных дорог 10 января 1906 года сообщало в Управление железных дорог о передаче в текущем году в эксплуатацию некоторых железных дорог, в том числе Бологое-Полоцкой железной дороги — с 1 ноября. В письме уточнялось, «...что с этих сроков дороги уже поступят в ведение эксплуатации, самое же освидетельствование дорог и составление ведомостей недоделок должно последовать несколько ранее...»⁹. Освидетельствование Бологое-Полоцкой дороги осуществлялось специальной комиссией с 6 по 9 октября 1906 года. Решением Совета Министров Российской

империи, которое последовало на отношении Управления железных дорог от 13/14 июня 1906 года, к Николаевской железной дороге с 1 января 1907 года присоединился участок Бологое — Волковыск Бологое-Седлецкой линии, началось правильное движение через станцию Великие Луки, которая стала узловой, железнодорожной линии Бологое — Полоцк¹⁰. На станции Великие Луки III класса были построены каменное пассажирское здание островного типа площадью 233,15 кв. сажени, пассажирские и товарные платформы, товарные пакгауз и контора, паровозное здание веерного типа с коренным депо на 40 стойл, малые мастерские площадью 383 кв. сажени, деревянный ледник, сараи (деревянные, покрытые железом) для хранения багажа и пожарных инструментов, наружные каменные отапливаемые отхожие места с ламповым помещением, водоёмное здание на 2 бака, водоподъёмное здание с машинным отделением и жилым помещением для машиниста, кузница и кладовая для службы пути, приёмный покой, 17 жилых домов для службы пути¹¹. Кроме того, замощено у пассажирского здания 555,89 кв. сажений, установлена ограда 85,5 погонных сажений, устроен садик при пассажирском здании. Баня была передана Управлению Николаевской железной дороги как недостроенное сооружение. По требованиям военного ведомства на станции был сооружён продовольственный пункт для 1000 человек, включающий следующие сооружения: кирпичное здание кухни и пекарни, 5 деревянных зданий — барakov для столовых, цейхгауз, кладовую для склада хлеба, крупы и муки, ледник с погребом, жилой дом для команды, жилой дом для коменданта и заведующего пунктом с канцелярией и службами¹².

В новое пассажирское здание были переведены служебные помещения станции Великие Луки Московской сети Общества МВР железной дороги. Деревянное пассажирское здание, по просьбе училищного совета Московской сети Общества МВР железной дороги от 13 июля 1907 года, управляющим сети было разрешено перестроить и приспособить для размещения железнодорожного училища, которое из 1-классного было преобразовано в 2-классное. Обучение в 1-классном училище продолжалось 3 года, в 2-классном — 5 лет и его окончание позволяло поступить в Великолукское техническое железнодорожное училище¹³. В 1914 году в железнодорожном училище МВР железной дороги обучалось 170 учеников¹⁴. В Памятной книжке Псковской губернии на 1913–1914 годы указано также 2-классное железнодорожное училище Николаевской железной дороги, в котором в 1914 году обучалось 75 учеников¹⁵.

Первая половина 1907 года прошла в интенсивной переписке между правлениями двух дорог, встречах руководства. В итоге, 12 июля произошло подписание Соглашения о пользовании станциями Великие Луки Московской сети и Великие Луки Николаевской дороги и о порядке производства обмена товарными вагонами. Проект соглашения получил одобрение Управления железных дорог, был согласован с Министерством финансов и утверждён министром путей сообщения. Первый параграф документа определял границы дорог: «Станции Великие Луки Московской сети и Великие Луки Николаевской ж. д., имея совершенно обособленное развитие путей, в отношении технического надзора и товарного развития разделяются на два самостоятельных пункта. Пассажирское здание, пути и все станционные устройства Бологое-Полоцкой линии находятся в ведении Николаевской ж. д., а все сооружения, принадлежащие Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д., находятся в ведении этой последней. Границы в вышеуказанном отношении между Николаевской и М.-В.-Рыбинской ж. д. устанавливаются: первая в 15 саж. от острия стрелки № 68 коммерческой соединительной ветки, считая в направлении от путей М.-В.-Рыбинской ж. д. к путям Бологое-Полоцкой ж. д., и вторая, пересечение воинской соединительной ветки с линией границы отчуждения М.-В.-Рыбинской ж. д., причём места границ должны быть обозначены особыми столбиками и поворотными упорами на замках»¹⁶. Соглашение устанавливало общее пользование пассажирским зданием, которое оставалось в полном ведении Управления Николаевской железной дороги. В распоряжение Московской сети МВР железной дороги отводились помещения площадью 19,89 кв. сажень, в которых размещались телеграф, контора дежурного по станции, контора начальника станции. В исключительном пользовании Николаевской железной дороги находились помещения площадью 31,55 кв. сажень. Остальные площади здания были в совместном пользовании, из них пассажирские помещения занимали 114,32 кв. сажени. Билетная касса была одна. Продажа пассажирских билетов, приём и выдача багажа и грузов МВР железной дороги осуществлялась агентами Николаевской железной дороги. Для этих целей на станции Великие Луки Николаевской железной дорогой содержались второй билетный кассир и весовщик, что ей возмещалось ежегодно МВР железной дорогой в размере 1020 рублей. Соглашение определяло правила передачи грузов между дорогами, содержало параграфы о невостребованных багажах и грузах, расследовании происшествий на железнодорожных путях.

В случае прекращения водоснабжения одной из дорог на станции предоставлялось в порядке взаимопомощи право снабжать паровозы другой дороги водой с платой по 1 рублю 50 коп. с тендера. За пользование МВР железной дорогой пассажирским зданием станции Великие Луки Николаевской железной дороги условия расчёта прописывались в 25 параграфе Соглашения. Плата не взималась за пользование пассажирским помещением. Расходы по отоплению и освещению помещений, переданных МВР железной дороге, оплачивались ею полностью. За освещение своих платформ расплачивалась каждая дорога за свой счёт. Расходы по освещению и отоплению здания в помещениях, предназначенных для пассажиров, делились между дорогами поровну. Поровну делились расходы на текущий и капитальный ремонт пассажирского здания. Срок действия договора не был определён, но допускалось внесение в него изменений или прекращение его действия по заявлению любой из сторон в установленном порядке¹⁷.

Соглашение было перезаключено 21 января и утверждено 4 мая 1911 года. В целом оно сохраняло все прежние договорённости. Внесены были изменения в три параграфа. Прежний параграф номер 9 предусматривал порядок производства обмена товарными вагонами между дорогами до окончания постройки путей на станции Великие Луки Николаевской железной дороги и укладки запасных путей на станции Великие Луки МВР железной дороги. Новая редакция отражала порядок обмена вагонами после завершения укладки путей на станциях. В параграф 11 вносились изменения по времени обмена вагонами между дорогами. 25-й параграф был дополнен условиями расчёта: поровну делились также расходы на освещение и отопление наружного отхожего места, на освещение подъезда к станции и подъездной дороги¹⁸. В соответствии с условиями Соглашения МВР железная дорога заплатила Николаевской железной дороге за пользование пассажирским зданием на станции Великие Луки за 1914 год 1702 рубля 44 коп.¹⁹

В июле 1912 года начальник Николаевской железной дороги инженер путей сообщения Ипполит Константинович Ивановский производил объезд линий дороги, в том числе побывал на станции Великие Луки, и в своих заметках отметил два недостатка на станции: «Деревянный настил от путей к вокзалу сгнил. Крыша паровозного здания имеет облупленный вид»²⁰. Положительная характеристика дана станции Великие Луки в рапорте санитарного врача врачебной службы Николаевской железной дороги В. Кудрявцева от 4 августа

1914 года, который осматривал станции дороги в июне-июле указанного года. «Станция содержится чисто. Уборные и отхожие места также содержатся в чистоте и порядке. В зале III класса имеется кипяильник системы Безсонова. Остуженная кипяченая вода сохраняется на платформе в деревянных кадках. Буфет содержится чисто и все в должном порядке. Вода доброкачественна. ... Приемный покой содержится чисто. К сожалению, в приемном покое не имеется ванны, крайне необходимой для медицинского персонала. Все осмотренные служебные и жилые помещения и дежурные комнаты содержатся чисто и исправно»²¹.

Загруженность станции Великие Луки на каждой дороге можно сравнить на основании отчетов по эксплуатации дорог за 1914 год²²:

Наименование выполненной работы	Станция Великие Луки МВР железной дороги	Станция Великие Луки Николаевской железной дороги
Продано пассажирских билетов	53691 (за 1904 год — 9314)	35334
Количество переданных телеграмм: частных служебных	15392 (за 1904 год — 815) 93477 (за 1904 год — 3669)	31377 524434
Количество товарных вагонов: отцеплено прицеплено	40456 40517	43930 43410
Грузов (пуд.): отправлено прибыло	1712829 2336278	828110 2649212
Переработано грузов средствами станции (пуд.): нагружено	425146 (за 1904 год — 152280) 626832 (за 1904 год — 484048)	248536 427203
выгружено	97002	86703
перегружено	5331	338947
пересортировано		

Количество багажных отправок: по прибытию по отправлению	2325 5224	1356 2013
Количество отправок пассажирской скорости: по прибытию по отправлению	1193 1015	373 431
Количество отправок большой и малой скорости: по прибытию по отправлению	15826 14052	5348 4773
Сумма поступлений в кассу станции (руб.- коп.)	505257-33 (за 1904 год — 154446-45)	393851-33

Железнодорожный вокзал станции Великие Луки, восстановленный после Великой Отечественной войны. 1954 г. ВЛО ГАПО. Ф. Р-2713. Оп. 1. Д. 4742

Ремонтные работы пассажирского здания станции Великие Луки осуществлялись Николаевской железной дорогой, половину расходов должна была, согласно Соглашению, оплатить МВР железная дорога. Текущий ремонт проводился в 1909, 1912 годах, в последующие два года были проведены, кроме текущего ремонта, значительные работы по капитальному ремонту, что существенно увеличило расходы. В 1913 году была произведена замена потолочных деревянных балок железными в зале I класса с устройством железобетонного потолка, в 1914 году — замена сгнивших потолочных деревянных балок железными в зале III класса с переборкой всего потолка, перекладка плиточного пола в коридорах пассажирского здания с заменой бетонного основания²³. На увеличение расходов МВР железная дорога отреагировала негативно и стала поднимать вопрос о пересмотре 25-го параграфа Соглашения. Об этом служба пути Московской сети Общества МВР железной дороги писала в Правление Общества дороги 14 марта 1915 года. Предлагалось обратиться в Управление железных дорог и изменить условия расчётов за ремонт пассажирского здания: не по ровну, как в действующем Соглашении, а по действительному расходу пропорционально площадям помещений, которыми дороги пользуются, причём площади пассажирских помещений разделить пополам²⁴. 22 июня 1915 года Правление Общества МВР железной дороги обратилось с ходатайством об изменении параграфа 25 Соглашения с Николаевской железной дорогой в Управление железных дорог, которое ответило только 11 февраля 1917 года. В ответе содержится много любопытных сведений, поэтому приведу из него большую выдержку. «...Как видно из количества поездов нормам времени и числа проданных билетов, а именно: на Виндавской жел. дороге: 3 пары постоянных сквозных, 1 пара временных и 1 пара местных против одной пары постоянных сквозных и одной пары местных на Николаевской и при 167396 билетах, проданных за 1912, 1913 и 1914 гг. Виндавской, против 86556 билетов за тоже время Николаевской, движение пассажиров по Виндавской дороге через станцию Великие Луки сравнительно с Николаевской происходит интенсивнее не менее, чем в два раза. В зависимости от сих данных имелось бы основание расход по ремонту пассажирских помещений делить таким образом, чтобы на долю Николаевской дороги приходилась одна треть. ... Такое однако распределение едва ли было бы справедливым, так как, несмотря на то, что зданием пользуются, главным образом, пассажиры Виндавской дороги, тем не менее необходимость постройки каменного здания не вызывалась потребностью Виндавской дороги иметь именно такое на станции Ве-

ликие Луки, на которой до постройки Бологое-Полоцкой линии, она пользовалась деревянной постройкой. При заключении же соглашения, в основание половинного учета ремонтных и по содержанию в чистоте издержек, приняты, кроме удобства для пассажиров, вытекающего из общности здания, еще понижение эксплуатационных расходов для Московско-Виндаво-Рыбинской при замене деревянной постройки прочной каменной. Так как приведенные условия действуют и ныне, то Совет не находит оснований для изменения долей распределения расходов, установленных §-ом 25 Соглашения. Что же касается, в частности, работ по улучшению здания (об изменениях не может быть речи, так как всякое изменение имеет в виду именно улучшение), то таковые должны рассматриваться наравне с работами по текущему и капитальному ремонту, так как улучшения здания делаются или для удобства пользующихся зданием, или для понижения эксплуатационных расходов в дальнейшем, в каковых случаях обе стороны, несомненно, являются одинаково заинтересованными. Сообщая о вышеизложенном, Управление железных дорог считает нужным присовокупить, что со своей стороны, оно разделяет приведенные выше доводы Совета Управления Николаевской жел. дороги о недостаточности оснований к предлагаемым Правлением Общества изменению и переработке §-фа 25 Соглашения по станции Великие Луки»²⁵.

Как складывались взаимоотношения двух дорог на станции Великие Луки в послереволюционный период, это уже отдельная тема для изучения. В 1921 году Московско-Виндаво-Рыбинская железная дорога была переименована в Московско-Балтийскую, объединённую с августа 1922 года с Александровской железной дорогой в Московско-Белорусско-Балтийскую. Приказом Наркомата путей сообщения от 27 февраля 1923 года Николаевская железная дорога переименована в Октябрьскую железную дорогу. В сведениях об организациях, имеющих на станции Великие Луки, от 9 февраля 1924 года, опубликованных из архивного документа в книге А. А. Сычёва, указываются службы и конторы двух дорог: Октябрьской и Московско-Белорусско-Балтийской²⁶.

Наличие двух дорог на станции Великие Луки определяло и наличие двух начальников станции, о которых, к сожалению, пока обнаружено не так много информации. Выявить удалось больше фамилий начальников станции Великие Луки Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. В «Памятной книжке Псковской губернии на 1903 год» начальником станции МВР железной дороги указан мещанин Горин Александр Георгиевич, на 1905–1906 годы

— Розевский Рудольф Иванович, на 1907 год — мещанин Белявский Фёдор Ефимович, на 1911–1912 годы — Протосавицкий Андрей Целестинович²⁷. В отчёте по эксплуатации Московской сети МВР железной дороги за 1914 год начальником станции Великие Луки отмечен Панцержинский, в документах дороги за 1915–1916 годы начальником станции указывается Ф. И. Нетунахин²⁸. Первым начальником станции Великие Луки Бологое-Полоцкой железной дороги, который встречается в архивных документах, был Иванов (инициалы, к сожалению, нигде не указаны), изъявивший желание остаться работать после завершения строительства дороги²⁹.

Последним в дореволюционный период начальником станции Великие Луки Николаевской железной дороги являлся Болобанов Александр Демьянович. Родился 13 февраля 1875 года в г. Ржеве Тверской губернии в семье мещанина, окончил в 1889 году Ржевское уездное училище. Послужной список Болобанова до назначения на станцию Великие Луки был весьма внушительным. Работать он начал с 15 октября 1891 года телеграфистом на станции Панино Ржево-Вяземской железной дороги, через год перемещён 2-м помощником начальника станции, с 1 октября 1893 года — 1-м помощником начальника станции, с 30 декабря 1893 года — помощником начальника станции Дугино. Затем с ноября 1895 года по сентябрь 1898 года находился на военной службе, после чего был определён помощником начальника станции Новодугинская Николаевской железной дороги (в состав которой в 1894–1895 годы перешла Ржевско-Вяземская железная дорога). 28 августа 1903 года назначен помощником начальника станции Сычёвка. С июня 1904 года до мая 1906 года был командирован служить на Восточно-Китайскую железную дорогу, откуда возвратился на прежнее место службы. С 1 января 1907 года А. Д. Болобанов назначен начальником станции Листопада, с 6 июля 1908 года — станции Подсвилье, с 4 июля 1910 года — станции Опухлики, с 25 февраля 1911 года — станции Назимово, с 29 июля 1912 года — станции Великие Луки³⁰. Несмотря на имеющиеся у Болобанова выговоры и замечания по службе, вышестоящее начальство оценивало его работу высоко. Вот несколько его характеристик за разные годы: «...исполняет свои обязанности аккуратно, с полным знанием дела...», «...исправный по службе начальник станции...», «...опытный и дельный начальник станции и за свою 25-летнюю службу серьезных проступков по службе не имел...»³¹. В 1911 году был пожалован серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди,

в 1915 году — золотой медалью «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 года». Как начальник станции Болобанов получал жалованье и столовые в размере 900 рублей, с 1 сентября 1914 года — 1182 рубля и пользовался служебной квартирой. В ноябре 1914 года Болобанов обратился с прошением к начальнику 3-го отделения службы движения Николаевской железной дороги о переводе на главную линию ближе к Петрограду по причине обучения дочери, которую он намеревался устроить у родственника-учителя. Но перевод не состоялся, вероятно, по причине отсутствия свободной должности, равной начальнику станции. В марте 1917 года произошёл конфликт между начальником станции Болобановым и служащими станции, которые отстранили его от исполнения обязанностей. 27 апреля 1917 года состоялось примирение, о чём зафиксировано в протоколе № 6 заседания местного комитета служащих станции Великие Луки Николаевской железной дороги: «Между враждующими сторонами произошло в присутствии местного комитета примирение; а потому считать дело, как происшедшее лишь по недоразумению, прекращенным, предоставив начальнику ст. В. Луки Никол. ж. д. Александру Демьяновичу Болобанову право добровольного перевода со ст. В. Луки. Мировую сделку утвердить и предать дело забвению»³². С Болобанова в ходе примирения была взята подписка, в которой он написал, что «... для прекращения происшедших недоразумений, даю честное святое слово свободного гражданина — никогда не занимать какую-либо должность на Бологое-Полоцкой линии Никол. ж. дороги и в дальнейшем не предъявлять к служащим никаких претензий»³³. Обращения Великолукского районного комитета рабочих, мастеровых и служащих, рапорты Болобанова в Управление Николаевской железной дороги об ускорении его перевода не могли разрешить ситуацию без рассмотрения вопроса конфликтной комиссией железной дороги. Забота районного комитета о бывшем начальнике станции была вызвана, в первую очередь, квартирным вопросом: без получения нового места работы Болобанов с семьей не мог освободить занимаемую им служебную квартиру. Конфликтная комиссия рассмотрела материалы по делу устранившего начальника станции Великие Луки Болобанова только в феврале 1918 года, признала обвинения «в грубом и пристрастном отношении с его стороны к служащим» доказанными, но с учётом его долголетней службы и полезности, как технического агента, рекомендовала перевести на другую станцию без изменения получаемого им содержания. 1 июня 1918 года

Болобанов был перемещён на должность ревизора Петроградской товарной станции, а с 1 сентября 1919 года — заведующим станции Саблино; в этой должности, как видно из его личного дела, он продолжал трудиться и в 1923 году³⁴.

Источники:

1. Все даты в статье указаны по старому стилю в соответствии с документами.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ) III. Т. 21. № 20759.
3. ПСЗ III. Т. 21. № 20629.
4. Отчёт по постройке железнодорожной линии «Бологое — Полоцк». 1902–1906. Приложения. СПб., 1909. С. 14–15, 20–21.
5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 1373. Оп. 4. Д. 51. Л. 1, 145 об.
6. Там же. Л. 54.
7. Там же. Л. 54 об.
8. Там же. Л. 107–111 об., 116–116 об.
9. ЦГИА СПб. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 1693. Л. 9.
10. Там же. Ф. 1480. Оп. 16. Д. 35. Л. 2.
11. Отчёт по постройке железнодорожной линии «Бологое — Полоцк». 1902–1906. СПб., 1909. С. 16–22.
12. Отчёт по постройке железнодорожной линии «Бологое — Полоцк». 1902–1906. Приложения. СПб., 1909. С. 519, 587, 666, 674–675.
13. ЦГИА СПб. Ф. 1373. Оп. 4. Д. 84. Л. 43–46 об.
14. Там же. Оп. 3. Д. 34. Л. 69 об.
15. Памятная книжка Псковской губернии на 1913–1914 годы. Псков, 1913. С. 294; ЦГИА СПб. Ф. 1480. Оп. 16. Д. 35. Л. 158 об.
16. ЦГИА СПб. Ф. 1373. Оп. 4. Д. 84. Л. 90 об.
17. Там же. Л. 86, 91–93, 101 об.
18. Там же. Л. 79–84а об.
19. ЦГИА СПб. Ф. 1373. Оп. 3. Д. 34. Л. 164.
20. ЦГИА СПб. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 1587. Л. 99 об.
21. Там же. Л. 129.
22. ЦГИА СПб. Ф. 1373. Оп. 3. Д. 34. Л. 254 об.–255; Д. 13. Л. 211 об.–212; Ф. 1480. Оп. 16. Д. 35. Л. 515 об.–516.
23. ЦГИА СПб. Ф. 1373. Оп. 4. Д. 84. Л. 88 об.–89.
24. Там же. Л. 86–86 об., 94.

25. Там же. Л. 101–102.
26. *Сычёв А. А.* Из истории одной станции. Великие Луки, 2009. С. 102–103.
27. Памятная книжка Псковской губернии на 1903 год. Псков, 1903. С. 171; Памятная книжка Псковской губернии на 1905–1906 годы. Псков, 1905. С. 240; Памятная книжка Псковской губернии на 1907 год. Псков, 1907. С. 221; Памятная книжка Псковской губернии на 1911–1912 годы. Псков, 1910. С. 276.
28. ЦГИА СПб. Ф. 1373. Оп. 3. Д. 34. Л. 204 об.; Ф. 1480. Оп. 17. Д. 676. Л. 11; Оп. 1. Д. 1755. Л. 16.
29. Там же. Ф. 1480. Оп. 1. Д. 1547. Л. 111.
30. Там же. Ф. 1480. Оп. 8. Д. 14767. Л. 1–1 об.
31. Там же. Л. 79, 123 об., 144 об.
32. Там же. Л. 156.
33. Там же. Л. 174.
34. Там же. Л. 26 об., 150, 151 об., 159.

Г. Т. Трофимова
Союз краеведов России.
Великие Луки. Россия.
E-mail: galina-trof11@mail.ru

НАРОДНЫЕ ДОМА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО РАЙОНА ВЕЛИКИХ ЛУК В 20-х ГОДАХ XX ВЕКА

В статье рассказывается о народных самодеятельных коллективах, в том числе театральных, которые создавались при железнодорожной станции «Великие Луки» после 1917 года.

Ключевые слова: народные дома, театральная труппа, спектакль, самодеятельное творчество.

Великая российская революция 1917 г. дала толчок к развитию художественного народного самодеятельного творчества, ранее не доступного простому рабочему человеку, — драматическому. Начиная с марта 1917 г., на станции Великие Луки Николаевской ж. д. и в Главных железнодорожных мастерских по инициативе профсоюзов создаются Народные дома, которые становятся местом проведения рабочих собраний, митингов, выступлений самодеятельных оркестров, самодеятельных и профессиональных артистов. Так, на ст. Великие Луки в одном из барачков напротив железнодорожного вокзала открывается Народный дом «1-е мая» [1, л. 17], которым руководил Е. С. Мальцев. Его коллектив обслуживал более 10 тыс. жителей 4-го железнодорожного района. С первых же дней здесь была создана самодеятельная драматическая труппа. В Отделении ГКУ ГАПО г. Великие Луки сохранились уникальные документы о деятельности этого замечательного народного коллектива, которые впервые вводятся в научный оборот. Если внешний вид барака был вполне удовлетворительным, то у коллектива не было столяра, чтобы ремонтировать мебель, не было реквизита, материалов на костюмы, возможности принять на работу билетершу, чтобы продавать билеты и следить за порядком в зале, поэтому многие зрители пробирались в зал без билетов. Порой в зрительном зале царили шум и беспорядок [1, л. 5–6 об.]. Несмотря на это, самодеятельные артисты: телеграфисты и телефонисты, ревизоры, служащие Военной комендатуры станции, сотрудники профсоюзного комитета 4-го ж.д. участка с энтузиазмом готовили новые постановки и радовали

зрителей своим искусством. Самому старшему члену этой драматической труппы было 48 лет, самому младшему — 18. Стаж работы самодеятельных артистов колебался от 4 лет до 2 месяцев. В составе драматической труппы работали П. П. Зарайский, комик, простак; Е. П. Колпакова, 18 лет, бытовая старуха; В. П. Малинин, бытовые роли; Г. В. Нюнин, комик-резонер. Большинство самодеятельных артистов не определились в своем амплуа. Это В. Е. Новиков, А. А. Малейкович, Н. А. Андреев, Н. Н. Акиндинов, К. А. Бем, П. В. Рябиков, Г. С. Малинин, Н. Г. Гончарова, Л. П. Новикова, А. И. Боровская, Е. В. Некрасова, А. А. Олешева. Возглавлял драматическую труппу режиссер Шмага (к сожалению, инициалы не указаны) [2, л. 27 об.]. Несмотря на самодеятельный характер этой драматической труппы, репертуар её был серьезным и интересным, спектакли пользовались большой популярностью. Так, только за пять месяцев 1920–1921 гг. коллектив поставил 16 спектаклей: «В житейском угаре», «Восстание за власть Советов», «Не по-товарищески», «Голодный дон Жуан», «Через край», «Кто в лес, кто по дрова», «Свои люди, сочтёмся», «Дармоедка», «Предложение», «Медведь». В кассу поступило 725420 руб. [1, л. 23–24]. Учитывая востребованность Народного дома «1-е мая» у жителей железнодорожного района, по инициативе Культурно-просветительного отдела Великолукского уездного совдепа было проведено обследование состояния барака, где работала театральная студия. И если внешний вид его был вполне удовлетворительный, то в неудовлетворительном состоянии находилась электропроводка сцены, ниже всякой критики были световые эффекты, под сценой скопился мусор, не было тёплых уборных (гримёрок) для актёров, а те, что были, не соответствовали своему назначению. Комиссия постановила прекратить спектакли до тех пор, пока эти замечания не будут устранены. На замечания проверяющих заведующий Народным домом «1-е мая» Е. С. Мальцев заявил, что все материалы, необходимые для ремонта, есть, нет только рабочих рук [2, л. 27 об.]. К концу 1920 г. это учреждение культуры в железнодорожном районе оказалось единственным, поэтому с помощью города и Профсоюзного комитета Николаевской ж.д. коллективу Народного дома «1-е мая» была оказана необходимая помощь, и он продолжил работу. С этой самодеятельной драматической труппой позже работали такие режиссёры-постановщики, как Захаров, Фляксбергер, Дулькевич, Аманьев, Ковзон, Толстоухов, Верховский, Шульгин, Шелкунов, Жукова, Апраксин, Кукве, Захарцев, Оленин, Шмага [1, л. 5–6 об.].

Практически одновременно с Народным домом 1-е мая создается Народный дом Главных железнодорожных мастерских 7-го ж. д. района, тот, что позже стал клубом им. Ленина, а сейчас Домом культуры имени Ленина. И если читателям в определенной степени известен клуб имени Ленина, то тот период, когда он именовался Народным домом им. Ленина Главных железнодорожных мастерских, известен мало. Как и в первом случае, это учреждение культуры создавалось как центр профсоюзной работы среди рабочих и служащих Главных железнодорожных мастерских, располагалось в маленьком бараке [3, с. 6]. Здесь тоже проводились собрания, работала библиотека, кружки художественной самодеятельности, были созданы два оркестра и, конечно, драматическая труппа. В отличие от Народного дома «1-е мая» в Народном доме им. Ленина Главных железнодорожных мастерских Виндаво-Рыбинской ж. д. работали не только самодеятельные, но и профессиональные артисты. Среди самодеятельных артистов и сотрудников были бывшие рабочие и служащие Главных железнодорожных мастерских и учреждений железнодорожного района. Так, А. М. Сутягин, заведующий Народным домом с 1918 г. по 1920 г., артист до недавнего времени был слесарем Главных железнодорожных мастерских, художник Л. Л. Копытовский — маляром; О. Г. Григорьев, реквизитор труппы, — столяром; П. Горбулев, бутофор, — телеграфистом ст. Великие Луки; П. Девеленко, реквизитор, — билетный кассир ст. Великие Луки;

М. И. Фёдоров, смотритель здания, — заместитель Великолукской школы 1-й ступени ст. Великие Луки; Г. В. Митин — заместитель смотрителя здания, — литейщик Главных железнодорожных мастерских; В. П. Толстоухов, режиссёр драматической труппы, — бухгалтер; А. Браковский, капельмейстер, — конторщик Депо [2, л. 252]. Среди профессиональных артистов этой драматической труппы, кого судьба из голодных и разоренных Первой мировой войной и революционными потрясениями районов забросила в провинциальные Великие Луки (некоторые имена называются в работах краеведов С. Г. Петрова, С. П. Ткачевой, П. П. Сергеева, главного режиссера Великолукского драматического театра, заслуженного артиста России) [4], следует назвать Е. И. Казакевич, А. Гарбузову, Е. Иванову, Ф. Ф. Возницкую, В. П. Толстоухова [1, л. 46]. В декабре 1920 г. в Народном доме им. Ленина Главных железнодорожных мастерских Виндаво-Рыбинской ж. д. произошёл пожар [1, д. 7, л. 5], сгорело всё имущество драматической театральной труппы и часть музыкальных инструментов духового оркестра.

Зав. клубом А. М. Сутягин, 28-летний актёр с девятилетним стажем работы, который выступал на сцене в амплу неврастеника и драматического любовника, был арестован сотрудниками ЧК. Его судьбу должен был решить революционный трибунал.

Город не мог оставить погорельцев без помощи. Зная, что драматическая труппа Народного дома имени Ленина состоит из артистов-профессионалов и любителей, славится высоким исполнительским мастерством и любовью публики, артистам было предложено перейти на службу в подраздел искусства Великолукского уездного отдела народного образования и стать служащими театральной секции, выступать на сцене молодого театра «Дом просвещения». Служить на новой сцене дали согласие режиссёр труппы В. Толстоухов и его помощник Казакевич, артисты Савин, Е. Иванова, Ф. Возницкая, Ф. Гарбузова. В репертуаре театра был задействован и арестованный А. М. Сутягин, без которого могли быть сорваны спектакли. Чтобы не допустить этого, руководство Отделом народного образования обращается к Великолукскому уездному революционному трибуналу с просьбой следующего содержания (при цитировании сохраняется стиль документа): «Уездный отдел народного образования просит препроводить сегодня 11 декабря 1920 г. в «Дом просвещения» к 6 часам вечера под конвоем арестованного гражданина Сутягина, заведующего театром имени Ленина 7-го железнодорожного района как принимающего активное участие в пьесе «На бойком месте», идущей для рабочих организаций. Означенный спектакль повторяется, а вчера участие в спектакле гражданина Сутягина состоялось по ходатайству Политотдела 15-й армии. По окончании спектакля гражданин Сутягин возвращается под конвоем обратно в ваше распоряжение. Отказ поведет к отмене спектакля, почему просим удовлетворить наше ходатайство» [1, д. 7, л. 9–9 об.]. Отказа, по всей вероятности, не было, потому что ровно через неделю последовала новая просьба: «Подотдел искусства просит сделать распоряжение о приводе под конвоем т. Сутягина к 7 часам вечера 18 декабря в помещение отдела народного образования на репетицию пьесы «Свои люди, сочтемся», по окончании которой он будет отправлен обратно» [Там же]. Трудно представить, с каким настроением А. М. Сутягин играл и репетировал, но, к счастью, он всё-таки был оправдан, и в ноябре 1921 года возглавил художественный отдел уездного Политпроса.

Взяв под своё крыло потерявшую сцену драматическую труппу Народного дома имени Ленина, Великолукский Уездный

отдел народного образования вошёл в конфликт с Отделом народного образования 7-го железнодорожного района, который не хотел расставаться со своими творческими силами. 27 января 1921 г. состоялось общее собрание, в котором приняли участие драматические артисты и музыканты сгоревшего Народного дома, представители Отдела народного образования железнодорожного района, работники профсоюзных организаций города и железнодорожного района, заведующий театральной секцией Е. А. Фляксбергер, режиссёр драматической труппы Народного дома имени Ленина В. Толстоухов. В повестке дня собрания было два особо важных вопроса: о судьбе драматической труппы и о двух оркестрах. В ходе собрания разгорелся острый спор между представителями города и железнодорожниками. Заведующий Отделом народного образования 7-го железнодорожного района Марцинкевич обвинил городских коллег в том, что они пользуются случаем и переманивают к себе лучших артистов вместо того, чтобы создавать собственную театральную труппу. В свою очередь Е. А. Фляксбергер заявил, что он руководствуется директивой центральной власти, которая рекомендует объединить все театральные коллективы в один, т. к. театр «должен стать действенным воспитателем масс». После жарких споров и взаимных обвинений принимается решение объединить все любительские и просветительские труппы железнодорожного отдела народного образования во главе с режиссёром В. Толстоуховым и работать так, как работали до пожара. Что касается оркестров, то после пожара на железной дороге остался только один оркестр под руководством Иванова. Город потребовал передать оставшиеся после пожара инструмента своему Отделу народного образования, но получил решительный отказ. Недолго железнодорожники праздновали свою победу. 5 марта 1921 года на заседании коллегии Уездного политпросвета принимается решение: «Все театральные труппы закрепить за подотделом искусств Уездного отдела народного образования, который обязан использовать их в интересах не только городского пролетариата, но и железнодорожных служащих. Широко использовать местные театры для производительной пропаганды» [1, д. 7, л. 103].

В свою очередь служащие театральных трупп Народного дома «1-е мая» станции Великие Луки и театральной секции Подотдела искусств Великолукского отдела народного образования тоже старались помочь своим коллегам — артистам Народного дома имени Ленина. Уже 26 декабря 1920 г. коллектив Народного дома «1-е мая» пере-

дал в пользу пострадавших от пожара артистов деньги, вырученные от спектакля «В житейском угаре». Чуть позже в адрес президиума Великолуцкого уисполкома поступила просьба от работников искусства следующего содержания: «Просим вашего разрешения о предоставлении театра «Дом просвещения» Союзу работников искусств для нескольких постановок в пользу погоревших артистов и служащих Народного дома имени Ленина и для скорейшего восстановления того же театра». Просьба была удовлетворена.

Помимо названных выше учреждений культуры, в 20–30-е годы в Великих Луках действовали клубы организаций, учреждений и воинских частей, как, например, клуб «Коммуна» Великолуцкого гарнизона (заведующий клубом А. Князев) [1, д. 3, л. 141], клуб 116-го эвакопункта (заведующий клубом Михаил Марков, руководитель драматической секции Иван Михайлович Лавров) [1, л. 137], клуб им. Ленина 964-го полевого госпиталя (заведующая клубом Ольга Драамцева, руководитель драматической секции Константин Шабалин) [2, д. 471, л. 4], Центральный рабочий клуб, позже названный Центральный рабочий клуб им. СССР (руководитель — А. К. Мазкрест) [5], латышский клуб III Интернационал [6], на базе которого был создан театр-студия, руководимый Е. Тиме. Кроме названных клубов, в городе функционировали клуб национальных меньшинств, объединявший эстонцев, поляков, литовцев; еврейский клуб «Эмес», клуб Госторговли им. Макса Гельца, клуб им. Володарского, спортивный клуб «Динамо» [1, д. 8, л. 7]. Кроме народных домов, активно действовали культурно-просветительские кружки, где работали драматические секции. Среди них следует назвать кружок «Лазав» [1, д. 7, л. 6–7 об.], культурно-просветительный кружок Народной связи при Великолуцкой почтово-телеграфной конторе [7]. Деятельность отдельных клубов финансировалась Великолуцким уездным отделом народного образования. Руководство этих клубов и кружков постоянно требовало от Отдела народного образования текстов революционных и классических пьес, в которых испытывался острейший дефицит.

Таким образом, народные дома, клубы, самодеятельные творческие коллективы выполняли важнейшую роль не только по развитию самодеятельного народного творчества, но и служили средством политической пропаганды и агитации за установление новой советской власти.

Источники:

1. ВЛО ГАПО. Ф.Р-1033. Оп. 1, д. 6.
2. ВЛО ГАПО. Ф. Р-607. Оп. 1, д. 277.
3. Наш путь. 1927, № 55.
4. *Петров С. Г.* Поднимается занавес. Эпизоды истории Великолукского театра. Великие Луки, 200; *Ткачёва С. П.* Состояние учреждений культуры в г. Великие Луки в 1930-е годы // Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы докладов к научно-практической конференции. Псков, 1992, с. 79–81; Великолукский драматический театр. Годы. Люди. Жизнь. Великие Луки, 2005.
5. ВЛО ГАПО. Ф. Р-1033. Оп. 1, д. 3, л. 156; Ф. Р-786. Оп. 1, д. 5, л. 2.
6. *Ткачёва С. П.* Состояние учреждений культуры в г. Великие Луки в 1930-е годы // Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы... Псков, 1992. С. 79–81.
7. ВЛО ГАПО. Ф. Р-691. Оп. 1, д. 199, лл. 7–8.

БОЕВАЯ РАБОТА САПЁРОВ 9-й ШТУРМОВОЙ ИНЖЕНЕРНО-САПЁРНОЙ НОВГОРОДСКОЙ БРИГАДЫ НА ПСКОВЩИНЕ

Рассмотрена деятельность военнослужащих 9-й Штурмовой инженерно-сапёрной бригады при освобождении Пушкиногорского, Красногородского и Пыталовского районов летом 1944 года. Приведены примеры героизма солдат и офицеров бригады, проявленные при освобождении этих районов Псковской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, сапёры, Яунлатгале, Псковско-Островская наступательная операция.

Целью нашего исследования стало рассмотрение вопроса о боевой работе 9-й Штурмовой инженерно-саперной Новгородской бригады на Псковщине в 1944 году с упором на боевую деятельность сапёров этого подразделения от Пушкинских Гор до границы с Латвийской Республикой.

Участие сапёров в боях на этом направлении мало изучено в отличие от боёв и походов 12-й Рижской инженерно-сапёрной бригады РКК.

Хотя к победному маю 1945 года 9-я Штурмовая инженерно-сапёрная бригада была одной из заслуженных сапёрных частей нашей армии и полностью именовалась в документах «9-я Штурмовая инженерно-сапёрная ордена Кутузова 2-й степени Краснознамённая Новгородская бригада».

Трудности возникли в том, что многие населённые пункты Псковского и прилегающих районов, где начинала свои действия бригада, не были после войны возрождены и исчезли с карты послевоенного округа Ленинградской (позднее Псковской) области и населённые пункты Пыталовского района нашли в источниках ЦАМО латышские названия или искажённые на русский язык латышские названия.

Мы для удобства будущих исследователей, особенно из учащейся среды, по возможности будем приводить места событий к современному административному делению Псковской области.

В период боевой работы на Псковщине в состав 9-й Штурмовой инженерно-сапёрной Новгородской бригады РКК входили:

Задуров Михаил Иванович
(1914–1984)

41-й Отдельный штурмовой инженерно-сапёрный батальон (командир капитан Шлапак Гавриил Игнатьевич);

42-й Отдельный штурмовой инженерно-сапёрный батальон (командир Жуков Милентий Андреевич);

43-й Отдельный штурмовой инженерно-сапёрный батальон (командир майор Узиков Михаил Михеевич);

44-й Отдельный штурмовой инженерно-сапёрный батальон (командир Задуров Михаил Иванович);

45-й Отдельный штурмовой инженерно-сапёрный батальон (командир капитан Шестиперов Павел Геннадьевич);

инженерно-разведывательная рота, команда разграждения.

Первоначально 9-я ШИСБР поддерживала части 67 армии на псковском направлении. Сапёры бригады отличились в боях южнее Пскова.

Так, 23 июня 1944 года при прорыве обороны противника отличились бойцы 45-го батальона, действовавшие совместно с подразделениями 326-й Стрелковой дивизии генерал-майора Г. С. Колчанова. Комдив представил командира сапёрного батальона Шестиперова Павла Геннадьевича к ордену Отечественной войны 1 степени. Высшее командование утвердило его награждение орденом Красного Знамени.

За эти и последующие бои в Пушкиногорском районе орденами Славы 3-й степени были награждены сапёры Михаил Любах и Василий Сергеев.

В период с 27 по 29 июня 1944 года сапёрами 44-го батальона под командованием майора М. И. Задурова в районе Уткино-Городец было поставлено под артиллерийским огнём и попыток контратак противника на танкоопасном направлении минное поле в количестве 1228 мин, на котором подорвалось три немецких танка.

За умелое командование батальоном и выполнение в короткий срок поставленных задач командир батальона Задуров был представ-

лен командиром бригады к награждению орденом Отечественной войны 1 степени, вышестоящее командование утвердило его награждение орденом Александра Невского.

Активная работа сапёров 9-й бригады разворачивалась 17–18 июля 1944 года в период Псковско-Островской операции.

В течение суток 18 июля 1944 года сапёры 41-го батальона из района Подвишенки, продвигаясь с подразделениями 53-й Гвардейской Стрелковой дивизии в направлении д. Перлица Красногородского района.

Сапёры 42-го батальона несут комендантскую службу в районе Стержневского плацдарма на проходах в минных полях (д. Стержнево, Галичино, Устье).

Сапёры 1-й роты 43-го батальона обеспечивают сопровождение подразделений 37-го полка 2-й роты 184-го полка 56-й Стрелковой Краснознамённой дивизии.

Сапёры 2-й и 3-й рот 44-го батальона обеспечивают боевые условия 122-й Танковой бригаде и 288-й Дновской Стрелковой дивизии (комдив полковник А. В. Березин) в боях за Красногородское, а затем в развитие успеха в направлении д. Габаны Красногородского района.

Дальнейшая задача батальона заключалась в сопровождении этих частей в направлении д. Рейники и железнодорожной станции Пундури (ныне Пыталовского района Псковской области).

Сапёры 45-го батальона выполняли задачу пропуска армейского транспорта через реки Верша и Синяя. 19 июля 1944 года сапёры 1-й роты 41-го батальона следовали в боевых порядках пехоты 161-го полка 2-й роты 157-го полка и 3-й роты 159-го полка 53-й Гвардейской Стрелковой дивизии. В некоторых местах ряд работ сапёры батальона выполняли вместе с сапёрами 924 ОСБ 53 гв. сд.

За 17–18 июля 1944 года сапёры 43 ОШИСБ прошли с воинами 56-й дивизии по направлению Писраки-Алехново-Жданы-Слезы-Шилово-Жавры, проведя разминирование и ремонт дорог.

20 июля 1944 года сапёры 41-го батальона построили на дороге Бодренки-Лямоны (Красногородский район) пять новых мостиков длиной 2 метра и шириной в 7 метров. Кроме того, они провели в районе д. Крулихино 3 штурмовых мостка длиной 15 метров для форсирования передовыми подразделениями пехоты реки Лжа. Полностью был заготовлен лес для постройки мостов нагрузкой в 30 тонн. Сапёрами 45-го батальона закончена постройка нового моста в районе д. Бороусы (Пыталовский район) через реку Лжа.

Штаб батальона был передислоцирован в д. Свистухино (ныне Гавровская волость Пыталовского района). Приказом командира 123-го Стрелкового корпуса генерал-майора В. А. Вержбицкого батальон был выведен из подчинения 53 гв. сд и придан 364-й Тосненской Стрелковой дивизии. (командир полковник И. Д. Воробьев). Сапёры 2-й роты батальона были приданы 1212-му Стрелковому полку, 3-й роты занимались сопровождением приданных 1214 полку самоходных орудий.

Сапёры 41-го батальона по-прежнему выполняли основную задачу по сопровождению танков 122-й бригады, 45-й батальон продолжал строительство моста в д. Жавры (Красногородского района). Разведдрота в этот день выполняла задачу по разведке обстановки на правом фланге 54-й армии. Спецгруппа разграждения закончила разминирование сёл Велье и Красногородска и передислоцировалась на дорогу Жавры-Вышгородок (Красногородский-Пыталовский районы) с последующим разминированием крупного населённого пункта — д. Вышгородок Пыталовского района. После завершения постройки моста в д. Жавры к ней должны были присоединиться сапёры 45-го батальона.

24 июля 1944 года сапёры 41-го батальона закончили постройку моста через реку Лжа в районе д. Киргизовка (Красногородский — Пыталовский район). Согласно указанию начальника инженерных войск 54-й армии батальон был выведен из подчинения 53-й Гвардейской Стрелковой дивизии на северный участок с целью ремонта и окончательного разминирования дорог Бороусы-Вышгородок.

Здесь сапёры батальона 22–23 июля строят и ремонтируют мосты через реку Лада, занимаются разминированием дорог в междуречье рек Лада и Утря, оборудуют брод в районе д. Бабинино (Утроинская волость Пыталовского района), проверяют и ремонтируют дорогу Мендеры-Кострецы-Бабино (Пыталовский район). На железнодорожной станции Абрене (Пыталово) сапёры этого батальона в районе железнодорожных путей обезвредили 374 заряда взрывчатых веществ, которые должны были вывести из строя путевое хозяйство.

Сапёры 3-й роты 43-го батальона обеспечили форсирование реки Кухва 1214-го Стрелкового полка 364-й Стрелковой Тосненкой дивизии севернее д. Савинцы (ныне Линовская волость, Пыталовский район) и продолжили преследование противника в направлении г. Виляка Латвийской ССР.

Другие роты этого батальона ремонтировали мост в районе г. Пыталово длиной 20 метров и шириной 4 метра под ударами немецкой авиации, в результате этого 44 сапёра 43-го батальона были ранены и контужены.

В конце дня 23 июля 1944 года согласно директивы штаба 3-го Прибалтийского фронта 43-й батальон был выведен из оперативного подчинения 123-го Стрелкового корпуса под командованием генерал-майора В. Д. Вержбицкого в резерв командира бригады с размещением в районе Горки-Лудонка-Горки (Линовская волость, Пыталовский район).

24 июля 1944 года противник оказывал упорное сопротивление в районе г. Виляка. Сапёры 1-й роты 43-го батальона оборудовали в этот день два брода через реку Кухва.

Около железнодорожного поста Савинцы сапёрами было обнаружены и обезврежены фугасы

Сапёры 2-й роты батальона обеспечивали действия 511-го Отдельного Огнемётного танкового полка, приданного 364-й дивизии.

3-я рота 43-го батальона занималась обследованием и ремонтом прилегающих дорог к шоссе Носово-Виляка.

24 июля 1944 года из записей в журнале боевых действий привлекают следующие факты:

«Закончено разминирование г. Пыталово.

Сапёры 44 ОШИСБ оборудовали несколько бродов в районе д. Баргули, Новоселье (Пыталовский район). Сапёры занимались разминированием на дороге Пыталово-железнодорожная станция Белково, а также Пыталово-Заходы-Александрово-Виляка.

КП 44 батальона переместилось в д. Подлинье (с. п. Линовская волость Пыталовский район).

Сапёры разминируют дорогу Сыры — Стульпино и д. Носово, а также ремонтируют участок дороги Носово — Виляка.

42 ОШИСБ вышли на островское направление. Батальон приступил к работам у озера Гороховое, сапёры должны были оборудовать в районе «Санаторий» Командный пункт 3-го Прибалтийского фронта».

Штаб бригады располагался в д. Вильнисово (с. п. Гавровская волость Пыталовский район). Здесь и был получен приказ начальника инженерных войск фронта о переподчинении бригады начальнику инженерных войск 1-й Ударной Армии с 25 июля 1944 года.

С этого дня 41-й батальон занимается ремонтом дороги Носово-Виляка, восстановлением и ремонтом дорог через реку Киру и разминированием в течение нескольких дней местечка Виляка (Латвия).

Группа минёров 45-го батальона проводила контрольную проверку на разминировании железнодорожной станции Пурвмала и деревни Носово в современном Пыталовском районе.

Штурмовая инженерно-сапёрная бригада. Лето 1944. Прибалтика

По архивным материалам это последний день, связанный с территорией Псковской области в современных границах.

Дальнейшая боевая деятельность 9 ШИСБР проходила по территории Латвийской Республики в направлении Лиепна-Гульбене.

За боевую работу, смелость и находчивость в боях, проявленные на территории Красногородского и Пыталовского районов, а также в предыдущих боях, многие воины 9 ШИСБР были награждены орденами и медалями.

Первым хочется назвать будущего полного Кавалера Ордена Славы, командира отделения сержанта Юрия Михайловича Мухорова. Он содействовал при освобождении д. Гавры Красногородского района в уничтожении немецкой противотанковой пушки, а затем 19 июля разведки реки Лжа для её быстрого форсирования танками 122-й Танковой бригады с десантом из воинов 288-й Стрелковой дивизии танками с территории Красногородского района и современной территории Гавровской волости Пыталовского района. 7 августа храбрый командир отделения был представлен своим комбатом майором Задуровым к награждению орденом Красной Звезды. Впоследствии он был награждён орденом Славы 3-й степени (сентябрь

1944), орденом Славы 2-й степени (январь 1945), орденом Богдана Хмельницкого (июнь 1945).

Среди награждённых орденом Красной Звезды был командир отделения младший сержант Шадуров Михаил Яковлевич из 44-го отделения, который при выполнении задания по разведке реки Лжа заменил в бою выбывшего командира взвода и саперного взвода, выполнил поставленную задачу

Награждён был орденом Красной Звезды и узбек Хамальджен Рузиев, который на территории Пыталовского района со своим отделением уничтожил автоматным огнём противника.

Командир взвода Тихон Сергеевич Дружинин. «С 17 по 20 июля он вместе со своим взводом сопровождал танки 122-й бригады, которые поддерживали наступление на Красногородск воинов 288-й стрелковой дивизии. Окрина Красногородска совместными усилиями была освобождена от немцев. Затем была задача по форсированию реки Лжа. При проведении разведки храбрый офицер был смертельно ранен. Командир батальона представил его к награждению посмертно орденом Отечественной войны 1 степени. Вышестоящее начальство утвердило награждение орденом Красной Звезды.

Пошехонцев Фёдор Степанович
(1898–1967)

Борисов Александр
Николаевич

В июльские дни 1944 года орденом Красной Звезды были награждены командир отделения 44-го батальона старшина Владимир Лыков 1924 г. р., участник войны с 1942 года, ранее награждённый медалью «За отвагу». В период с 17 по 21 июля 1944 года он сопровождал со своим отделением головной танк. Особенно отличился старшина в бою за д. Гавры, где не только расчистил от мин путь для танков, но с отделением автоматным огнём расчистил путь от сопротивляющегося противника. Несмотря на ранение, продолжал вести бой».

Командир отделения младший сержант Уйгур Хайдар Ахмедов проводил 21 июля разведку в районе д. Худюки (Пыталовский район). «Под сильным пулеметно-ружейным огнем противника, разминировал мост, что дало возможность переправиться по мосту нашей артиллерии».

Орденами Красного Знамени были награждены командир 9 ШИСБР гвардии полковник Пошехонцев Фёдор Степанович. Из наградного листа видно, что он в РККА с 1918 года, участник гражданской войны, участник финской войны 1939–1940 годов. Награждён орденами Красного Знамени (февраль 1944 года) и орденом Красной Звезды (сентябрь 1941 года), медалями «За оборону Сталинграда», «За оборону Ленинграда», «20 лет РККА». Ордена Красного Знамени был удостоен за умелое обеспечение боевой деятельности своих подразделений при поддержке 53-й Гвардейской Стрелковой дивизии, 56-й Стрелковой и 288-й Стрелковой дивизии 122-й танковой бригады.

Литература:

1. Журнал боевых действий 8 Новгородско-Хинганской штурмовой инженерно-саперной бригады с 17 июля 1944 года по 27 июля 1944 года // источник сайт «Память народа» //
2. Наградные документы военнослужащих 9 Штурмовой инженерно-саперной бригады с июля 1944 по октябрь 1944 года // источник сайт «Подвиг народа» //
3. Список безвозвратных потерь военнослужащих 9 Штурмовой инженерно-саперной бригады за июль 1944 года // ОБД Мемориал.
4. Административно-территориальное деление Псковской области, 2002.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗМИНИРОВАНИЯ ГОРОДА ПСКОВА в 1944–1946 гг.

Освещена работа и представлены результаты разминирования г. Пскова в 1944–1946 гг. Выделены этапы разминирования города. Рассмотрены основные проблемы, с которыми столкнулись при разминировании г. Пскова подразделения ФУОС-2 III Прибалтийского фронта, инженерные части Ленинградского фронта и Ленинградского военного округа, а также команды ОАХ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., г. Псков, освобождение, разминирование, восстановление.

Города не было... повсюду — фанерные бирки на колышках — «Мины!», «Мины!», «Мины!», «Мины!».
Е. П. Нечаев

Героическая история освобождения г. Пскова от немецко-фашистских захватчиков и его послевоенное восстановление на сегодняшний день подробно описаны как историками, так и краеведами. В распоряжении увлекающихся историей Пскова имеются также публикации архивных документов и воспоминаний участников событий прошлого. Однако, в большинстве случаев, авторы различных изданий не уделяют должного внимания такому важному вопросу как разминирование Пскова, которое тесно связано не только с восстановлением, но и с его освобождением.

Судите сами. Ведь город Псков немецко-фашистскими войсками был превращён в мощный узел сопротивления Псковско-Островского рубежа обороны, входившего в линию «Пантера». В копиях архивных документов Министерства обороны за 24 июня 1944 г., находящихся на хранение в ОДНИЛС ГАПО, представлено подробное описание этого рубежа обороны.

На подступах к Пскову немецко-фашистское командование построило сплошные полосы инженерных заграждений и фортификационных сооружений. Инженерное оборудование обороны про-

тивника состояло из первой (главной) полосы глубиной 8–10 км, и второй полосы обороны, в инженерном отношении менее развитой, расположенной по р. Великой.

Особое внимание немецким командованием отводилось таким инженерным заграждениям, как противотанковые и противопехотные минные поля. Противопехотные минные поля, установленные на подходах к опорным пунктам и узлам сопротивления, — таких, как Псков, — входили в систему противотанковых заграждений. Основной тип мин: «ПОЗМ», «ПМД», Т-35, Т-42, Т-43. Мины на полях были установлены в несколько рядов (от 3 до 8) мина от мины 1,5–5 м, ряд от ряда до 6 м [3, Ф. 9952. Оп. 3. Д. 4. Л. 90–94].

Исходя из данного описания немецкого рубежа обороны, становится понятным, что освобождение Пскова было невозможно без разминирования полосы инженерных заграждений на подступах к городу, без обезвреживания (с целью продвижения советских войск) взрывоопасных предметов на его основных улицах.

Конечно же, для овладения таким мощным узлом обороны, как Псков, советским войскам потребовалась всесторонняя подготовка. В связи с этим в июле 1944 г., находясь ещё в обороне, красноармейцы поротно отрабатывали возможные варианты боя в трёх зонах: лесисто-болотной местности, в зоне крупного города, и форсирование реки [3, Ф. 9952. Оп. 2. Д. 89. Л. 10].

Весь личный состав боевых подразделений учился обезвреживать мины, строить переправы и переправляться на подручных средствах. Особая роль в подготовке наступления отводилась сапёрам, которые в ночное время проделывали проходы в минных полях и колючей проволоке противника для безопасного движения советских танков и пехоты [3, Ф. 9808. Оп. 8. Д. 6. Л. 13–14].

Помимо этого, в составе готовившихся к наступлению советских полков с целью прорыва обороны противника были созданы самые эффективные тактические единицы в условиях городского боя — штурмовые группы. Они состояли из сапёров, разведчиков, стрелков-автоматчиков, пулемётчиков и бойцов службы тыла. Так, например, в батальонах первого эшелона капитана Н. С. Коротаева и капитана В. Н. Мирошничко 374 стрелкового полка было создано шесть штурмовых групп. В каждой группе по 25–30 человек. Первыми в группе шли сапёры [3, Ф. 9952. Оп. 2. Д. 89. Л. 16–17].

21 июля 1944 г. войска III Прибалтийского фронта овладели г. Остров и начали успешное продвижение в сторону Пскова. Над левым флангом обороны частей 18 немецкой армии нависла угроза, поэтому они скрытно начали отвод своих сил за р. Великую в районе Пскова.

В этой ситуации советским командованием было принято решение о начале наступления. Утро 22 июля 1944 г. выдалось туманное. Этот непроницаемый туман надёжно маскировал работу сапёров по установке удлинённых зарядов в 120–150 метрах от первой траншеи противника [3, Ф. 9952. Оп. 2. Д. 89. Л. 17].

На рассвете сапёры лейтенанта Тиранова (374 стрелковый полк), в их числе рядовые Тетерев и Дзотов, подорвали с помощью тола несколько огневых точек врага, проделали 12 проходов в минных полях и заграждениях. Они открыли путь и дали сигнал к началу артподготовки [1, с. 125].

На северных подступах к Пскову также начал наступление 1250 стрелковый полк. 660 сапёрный батальон этого полка под командованием П. И. Смахтина и дивизионного инженера подполковника Д. Г. Добрынина, снимая мины, обеспечил проход в проволочных заграждениях переднего края обороны противника [2, с. 37].

Примечательны воспоминания участника освобождения Пскова, командира 374 полка 128 стрелковой дивизии майора К. А. Шестака: «Штурмовые группы броском дружно поднялись в атаку. Выбив фашистов с ключевой высоты Горнево... наш полк за 5 часов непрерывного боя продвинулся на 8 км. и вышел на правый (восточный) берег реки Великой... Подразделения полка наступали вдоль Крестовского шоссе и Октябрьской улицы. К 9 часам утра 22 июля они с боем пробившись в центр города и, прикрываясь стеной Окольного города, вышли к реке Великой, на её правый берег на участке: улица Урицкого — Покровская башня и сходу начали форсировать водную преграду» [3, Ф. 9952. Оп. 2. Д. 89. Л. 17–18].

Эти воспоминания дополняют воспоминания другого участника освобождения Пскова подполковника А. И. Глушкова, командира 1250 полка 376 стрелковой дивизии, о продвижении советских войск в северной части Пскова в районе Запсковья: «...Дома в городе подрывались отходящим противником, которые были наштапированы до предела минами. Много пришлось поработать сапёрному взводу полка под командованием капитана Бровцина К. Я., которому пришёл на помощь взвод сапёров 660 отдельного сапёрного батальона дивизии. Расчищая дороги от мин, сапёры дали возможность полку ближе продвинуться к реке Великая» [3, Ф. 9808. Оп. 8. Д. 6. Л. 16].

Из данных воспоминаний мы видим, что бойцам 374 полка удалось сразу начать форсирование реки в центральной части Пскова, а части 1250 полка этого сделать не смогли. Восточный берег р. Великой был сплошь заминирован. Весь день 22 июля сапёры 1250 полка под огнём противника вели работы по обезвреживанию мин и фугасов, и только с

наступлением темноты приступили к проделыванию проходов в минных полях непосредственно на берегу [3, Ф. 9808. Оп. 8. Д. 6. Л. 17].

После очищения берега последним к форсированию р. Великой в северной части Пскова приступил 1250 полк. Оно началось 23 июля в четыре часа утра [3, Ф. 9808. Оп. 8. Д. 6. Л. 17]. Об этом поведал в своих воспоминаниях А. Миндлин: «Рассвет ещё не наступил, когда от нашего берега бесшумно отплыли несколько самодельных плотов с разведчиками, сапёрами и бойцами стрелковых рот. Среди них — разведчик Русов, сапёр Сердюков, командир стрелкового отделения сержант Зябликов и др. Все они немедленно приступили к разминированию берега, еще занятого противником, и выявлению его огневой системы» [1, с. 133–134].

В то время, когда советские войска вели бой на берегу р. Великой в Псков прибыл военный комендант майор А. С. Гусько, и сразу же приданные в его распоряжение сапёрные подразделения приступили к разминированию главной улицы города — Октябрьской, по которой шли войска к переправе [3, Ф. 9782. Оп. 1. Д. 31. Л. 1].

Осознавая первостепенную важность работ по разминированию города, военный комендант в своём приказе № 1 от 22 июля 1944 г. отметил: «Гражданам, знающим минированные участки, ... немедленно докладывать в комендатуру города» [3, Фотоколлекция. Оп. 2А. Д. 10]. Однако в освобождённом 23 июля 1944 г., но заминированном Пскове оставалось только 143 жителя.

Подводя итог разминированию Пскова в период его освобождения, следует отметить, что это первый этап, который носил локальный характер.

Выполняя главную задачу — обеспечение безопасного продвижение советских частей во время наступательной операции, сапёры работали на основных направлениях движения советских войск. Они обеспечивали проходы в минных полях на подступах к Пскову, разминировали центральные улицы в городе, участвовали в подготовке форсирования р. Великой, а также при занятии и удержании плацдармов на её западном берегу. Большая же площадь города оставалась заминированной.

Степень и характер минирования г. Пскова указаны начальником штаба инженерных войск 42-й армии майором Лившицем: «Основные объекты минирования — улицы, площади, а также уцелевшие дома. На улицах и площадях установлены ПТ мины, в домах, главным образом, сюрпризы. Встречаются ПП мины (на аэродроме, улицах)... Почти все здания города подорваны или сожжены. Уцелев-

шие здания заминированы» [3, Ф. 9952. Оп. 3. Д. 4. Л. 180]. А комендант Пскова майор А. С. Гусько охарактеризовал положение в городе следующим образом: «Ходить по городу можно было только по следу идущего впереди со шупом сапёра» [3, Ф. 9782. Оп. 1. Д. 31. Л. 2].

Ещё одна сложность заключалась в том, что после освобождения на перекрёстках дорог и в уцелевших зданиях с разными временными промежутками стали раздаваться взрывы. Это взрывались заложённые фашистами мины замедленного действия (МЗД) [2, с. 38].

Из-за такого сильного минирования приданные комендатуре сапёрные подразделения не справлялись с большим объёмом работ. Поэтому Военный совет III Прибалтийского фронта срочно перебросил в Псков 16-й Отдельный батальон минёров [2, с. 38]. Примечательно, что за двое суток только одной сапёрной ротой этого батальона было снято свыше 800 мин разного вида [3, Ф. 9952. Оп. 3. Д. 4. Л. 180].

Безусловно, при проведении таких сложных работ не всё было гладко — имели место несчастные случаи. Всё чаще в комендатуру стали привозить и приносить трупы и раненых, подорвавшихся на минах. Одним из них был капитан К. А. Руфов, погибший при снятии мин-сюрпризов, поставленных фашистами у царских врат Троицкого собора [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 93. Л. 55].

Но и в самой комендатуре было небезопасно. Вспоминает майор А. С. Гусько: «... в стене одной из комнат двухэтажного здания комендатуры (здание комендатуры находилось там, где и сейчас, — на улице Гражданской) была обнаружена крупная мина с часовым механизмом. Только обезвредили эту мину, как в соседнем с комендатурой здании произошёл большой силы взрыв» [3, Ф. 9782. Оп. 1. Д. 31. Л. 1].

В таких сложных условиях 326 сапёров ФУОС-2 III Прибалтийского фронта и инженерных частей Ленинградского фронта мужественно разминировали Псков. Среди них был и взвод миноискателей 62-го Отдельного инженерного батальона под командованием лейтенанта А. В. Корнеева. Это подразделение разминировало неповреждённую часть здания бывшей художественной школы Н. Ф. Фандер-Флита, что на улице Некрасова. В то время, когда бойцы взвода заканчивали проверку здания, Иван Царёв, один из сапёров, маслёнкой с коричневой краской на стене дома оставил историческую запись: «Мин нет. Дом разминирован. Л-т Корнеев» [4].

Таким образом, уже к 7 августа 1944 г., т. е. спустя две недели после освобождения города, воинскими частями было снято 2240 мин разных типов. Среди них обезврежено: ТМІ — 439 шт., Хольц — 108 шт., СМІ — 891 шт., РМІ-43 — 16 шт., ПОМЗ — 29 шт., АВ-2 — 193 шт.

Подорвано — 572 шт. Снято фугасов — 41 шт. Авиабомб — 41 шт. ЗД-2 — 5 шт. Сюрпризов — 99 шт. МЗД — 2 шт. с часовым замыкателем. Зарядов на электростанции подобрано — 54 шт.

К этому времени в Пскове было разминировано 47 кварталов, а также Троицкий собор и прилегающая к нему территория. Прежде всего, это главные улицы и проезды в городе: улица Октябрьская и Пролетарский бульвар (ныне Октябрьский проспект), Площадь Жертв Революции (ныне Сквер Павших Борцов), Крестовское шоссе, улицы: Кузнецкая, Гоголя, Некрасова, Плехановская (ныне Плехановский посад), Интернациональная (ныне ул. М. Горького), Алексеевская (ныне ул. Гражданская), Рижская (ныне Рижский проспект), Ильинская (ныне ул. Труда).

Помимо этого шло разминирование набережных рек Великой и Псковы, а также Псковского ж/д узла, работы на котором производила 30 отдельная ж/д бригада. С помощью буровых инструментов осуществлялась разведка и поиски мин с часовым механизмом в Доме Советов [3, Ф. 1048. Оп. 2. Д. 22. Л. 11]. Отсюда видно, что работы по разминированию города проходили, прежде всего, на его центральных улицах и объектах первостепенного восстановления.

В целях обеспечения исполнения постановления ГКО СССР от 19 февраля 1944 г. «О разминировании местности, освобождённой от немецкой оккупации» для ускорения работ по разминированию города бюро Псковского горкома ВКП(б) на своём первом заседании после освобождения, прошедшем 30 июля 1944 г., признало необходимым привлечение мирного населения, прибывающего из области в Псков к работам по разминированию [3, Ф. 1048. Оп. 2. Д. 1. Л. 1].

Местное население на добровольной основе от предприятий и учреждений города зачислялось в команды ОАХ. Их называли разминёрами. Разминёры с отрывом от производства проходили обучение, обеспечивались необходимым инвентарём, литературой и учебно-наглядными пособиями, им также выплачивалась заработная плата и полагалось питание.

Занятия по подготовке разминёров из местного населения начались 10 августа 1944 г. Первая группа состояла из 21 человека. Среди них мужчин 1928 г. р. — 3, женщин 1920–1927 гг. р. — 18. Программа подготовки предусматривала 100 часов занятий. Ежедневно курсанты занимались с 9 до 20 часов с обеденным перерывом 1 час [3, Ф. 1048. Оп. 2. Д. 22. Л. 19].

В работах по разминированию города курсанты стали принимать участие с 25 августа 1944 г., а в сентябре был сделан выпуск ещё

одной группы [3, Ф. 1048. Оп. 2. Д. 22. Л. 15]. В дальнейшем такие группы выпускались неоднократно.

Со дня освобождения Пскова и до конца 1944 г. бойцами воинских частей и отрядами ОАХ была проведена сложная и большая работа по разминированию города. Об этом свидетельствуют конкретные факты. Так, например, 19 сентября 1944 г. на ул. Некрасова отрядами ОАХ было обнаружено 15 мин в боевом виде. 20 сентября на Октябрьской ул. в помещении гостиницы подорвался мальчик, там же была обнаружена мина и фугас подвесной весом 150 кг. В тот же день на ул. Советской, д.60 подорвалось двое гражданских, там было обнаружено 5 мин в боевом виде. 21 сентября на ул. Детской на берегу р. Великой отрядами ОАХ было собрано 100 снарядов. А 23 сентября при проверке Пушкинского театра обнаружена мина S-35 также в боевом виде [3, Ф. 1048. Оп. 2. Д. 22. Л. 16].

В итоге с 20 августа 1944 г. по 15 января 1945 г. только отрядами ОАХ, включавшим в себя 70 человек, в г. Пскове было собрано 3334 снарядов и мин разного вида, а также снято и подорвано 29 подвесных авиа и фугасных бомб [3, Ф. 1048. Оп. 2. Д. 22. Л. 17. Ф. 1048. Оп. 3. Д. 150. Л. 5–6].

Эти впечатляющие результаты послужили основанием для доклада заведующего военным отделом ГК ВКП(б) Ф. К. Яковенко о завершении основных работ по разминированию уже к концу 1944 г. Однако Ф. К. Яковенко подчёркивал необходимость «тщательной проверки всего города вторично и в особенности прилегающих территорий к городу» [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 18. Л. 18].

Контрольные проверки, проводимые как ФУОС-2, так и командами ОАХ, выявили на территории города случаи нахождения боевых гранат, мин, капсулей и др. взрывоопасных предметов. Но, в связи с наступлением заморозков, 14 ноября 1944 г. работы по разминированию были прекращены [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 101. Л. 3].

Следует отметить, что население города слабо информировалось о необходимых действиях в случае обнаружения боеприпасов, в результате чего имелись несчастные случаи. Так, только за период с 22 июля по 30 сентября 1944 г. в Пскове подорвалось на минах и от снарядов 22 человека [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 18. Л. 18]. Однако самый трагический случай произошёл 23 декабря 1944 г. с учащимися железнодорожной школы. В тот день дети были на субботнике по заготовке топлива (торфа) рядом с заводом «Выдвиженец». В этот момент взорвалась немецкая противотанковая мина, которую фашисты заложили при отступлении, минируя цеха завода. От произошед-

шего сильного взрыва погибло 27 детей, и 6 было ранено [3, Ф. 1048. Оп. 2. Д. 1. Л. 111. Л. 115].

Таким образом, подводя итог следующему этапу разминирования г. Пскова, необходимо отметить, что разминирование после освобождения города носило плановый характер. Основная цель работы в 1944 г. заключалась в разминировании объектов, имевших первоочередное значение при восстановлении г. Пскова.

Однако сложность минирования города, разнообразие видов взрывоопасных предметов, недостаточное количество профессиональных сапёров, отсутствие опыта работ по разминированию у отрядов ОАХ — всё это приводило к затягиванию работ по разминированию, к их низкому качеству. Дело доходило до того, что отдельные участки проверялись по два и более раз, и все равно случаи подрыва на минах продолжали иметь место.

Эти факторы в совокупности со слабой массово-разъяснительной работой о правилах поведения в минированных зонах среди населения, которое ежемесячно увеличивалось в разы за счет возвращающихся горожан из районов области, приводили к трагическим последствиям. Такое положение в деле разминирования города стало предметом серьёзного разбирательства в городском Комитете партии. В результате чего Горком ВКП(б) обязал штаб МПВО г. Пскова создать постоянную оперативную группу в количестве 5 человек для срочного выезда на места обнаружения взрывоопасных предметов, а также развернуть массово-разъяснительную работу среди населения об элементарных правилах обращения с взрывоопасными предметами [3, Ф. 1048. Оп. 2. Д. 1. Л. 111. Л. 116].

Что касается работы оперативной группы, то только за январь 1945 г. она получила 16 заявок от руководителей предприятий и учреждений города. В частности, при проверке у здания Промкомбината была обнаружена авиабомба весом 100 кг, а у завода «Выдвиженец» — 5 минометных мин [3, Ф. 1048. Оп. 3. Д. 150. Л. 5–6]. Кроме этого, воинскими подразделениями проводились проверки в разных частях города, которые дали положительный результат. Например, в феврале 1945 г. частями инженерного управления Ленинградского фронта было проведено 12 контрольных проверок, в результате которых было найдено 30 авиабомб и 116 артснарядов [3, Ф. 1048. Оп. 3. Д. 150. Л. 3. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 91. Л. 11].

В начале 1945 г. была также развернута большая разъяснительная работа по поведению населения в разминированной зоне. Это выразилось в проведении совещаний и специальных инструктивных

бесед с секретарями парторганизаций города и руководством школ. Помимо этого, во всех школах и на всех основных предприятиях и учреждениях проводились беседы непосредственно с населением на тему «Как уберечь себя от мин и боеприпасов». В этих мероприятиях приняло участие до 10000 человек. Важно отметить, что в разъяснительной работе большую роль сыграли офицерский состав Облсовета ОАХ и лучшие разминёры города.

В проведении массово-разъяснительной работы среди населения использовались также информационные плакаты, которые были познавательны не только для горожан, но и для приезжающих с других районов. Таким образом по всему городу было развешено 100 плакатов с правилами поведения, а у Летнего сада организована выставка на тему «Как уберечь себя от подрыва на минах и боеприпасах» [3, Ф. 1048. Оп. 3. Д. 150. Л. 64–65].

После проведения разъяснительной работы, перед началом нового сезона, 2 марта 1945 г. бюро Псковского ГК ВКП(б) приняло развёрнутое решение по обеспечению безопасности работ. Оно предусматривало мобилизацию 21 разминёра, их полное необходимое оснащение, а также 70-часовой семинар по переподготовке.

План разминирования 1945 г. по-прежнему предусматривал тесную взаимосвязь разминирования города с восстановительными работами, с деятельностью только что восстановленных предприятий [3, Ф. 1048. Оп. 3. Д. 150. Л. 18об-19]. Поэтому руководители предприятий города не начинали никаких работ до проведения контрольных проверок отрядами ОАХ. Таким образом, только за I полугодие 1945 г. предприятиями города было подано 208 заявок на разминирование.

В результате этой работы отрядами ОАХ была разминирована площадь 9,2 кв. км, на которой проверено 46 жилых домов и построек и обнаружено 1411 снарядов, 726 мин, 52 гранаты, 14 авиабомб [3, Ф. 1048. Оп. 3. Д. 150. Л. 18об-19].

Площадь города на то время составляла 46,8 кв. км (это вдвое меньше площади современного Пскова), поэтому отрядам ОАХ предстояло проверить площадь 37,6 кв. км [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 148. Л. 134]. Выполнение этой задачи требовало увеличения профессиональных кадров минёров, в связи с чем приказом начальника инженерных войск Ленинградского военного округа в июле 1945 г. были направлены две команды инструкторов-минёров: десять и семь человек во главе с лейтенантом Н. В. Кунцовым, который являлся старшим обеих команд [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 148. Л. 98. Л. 102].

В итоге, работы по разминированию в 1945 г. были закончены к ноябрю. Отрядами ОАХ под руководством инструкторов-минёров инженерных войск была разминирована площадь 22 кв.км. В течение года на этом участке было уничтожено 3466 взрывоопасных единиц. В другой части города площадью 24,8 кв. км проведённой проверкой не было обнаружено взрывоопасных предметов [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 148. Л. 134]. Такой результат был достигнут, в том числе, благодаря высокой общей дисциплины в отрядах ОАХ. Лучшими разминёрами в городе оказались инструктор Горсовета ОАХ Грачёв, который руководил всеми работами по разминированию, а также командиры отделения Егорова и Гусева и бойцы Васильева и Полёва, которые чётко выполняли задания. Все они были награждены грамотами Псковского облисполкома [3, Ф. 1048. Оп. 3. Д. 150. Л. 64–65].

Важно отметить, что благодаря высокой дисциплине и проведённой большой разъяснительной и профилактической работе в 1945 г. в Пскове не было ни одного случая подрыва разминёров, а также гражданского населения, участвовавшего на восстановительных работах и при обработке земельных участков [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 101. Л. 39а]. В городе имело несколько несчастных случаев среди подростков, которые произошли исключительно из-за их хулиганства [3, Ф. 1048. Оп. 3. Д. 150. Л. 18 об-19].

В 1946 г. работы по разминированию и уничтожению обнаруженных взрывоопасных единиц проходили с 15 апреля по 28 сентября [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 217. Л. 16–17. Л. 19]. В соответствии с планом работ с 10 марта 1946 г. при Облсовете ОАХ был проведён 10-дневный сбор командиров взводов со всей области. Подготовленные таким образом инструктора-минёры провели у себя на местах переподготовку личного состава взводов по 32-часовой программе ЦС ОАХ СССР [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 217. Л. 16]. Обученные отряды за 1946 г. проверили и разминировали всю территорию г. Пскова. В городе было обнаружено 23 взрывоопасные единицы, что явилось лучшим показателем по области. Об этом свидетельствует факт отсутствия случаев подрыва местного населения [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 217. Л. 21]. Кроме этого, проведённая контрольная проверка 2 % территории показала отсутствие взрывоопасных предметов. Данные обстоятельства послужили основанием для подписания 8 октября 1946 г. Псковской областной комиссией, которую возглавлял заместитель председателя Псковского облисполкома Е. А. Фурдман, «Акта о приёме работ, выполненных на территории Псковской области районными командами ОАХ, во исполнении постановления ГКО СССР от 19.02.44 г., от 19.09.1944 г. и

постановления Совета Министров СССР от 12.06.1946 г.». В «Акте» комиссии, подлинник которого находится на хранении в ОДНИЛС ГАПО, указывается: «Работу облсовета ОАХ по сплошному разминированию территории области считать полностью законченной. Территория области полностью очищена и безопасна для использования по прямому назначению...» [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 217. Л. 36. Л. 46–47]. Таким образом, официально работы по разминированию г. Пскова и всей области были завершены.

Обобщая работы по разминированию города в 1945–1946 гг., следует отметить, что развернувшаяся массово-разъяснительная работа среди горожан о правилах обращения с взрывоопасными предметами, действия постоянной оперативной группы в зимний период, контрольные проверки воинскими частями в разных частях города, а также пополнение специалистами инженерных войск и должная подготовка отрядов ОАХ — все это помогло наладить работу по очистке территории г. Пскова от взрывоопасных предметов. Отсутствие же чрезвычайных происшествий среди гражданского населения позволило признать территорию города полностью разминированной. Однако недостаточное совершенство миноискателей явилось тем объективным фактором, который не позволил на определённых объектах обнаружить мины многослойного минирования, находящиеся на глубине 50–70 см. При случайном обнаружении, которое имело место быть в последующем, для проверки туда направлялся специальный батальон инженерных войск Ленинградского военного округа. Эта работа проводилась в 1947–1948 гг. [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 537. Л. 1]. Помимо этого, были и субъективные факторы пропуска взрывоопасных предметов. Это формальное отношение ответственных лиц к вопросам проверки качества работы при приёмке очищенной территории. Так, например, на аэродроме в Крестах в неохраняемом открытом виде были сложены взрывоопасные предметы — взрыватели, запалы, капсюля. В мае 1948 г. произошло несколько несчастных случаев со школьниками, которые проникли на аэродром и получили увечье в результате манипуляций с этими предметами [3, Ф. 1219. Оп. 1. Д. 600. Л. 24].

Как объективные, так и субъективные факторы пропуска взрывоопасных предметов сказываются по сегодняшний день. Так, например, 31 января 2013 г. в г. Пскове на Зональном шоссе при выполнении работ по прокладыванию газопровода была обнаружена 120-миллиметровая миномётная мина времён Великой Отечественной войны без взрывателя. Спасателями снаряд был благополучно изъят и уничтожен в установленном порядке [5]. Ещё один случай произошёл

26 июля 2017 г. во время проведения дорожных работ: на Ленинградском шоссе в Пскове рабочие нашли 122-х миллиметровую миномётную мину — опасный предмет сапёры обезвредили и вывезли с площадки [6].

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на отдельные недочёты в своей работе, подразделениями ФУОС-2 III Прибалтийского фронта, инженерными частями Ленинградского фронта и Ленинградского военного округа, а также командами ОАХ была проведена важная и большая работа по устранению следов минувшей войны в г. Пскове.

Исходя из вышеизложенного, эту работу можно условно разделить на четыре этапа: 1) разминирование накануне и в период освобождения города; 2) первоочередное разминирование основных объектов восстановления после освобождения в 1944 г.; 3) плановые работы по разминированию в 1945–1946 гг.; 4) обезвреживание отдельных случайно обнаруженных взрывоопасных предметов на территории города с 1947 г. по сегодняшний день.

По нашим подсчётам, только после освобождения города и до официального завершения работ по разминированию в октябре 1946 г. воинскими частями и отрядами ОАХ было обезврежено более 9000 взрывоопасных предметов. Очень сложно определить количество обезвреженных взрывоопасных предметов в период освобождения города. К сожалению, в псковских архивах эта цифра отсутствует.

В то же время, знакомясь с данными о выполненном объёме работ по разминированию г. Пскова, мы должны помнить, что разминёры выполняли трудное и опасное задание. Очищая древний город от остатков смертельного оружия, они работали мужественно.

Источники:

1. *Иванов Н. М.* «Невозвратимое. Записки старого псковича». «Псковское возрождение». 2002.
2. Книга Памяти. Псковская область. Т. 2. Псков. 1993.
3. Отделение документов новейшей истории и по личному составу ГКУ ПО «ГАПО».
4. [Электронный ресурс]: URL: <https://someone-so.livejournal.com/41851.html>
5. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.pskov.aif.ru/society/education/777636>
6. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.pskov.kp.ru/online/news/2818332/>

Основные сокращения

ГК ВКП(б) — городской комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков);

ГКО — Государственный комитет обороны СССР;

МПВО — Местная противовоздушная оборона;

ОАХ (ОСОАВИАХИМ) — Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству; организация существовала в 1927–1948 гг., предшественник ДОСААФ;

ПП — противопехотные мины;

ПТ — противотанковые мины;

ФУОС-2 — 2-е фронтовое управление оборонного строительства III Прибалтийского фронта;

ЦС ОАХ — Центральный Совет Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству.

Приложение

Основные типы мин, обнаруженные при разминировании г. Пскова в 1944–1946 гг.

АВ-2 (АВ-250-2) — немецкие контейнеры (кассеты) для осколочной авиабомбы SD-2. Такие кассеты использовали для увеличения высоты бомбометания.

МЗД (мина замедленного действия) — предназначена для уничтожения различных неподвижных объектов (здания, железнодорожные, аэродромные сооружения, мосты, электростанции и т. д.). Взрыв мины происходит по истечении заранее установленного времени. Никакого воздействия на мину не требовалось.

Мины-сюрпризы — мины, предназначенные для использования в качестве устройства неизвлекаемости для противотанковых и иных мин, не имеющих собственного подобного устройства. При использовании в качестве устройства неизвлекаемости мина-сюрприз устанавливается так, что при попытке удаления другой мины с места установки происходит взрыв мины-сюрприза, который в свою очередь приводит к детонации основной мины.

ПМД (противопехотная мина, деревянная) — советская противопехотная фугасная мина нажимного действия. Конструкция мины имела крайне низкие требования к применяемым материалам. Корпус мины можно было сделать из досок, фанеры, металла и даже шифера.

ПОЗМ (противопехотная осколочная мина заграждения) — советская противопехотная осколочная мина натяжного действия. Предназначена для выведения из строя личного состава противника. Поражение наносится осколками корпуса мины.

RMi-43 (R.Mi.43 или S.R.Mi.43) — немецкая мина противотанковая противогусеничная. Предназначена для выведения из строя колесной или гусеничной техники противника.

SMi (S-mine, «мина-лягушка») — немецкая противопехотная выпрыгивающая осколочная мина кругового поражения. Предназначена для использования против атакующей пехоты. Мина, взрываясь на уровне 0,5–1,5 метра, поражала осколками даже лежащих на земле бойцов, поэтому имела большое психологическое воздействие.

ТМi — общее обозначение немецких противотанковых противогусеничных мин Т-35, Т-42, Т-43 и др.

Т-35 (Теллермина 35) — немецкая мина противотанковая противогусеничная. Предназначена для выведения из строя гусеничной техники противника.

Т-42 (Теллермина 42) — немецкая мина противотанковая противогусеничная. Предназначена для выведения из строя колесной или гусеничной техники противника. Самая массовая противотанковая мина Вермахта.

Т-43 (Теллермина-гриб 43) — немецкая мина противотанковая противогусеничная, а с дополнительным приспособлением и противоднищевая. Предназначена для выведения из строя колесной или гусеничной техники противника.

Хольц (E.Mi.(Holz) — немецкая деревянная мина-ловушка. Являлась фугасной миной разгрузочного действия, предназначенной для установки в качестве ловушки провоцирующего типа. На крышку мины укладывался какой-либо предмет достаточного веса, который привлекал внимание солдата противника. Срабатывание мины происходило тогда, когда солдат противника поднимал предмет и таким образом снимал нагрузку с подпружиненной откидной крышки мины.

Источники:

[Электронный ресурс]: URL: <http://saper.isnet.ru>; [Электронный ресурс]: URL: <http://weaponland.ru>; [Электронный ресурс]: URL: <http://topwar.ru>

**ВОЗРОЖДЕНИЕ «ФОНТАННОЙ СТОЛИЦЫ»:
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
И ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЦВЕТНЫХ ФОНТАНОВ
КАК ВАЖНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО И РЕКРЕАЦИОННОГО
ОБЪЕКТА ГОРОДА**

В статье представлены факты из статей в газетах «Великолукская правда», «Молодой ленинец», «Псковская правда», «Стерх-Луки» и журнале «Огонёк», рассказывающих о биографии инженера-электрика, директора Великолукской горэлектросети Александра Константиновича Логинова (1905–1981) и значимости его творений — цветных фонтанов и газосветных рекламных вывесок — для города и горожан. Рассматриваются проблемы сохранения данных малых архитектурных форм. Делается вывод о целесообразности их восстановления для повышения туристической привлекательности Великих Лук.

Ключевые слова: Великие Луки, цветные фонтаны, газосветные вывески, малые архитектурные формы, Александр Константинович Логинов, туризм, экскурсия.

Великие Луки — город с долгой и богатой историей, которая насчитывает сотни имён выдающихся личностей, даривших городу свой талант и лучшие годы жизни. Один из них, Александр Константинович Логинов, родился 27 сентября 1905 года в Новоржеве [7]. Когда началась Первая Мировая война Александру Константиновичу было всего девять лет, вместе с семьёй он несколько раз переезжал в разные города России, следуя переводам отца по службе, и наконец в 1920 году приехал в Великие Луки. Здесь Александр вместе с братьями Всеволодом и Николаем стал учеником школы второй ступени имени К. А. Тимирязева.

В 1924 году А. К. Логинов уехал на учёбу в Ленинград [4; 7], но вместо института поступил по путёвке чернорабочим на электростанцию, где начал осваивать профессию [4]. Некоторое время проработал в коммунальном тресте Себежа [1], затем в 1927 году вернулся в

Великие Луки [7] и устроился на электростанцию и с 1930 года начал заведовать ею [9]. Во время Великой Отечественной войны А. К. Логинов вступил в ряды ополчения. Вернулся в город 7 января 1943 года [1; 7; 9], в это время в Великих Луках ещё шли бои. Тем не менее, он не стал дожидаться их окончания, чтобы запустить электростанцию, и набрал команду из нескольких десятков подростков для работы на ней. Те шли охотно: ведь еды в городе не хватало, а работа могла хоть как-то решить проблемы с питанием. Они собрали из остатков электрооборудования и локомотива, найденного в мастерских ПВРЗ, первую электростанцию и дали энергию госпиталю на Октябрьской улице [4; 9]. За это А. К. Логинова вызвали к командующему, который лично поблагодарил его и пожал руку, сказав: «Спасибо за электричество, этим Вы даруете жизнь раненым» [9]. Уже в феврале того же года электроэнергией были обеспечены все городские госпитали [6].

Помимо электроснабжения Александр Константинович со своей командой решал и другие насущные вопросы. На территории электростанции им был создан целый ряд маленьких заводиков по производству дранки, досок, помолу зерна [4]. Все приспособления, работавшие на них, были впоследствии переданы профильным конторам и ведомствам, где продолжили свою деятельность. Также на территории электростанции функционировала мастерская «Газосвет», где были созданы первые неоновые вывески нашего города. Это была вторая реклама такого рода в Советском Союзе после войны. Первая появилась чуть ранее в Москве [3; 4; 9].

Струи первого из плеяды великолукских цветных фонтанов, «Колоса», забили в небольшом скверике, отделяющем улицу Некрасова от площади Ленина, 1 мая 1949 года. Заниматься их созданием не было задачей А. К. Логинова — он сам, по своей инициативе, пошёл в Исполком и попросил разрешения на это [9].

Фонтан гонял тонкой струйкой одну и ту же воду по замкнутой системе, так как воды в городе не хватало. Реостат, менявший цвета подсветки, а также многие другие приспособления и технические решения Александр Константинович придумал сам и создал всё это вместе со своей командой [4]. Трудились они в свободное от основной работы время [2].

В городе в разные годы было не менее семи фонтанов по проектам А. К. Логинова [7]:

«Колос» — на площади Ленина, открыт 1 мая 1949 года [1; 2]. До 70-х годов выглядел иначе, однако подвергся реконструкции. В настоящее время подсветка функционирует, но форсунки частично

засорены или повреждены, поэтому на полную мощность бьют не все струи, что является существенным недостатком, ведь рисунок струй ничуть не менее важен, чем свет и цвет, и Александр Константинович при создании фонтанов тщательно выверял его.

«Каменный цветок» — на площади Рокоссовского, открыт 23 августа 1960 года. Этот фонтан был подарком городу от А. К. Логинова и его артели, строителей 87-го Стройуправления и специалистов скульптурной мастерской [1]. В настоящее время подсветка работает, струи также не отрегулированы, часть форсунок в малых цветах не функционирует.

Фонтан на площади Александра Матросова, построенный в начале 60-х годов, был очень похож на фонтан «Колос». Демонтирован при перепланировке площади и постройке Музея Боевой Комсомольской Славы имени А. М. Матросова. По свидетельству горожан, видевших его, находился на том же уровне, где и современный фонтан «Три поколения», но ближе к дороге.

«Три поколения» — у Краеведческого музея. Открыт в 1971 году, вместе с музеем, сменив предыдущий. Три бетонных колеса фонтана и его название, по одним данным, символизируют старость, зрелость и юность, а по другим — Октябрьскую революцию, Великую Отечественную войну и современность. В настоящий момент в фонтане не работают форсунки, окружающие три центральных колеса, также не функционирует подсветка.

Фонтан у бывшей проходной электростанции, в сквере на улице Пушкина. Открыт в 1972 году при уходе Александра Константиновича на пенсию. Судьба этого фонтана — одна из самых печальных: в настоящее время его конструкция частично сохранилась со значительными повреждениями, а чаша засыпана землёй и превращена в клумбу.

«Факел» — у кинотеатра «Родина». Открыт в 1974 году [1]. Был четвёртым в городе и вторым цветомузыкальным фонтаном в Советском Союзе — первый был в Баку [1; 3; 7; 9]. В настоящее время не функционирует, внешний декор фонтана повреждён — разбит центральный круг, объединяющий остальные элементы композиции.

Безмянный фонтан на площади Калинина. Открыт в 1980 году. Сейчас имеет те же проблемы, что и большинство сохранившихся фонтанов: подсветка работает, однако многие форсунки функционируют плохо или не функционируют вообще, из-за чего фонтан лишён части струй. Фонтаны были особенным явлением в жизни нашего города — в известной статье журнала «Огонёк», вышедшей в сентябре 1981 года, Великие Луки названы не иначе как «фонтанной столицей» [10].

Помимо красоты и уникальности, эти сооружения также имели благотворное психологическое влияние на людей. Врачи советовали больным с расстройствами нервов лечиться именно у цветных фонтанов [4] — наблюдать, как они переливаются вечерами, слушать шум воды и обретать тем самым внутреннюю гармонию. Люди сами утверждали, что цвет и шум воды успокаивали и были целебными [3]. Также общеизвестно, что фонтаны очищают и освежают воздух [5]. По ним даже проводили отдельную экскурсию, называвшуюся «Радуга над городом». Неизвестно точно, до какого года она проводилась, но в статье «Псковской правды» за 1998 год упомянуто, что на тот момент такой экскурсии давно уже не было. Фонтаны работали с мая по октябрь [3]. По будням — с 17 до 23 часов, в выходные — с полудня. По понедельникам были профилактические дни, в которые фонтаны не действовали. В эти дни им чистили чаши, меняли лампы, отлаживали форсунки и проверяли оборудование. Вода для фонтанов подавалась не техническая, а очищенная, водопроводная — та же, что и в кранах. Для экономии использовалась оборотная система — в чаше фонтана было около 10 кубометров воды, которая циркулировала, пополняясь по мере испарения или выветривания [5].

Технология создания цветных фонтанов была крайне востребованной. А. К. Логинову приходили письма с просьбами создать фонтан для них из Таллина, Бийска, что в Сибири, Ялты [9], Севастополя [8] с ВДНХ [4]. Его цветные фонтаны били в Брестской крепости, Пинске, эстонском рыболовецком колхозе имени Кирова [3], Пскове и Опухликах [9]. Для киножурнала «Наш Край» фонтаны и их создатель были засняты ленинградской кинохроникой [8].

К сожалению, фонтаны стали гаснуть ещё при жизни их создателя, в восьмидесятые годы. Согласно статье в «Великолукской правде», в 1997 году ко Дню Победы были запущены три фонтана из пяти — «Колос», «Каменный цветок» и фонтан на площади Калинина. Перед пуском они были осмотрены, проведён текущий ремонт. В 1999 году в газете «Стерх-Луки» появилась статья В. Буренковой, из которой становится ясно, что в это время в городе работали всё те же три цветных фонтана. Также по-прежнему имелись планы по восстановлению фонтана «Три поколения», которые частично осуществились впоследствии, и фонтана «Факел» [2]. Уже в 1998 году фонтаны требовали немедленного капитального ремонта. Для этих целей была составлена специальная программа, но реализовать её быстро оказалось невозможно из-за нехватки средств. Содержание действующих фонтанов стоило также недёшево [2].

Управляла фонтанами Горэлектросеть. При этом, фонтаны, особенно их аппаратуру цветной подсветки, всё труднее было поддерживать в рабочем состоянии. Электросеть готовила их к сезону, ремонтировала, красила и обслуживала своими силами и за свой счёт; город же покрывал расходы на это условно, в порядке зачётов. Расход электроэнергии в месяц составлял примерно 7000 рублей (по ценам 1999 года), расход воды — примерно столько же [5]. В профилактические дни вода не выливалась из чаш, чтобы затем не возить её обратно цистернами — насухую чаши чистились только в конце сезона.

Проблема с финансированием заключалась в том, что фонтаны не числились на балансе ни в одном из городских учреждений и не имели остаточной стоимости за давностью лет. Администрация считала их объектами внешнего благоустройства, наряду со скверами, площадями и улицами. К сожалению, мало кто осознавал, что, несмотря на отсутствие материальной ценности, фонтаны, как и практически заброшенные и постепенно демонтируемые газосветные вывески, являются гордостью и достопримечательностью нашего города [5].

С текущего года шефство над фонтанами взяли городские предприятия. Это должно дать положительные результаты в деле их сохранения. Также ведётся работа по подготовке документов для включения их в списки объектов культурного наследия и предоставления охранного статуса.

В июне 2018 года в Комитете культуры Администрации города Великие Луки была защищена и утверждена экскурсия «По следам создателя великолукских радуг», посвящённая биографии А. К. Логинова, его деятельности на благо Великих Лук и, конечно же, его фонтанам. Она не повторяет «Радугу над городом», но перекликается с ней во многих аспектах.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что интерес к фонтанам в Великих Луках возвращается, и даже в том виде, в котором они существуют сейчас, великолучане считают их одной из уникальнейших достопримечательностей своего родного города, а гости города с удовольствием гуляют в разбитых вокруг них скверах. Исходя из этого, очевидной представляется необходимость скорейшего восстановления великолукских цветных фонтанов.

Литература:

1. Антонова Л. Он был немного волшебником // Великолукская правда. 26.07.1994 г.
2. Буренкова В. Каменный цветок // Стерх-Луки. 1999 г. № 20.
3. Буренкова В. Радуга над городом // Псковская правда. 3.06.1998 г.
4. Гаврилова С. Электричество Логинова // Молодой ленинец. 5.08.1980 г.
5. Константинов Г. А фонтаны-то живут // Великолукская правда. 26.06.1999 г.
6. Константинов К. Из любви к родному городу // Великолукская правда. 15.07.1966 г. № 137.
7. Никитина В., Начетова Н. Хранитель фонтанов // Великолукская правда. 2016 г. № 65.
8. Новиков Н. Добрый кудесник Логинов // Псковская правда. 14.11.1972 г.
9. Новиков Н. Логиновские фонтаны // Молодой ленинец. 2.11.1971 г.
10. Цебоев М. Радуга над городом // Огонёк. 1981 г. № 38. С. 19.

ИМЯ В ИСТОРИИ КРАЯ, РОССИИ

УДК 929

И. А. Новиков

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет, Россия.

E-mail: novikovia69@mail.ru

РОЛЬ ВАСИЛИЯ ТАТИЩЕВА В ИЗУЧЕНИИ УРАЛА В 1720-е — 1730-е ГОДЫ

***Аннотация.** Рассмотрена роль уроженца Псковского края Василия Никитича Татищева в изучение Урала в 1720–1730-е гг. Проанализированы основные направления этой деятельности. Показан вклад в определении границы Европы и Азии, в изучении сибирских древностей и Кунгурской ледяной пещеры.*

***Ключевые слова:** Урал, В. Н. Татищев, Европа, Азия, Кунгурская ледяная пещера, сибирские древности.*

В 2017 г., на Седьмых Псковских краеведческих чтениях, мы уже обращались к незаурядной личности уроженца Псковского края В. Н. Татищева, рассмотрев «Государственную деятельность братьев Василия и Ивана Татищевых на Южном Урале» [7]. Продолжая рассмотрение яркой и самобытной биографии «птенца гнезда Петрова» определим его роль в изучении Урала в 20–30-х гг. XVIII века.

За недолгое время пребывания на Урале на государственных должностях: Начальника Уральских заводов (1720–1722), Главного начальника Уральских заводов (1734–1737), руководителя Оренбургской экспедиции (комиссии) (1737–1739) — В. Н. Татищев в силу своей кипучей энергии находил время заниматься и изучением Урала. Мы выделим три направления в его научной деятельности: во-первых, в определении прохождения границы между Европой и Азией; во-вторых, в исследовании Кунгурской ледяной пещеры и, в-третьих, в изучении природы и примечательных особенностей мест на территории Урала.

В своих работах, посвящённых географии России, В. Н. Татищев при описании территории России пишет об Уральских горах, что «горы оные поворотили прямо к северу, даже до моря Ледовитого ... и зовутся сии горы по-татарски Урал, по-русски Пояс Каменной. И оба сии имена едино значат. Сии горы разграничивают как Азию от Еуропы, так Сибирь от России» [9, с. 49].

Кроме того, он приводит примеры, доказывающие, что Уральские горы следует считать границей между Европой и Азией: «с их гор как на восток в Сибирь или Азию, так на запад в Европу происходят великое множество рек малых и великих ... Уфа ... Теча, Миас, Уй ... Сии реки не токмо течением, но и водами разнствуют, по которому рыбы на обеих сторонах находятся разных родов ... и вкусом различны. ... В европейских же реках раков довольство, а в сибирских нигде нет и не знают. В Перми множество тараканов, а в Сибири их не знали, однакож ныне во многих пограничных местах оной гад показался. ... на западной — кедров и горохового дерева, почитай, нет, но в Сибири великое множество. Сии и сему подобные обстоятельства подают притчину утверждать сии горы за границу между Азиею и Европою» [9, с. 50–51].

По прибытии 30 июля 1720 г. в Кунгур В. Н. Татищев сразу же направился обследовать подведомственную ему территорию. Первоначально он собирался осмотреть и изучить медные руды, но жители города рассказали ему о «ходах подземного зверя», который оставляет на поверхности глубокие «рвы» [4, с. 15]. Так В. Н. Татищев узнал о существовании пещеры, известной сегодня как Кунгурская ледяная пещера, и сделал первое её описание.

Во второй приезд на Урал, в силу данной ему инструкции, при отправлении в 1734 г., помимо вопросов управления заводами, 13-й пункт определяет задачи В. Н. Татищева, относящиеся к изучению обширного края [8, с. 293]. Поэтому по прибытии на Урал в октябре 1734 г. он рассылает во все города края анкету с 92 вопросами исторического, географического и этнографического содержания, которые должны были уточнить картографию мест, прежде всего для определения природных ресурсов региона в целях расширения заводского строительства и составления карт региона. Спустя три года, в 1737 г., В. Н. Татищев представляет «Предложение о сочинении истории и географии», в котором он расширяет необходимые ему знания до 198 вопросов. В 1738 г. он составляет карты реки Яик (сегодняшний Урал) и ряда пограничных районов. Работает над «Общим географическим описанием Сибири», где им также даётся обзор природных богатств края [1, с. 162; 167].

До сегодняшнего времени анкета-вопросник до нас не дошла, но которую возможно восстановить по присланным ответам из провинциальных канцелярий [10, с. 111–112]. Во втором её разделе, вперемежку, встречаются вопросы и по географии, например:

2. ... прибавление и убавление воды морской.
3. Когда начинают деревья расцветать, и когда опадают листья на котором дереве. ...
8. Есть ли воды или колодец лекарственные, и как ими лечатся.
9. Слышен ли у них бывает гром и в которые месяцы.
10. Сколько велик плод приносят в землю положенные семена.
11. Какие животные и дикие звери в той земле находятся и как их ловят.
12. Живут ли у них дятля и в которое время прилетают и отлетают.
14. Надлежит значить генерально все травы, которые в той стороне в какия-нибудь лекарства употребляют.
15. Обретаются ли там отравы или пауки, или каковыя другия вредительныя вещи.

16. Знают ли северное сияние, и часто ль бывает. ... [5, с. 39]

Также для сочинения им «основательно географии» В. Н. Татищев предписывал присылать описания «сверх положения мест городов, рек, озер, гор и протчаго нужно описание народов живущих»:

1. Как они свои земли, владения именовали и ныне теми именами именуют.
2. Имена городов.
3. Рек.
4. Озер.
5. Гор и что на их языке значит, и от какой причины то звание сказывают [5, с. 40].

В силу возложенных на него обязанностей по управлению горных заводов и деятельности Оренбургской экспедиции В. Н. Татищев в поездках по служебным делам по Уралу и части примыкающей к нему Западной Сибири примечал особенности местности, проживающих на ней народов, их занятия, природу, интересовался происхождением и качеством полезных ископаемых. Самым северным местом, посещённым В. Н. Татищевым, был уездный город Чердынь, который он посетил в свой первый приезд на Урал в 1720 г. Узнав о нахождении недалеко «говорящей» горы на реке Вишере, В. Н. Татищев поспешил немедленно увидеть Говорливый Камень — огромную красивую известняковую скалу [3, с. 9]. Знал он и о высшей точке Южного Урала — горе Ямантау, «что в переводе с татарского звучит Худая гора» [9, с. 137]. Кроме рукописей и бумаг по географии и истории Урала Сибири, Академия Наук в 1734–1739 гг. неоднократно получала от В. Н. Татищева карты, составленные под его руководством геодезистами Оренбургской экспедиции [2, с. 96].

Благодаря присланным ответам и географическим исследованиям В. Н. Татищева о Среднем и Южном Урале, что сделало эту территорию в первой половине XVIII в. наиболее изученной по сравнению с другими районами России. Кроме того, он рассматривал Уральские горы как единое целое: обширную горную систему, называя её «знатнейшую во всей Российской империи». В. Н. Татищев ввёл в географию топонимы «Урал» и «Уральские горы» [4, с. 15]. Известный историк, краевед, основатель Союза краеведов России С. О. Шмидт считал, что с составленного В. Н. Татищевым «Лексикона», доведённого им до буквы «к», берёт своё начало историческая география [11, с. 54]. Необходимо согласиться с мнением известного исследователя В. Н. Татищева историком А. Г. Кузьминым, что, как и многие деятели, выросшие в петровское время, Василий Никитич Татищев стремился от практических дел к научным знаниям, а научные знания немедленно старался применить на практике [6, с. 111].

Таким образом незаурядный талант Василия Никитича Татищева проявился и в изучении Урала: в определении, что граница между Европой и Азией проходит по Уральскому хребту; в исследовании сибирских древностей и Кунгурской ледяной пещеры им положено начало научного изучения Урала.

Рис. 1. Граница Европы и Азии. Челябинская область. Хребет Уралтау, гора Александровская сопка. 10 июня 2017 г. Фото Щукин И. Н. // Личный архив автора

Литература:

1. *Алеврас Н. Н.* Татищев Василий Никитич, государственный деятель, историк, географ, руководитель Оренбургской экспедиции (330 лет со дня рождения) // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2016 / Сост. И. Н. Пережогина, Р. Р. Хайретдинова. Челябинск: ЧОУНБ, 2015. 344 с. С. 159–169.
2. *Андреев А. И.* Труды и материалы В. Н. Татищева о Сибири // Советская этнография. 1936. № 6. С. 93–103.
3. *Архипова Н. П.* В. Н. Татищев — первый географ Урала // Первые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский гос. университет им. А. М. Горького, 1997. 238 с. С. 7–9.
4. *Архипова Н. П.* Первый географ Урала // Уральский следопыт. 2001. № 7. С. 15–17.
5. Историко-географическая анкета Татищева // Советские архивы. 1985. № 5. С. 38–41.
6. *Кузьмин А. Г.* Русское просветительство XVIII в. // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 106–125.
7. *Новиков И. А.* Государственная деятельность братьев Василия и Ивана Татищевых на Южном Урале // Седьмые (VII) Псковские Международные краеведческие чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Псков, 13–15 октября 2017 г.). Т. II / Под ред. Т. В. Вересовой и А. Г. Минакова. Псков: Псковский государственный университет, 2017. 280 с. С. 88–100.
8. Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1. (ПСЗ–1). Т. IX. 1733–1736. № 6559. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1022 с.
9. *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М.: Государственное издательство географической литературы, 1950. 248 с.
10. *Титова Э. Д.* В. Н. Татищев и изучение народов Сибири в XVIII в. // Этнографическое обозрение. 2004. № 6. С. 110–114.
11. *Шмидт С. О.* Зодчий наук // Родина. 1989. № 3. С. 53–55.

Д. В. Новотроицкий
Союз краеведов России. Псков. Россия.
E-mail: dvn82@inbox.ru

ПОЛКОВНИК ВАСИЛИЙ ПЛЕЩЕЕВ — СТРОИТЕЛЬ СВЯТО-НИКОЛЬСКОЙ ЩЕМЕРИЦКОЙ ЦЕРКВИ

В статье даётся краткий послужной список полковника Василия Плещеева, тцанием которого в Щемерицах Лавровской волости в XVIII в. был построен храм.

Ключевые слова: *Лаверы Псковской губернии, Василий Степанович Плещеев.*

Судьбой этого человека я заинтересовался, продолжая исследование по изучению истории родного края. Духовным центром нашей Лавровской волости является Николо-Трифоновская церковь, существовавшая издавна. Изучая Клировые ведомости церкви за 1914 год [1], я обнаружил, что она была построена в «1790 году тцанием полковника Плещеева» [1, л. 3 об.].

Захотелось узнать об этом человеке. К сожалению, работа далека от завершения. Предстоит ещё много выяснить, уточнить многие биографические данные. Но кое-что интересное узнать удалось.

Как гласит надпись на мраморной доске с текстом о его погребении, Василий Степанович Плещеев родился в 1724 году¹. Место рождения ещё предстоит узнать, но известно, что множество имений его отца, Степана Афанасьевича Плещеева, находилось на территории позднее образованной Псковской губернии.

В 1740 году, в возрасте, вероятно, 16 лет, Василий Плещеев начал военную службу в Киевском пехотном полку². Киевский пехотный полк участвовал во многих военных действиях во время прохождения в нём службы В. С. Плещеева. Во время Семилетней войны 1757–1761 годов полк участвовал в Гросс-Егерсдорфском

¹ Цит. по [Электронный ресурс]: URL: <http://www.opskove.ru/object/104378665?lc=ru> (дата обращения: 14.10.1018).

² Список находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам. На 1767 год / [Электронный ресурс]: URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/12891-na-1767-god-spb-1767#mode/inspect/page/71/zoom/4> (дата обращения: 14.10.2018).

сражении 19 августа 1757 года, а также во взятии Берлина в 1760 г³. Видимо, Василий Степанович отличался по службе — уже 1 мая 1763 года ему было присвоено звание подполковника. Ещё в 1768 году он числится подполковником родного Киевского полка. Но в «Списке находящимся в штате при войске, в полках гвардии и в артиллерии, генералитету и штаб-офицерам. На 1770 год» подполковником Киевского полка уже значится Адольф Бандр, старшинством (стажем) с 1 января 1770 г. Василия Плещеева в списке не находим. Что могло послужить причиной отставки?

Известно, что в 1768 году началась русско-турецкая война 1768–1774 годов. Киевский пехотный полк вошёл в состав 1-й армии Голицына. В кампании 1769 года эта армия действовала против Хотина. Там были жаркие сражения. Возможно, Василий Степанович получил рану, которая не позволила ему продолжить службу. Это ещё предстоит выяснить.

В армии Плещеев дослужился до подполковника. По традиции, в случае выхода в отставку военному присваивался чин старше. Таким образом, в дальнейшем Василия Степановича мы знаем как полковника.

В 1772 году у Василия Степановича умирает отец. Вместе с братом Степаном Степановичем они полюбовно делят имения в Псковской губернии [2]. Но об общественной активности или государственной службе Василия Степановича мы не находим сведений вплоть до 1778 года. В этом году он упоминается в «Месяцеслове с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1778» в качестве заседателя в первом земском суде в Псковском наместничестве⁴. В этой должности он состоял до 1780 года.

Согласно «Месяцесловам...» 1784–1786 годов, Василий Степанович был предводителем дворянской опеки в Печорском уезде. Именно в это время Василий Степанович вместе с супругой Екатериной Ивановной прочно обосновались на Печорской земле. Жили они в имении Залесье⁵. Там Василий Степанович с супругой Екатериной Ивановной

³ Краткая история 5-го гренадерского Киевского полка. Калуга, 1892. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.runivers.ru/bookreader/book197062/#page/23/mode/1up> (дата обращения: 14.10.2018).

⁴ [Электронный ресурс]: URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/3282-mesyatseslov-s-rosписью-чиновных-особ-v-gosudarstve-na-letu-ot-rozhdestva-hristova-1778-s-peterburg-imperatorskaya-akademiya-nauk-212#mode/inspect/page/135/zoom/5>

⁵ Этот вывод можно сделать, исходя из того, что сельцо Залесье стало селом Новотроицким. Согласно Василёву, селом называлась усадьба, где жил помещик (Василёв И. И. Опыт статистическо-географического словаря

Рис. 1. План сельца Залесье, что ныне село Новотроицкое. Из Межевой книги села Залесье: Новотроицкое, деревни Поляны, Пониковской губы — владения полковника Василия Степановича Плещеева и жены его Екатерины Ивановны. ГАПО, ф. 38, оп. 1, Д. 4478. Фото автора

Довоенная фотография церкви во имя святителя Николая в Щемерицком погосте. Лавры. Взято из общедоступных источников

Интерьер храма

построили церковь во имя Святой Троицы, а само село Залесье было переименовано в село Новотроицкое [3]. Согласно некоторым непроверенным сведениям, Василий Степанович умер после того, как сорвался с лесов во время строительства Троицкой церкви⁶. Похоронен он рядом с нею. Церковь во имя Святой Живоначальной Троицы в деревне Залесье стоит до сих пор, являясь объектом культурного наследия федерального значения.

Для жителей Лавровской волости большое значение имеет то, что «тщанием полковника Плещеева» [1, д. 1242] в 1790 году в погосте Щемерицы была построена церковь во имя св. Николая Чудотворца. «Из указа Псковской Духовной консистории 1788 года видно, что Щемерицкая Николаевская церковь построена в 1790 году полковником Плещеевым за ветхостью прежней деревянной» [4]. Данная церковь отстояла полтора столетия и была сожжена фашистами при отступлении в 1944 г⁷.

Оглядывая строительную деятельность полковника В. С. Плещеева, мы видим, что она имела большое значение как для жителей Лавровской волости, так и всего Печорского района. Его личность, безусловно, заслуживает дальнейшего изучения.

Источники:

1. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1, д. 1253.
2. ГАПО. Ф. 589. Оп. 1, д. 130.
3. ГАПО. Ф. 38. Оп. 1, д. 4478.
4. Святыни и древности Псковского уезда. По дореволюционным источникам // Сост. Н. Ф. Левин. Псков, 2006. С. 510.

Псковского уезда Псковской губернии. Псков: Типография Псковского губернского правления, 1882. С. 1).

⁶ Дата смерти В. С. Плещеева, указанная на плите — 1800 год. Надпись на колоколе в Троицкой церкви в Залесье говорит о том, что он был подарен церкви Плещеевым с супругой 29 декабря 1799 года.

⁷ По сведениям протоиерея Александра Поспелова, во время боёв за окрестности Лавров на колокольне был устроен наблюдательный пост советских войск. Когда немецко-фашистские захватчики поняли это, церковь была подвергнута авиационному удару.

ПСКОВСКИЕ ДОРОГИ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

На основе архивных источников, дневниковых записей самого великого князя Николая Павловича, свидетельств сподвижников императора в статье подробно рассказывается о многочисленных поездках Николая I по Псковской губернии.

Ключевые слова: *Петербург, Псков, Остров, Порхов, Новоржев, Бежаницы, Динабург, Витебская губерния.*

Как отмечают авторы вступительной статьи и примечаний к сборнику статей «Романовы в дороге», путешествия высочайших особ реализовывали репрезентативную функцию — представление монарха, идею единства Царя (Батюшки) и подданных (его детей). Важной была также познавательная компонента — знакомство Высочайших путешественников со страной и её проблемами [1, 6–10]. Но некоторые путешествия они имели и чисто практическое значение, так как позволяли увидеть недостатки, дать указания и проверить выполнение высочайших поручений местными властями. Для Николая I с его практическими наклонностями особенно важной существенной была последняя составляющая [2]. Не случайно его вояжам по России по самым различным регионам страны посвящено множество воспоминаний современников и статей исследователей.

А как же с Псковским краем? Если обратиться к «Псковской энциклопедии», то в статье «Николай I» (без портрета!) Псковщине уделено четыре строчки: «Несколько раз император Николай I посещал город Псков. Бывал проездом в городе Великие Луки. В ноябре 1853 года присутствовал при открытии цепных мостов через реку Великую в городе Острове» [3, 547]. Однако на основе документов РГИА исследователи Александр Потравнов и Татьяна Хмельник доказали, что Николай I не мог быть в ноябре в г. Острове. Он был 30 сентября, когда, возвращаясь из Берлина после встречи с Фридрихом Вильгельмом IV через Варшаву и Ковно (Каунас), прошёл пешком по цепным мостам в Острове, на котором ещё не были покраше-

ны перила. Это было в 16 часов¹. То, что в ноябре 1853 г. Николай Павлович находился в С.-Петербурге, доказывают и страницы камер-фурьерского журнала [4]. Ошибка вызвана, вероятно, неправильной датировкой этого события у Н. А. Панова [5, 261].

«Проездом» в Великих Луках Николай Павлович действительно бывал, но его первое посещение этого города датируется маем 1816 г., когда двадцатилетний великий князь Николай 9 мая отправился в ознакомительное путешествие на юг России. Тогда на начальном отрезке пути по Порховскому тракту, направляясь в Витебск, он проехал через Порхов, Бежаницы и Великие Луки. В своём «Журнале по гражданской части» Николай Павлович с горечью и болью подробно написал о «жалком положении» арестантского острога в городе Порхове [6, 67–68]. А 12 мая уже из города Великие Луки принёс извинения младшему брату Михаилу: «Я не мог тебе о сию пору писать, нас замучила дорога, которая архискверная...»².

Назначение его через два дня после свадьбы генерал-инспектором по инженерной части (3 июля 1817 г.) предопределило то внимание, которое Николай Павлович уделял Псковскому краю и дорогам через него, ведущим к западной границе. Одной из подведомственных ему крепостей, строившейся с 1810 г., была крепость на Западной Двине в Динабурге (с 1893 г. — Двинск, 1920 — Даугавпилс), входившая в систему западных крепостей России. Тогда это был уездный город Псковской губернии. Значение Динабурга возросло после Сенатского указа от 5 июля 1826 г., по которому Венский дорожный тракт стал проходить не через г. Друю Витебской губернии, а Динабург и Ковно и далее через Царство Польское (с 1815 г. в унии с Россией).

Следующее посещение Николаем Павловичем Псковщины относится к 1821 году. Вероятно, через Псков проехал он в начале сентября этого года для встречи супруги Александры Фёдоровны, возвращавшейся из Европы. Через три дня после возвращения с ней в С.-Петербург, 13 сентября, Николай Павлович поспешил отправиться в Витебскую губернию, чтобы присоединиться в Бешенковичах (60 км от Витебска) к находившейся там своей бригаде в составе от-

¹ *Потравнов Александр. Хмельник, Татьяна.* Цепные мосты Острова. [Электронный ресурс]: URL: http://regionavtica.ru/articles/cepnye_mosty_ostrova.html (дата обращения: 13.08.18).

² «Ты ко мне писал, и я тебе царапаю...» (Из переписки великого князя Николая Павловича с братом Михаилом // Публ. А. А. Литвина, М. В. Сидоровой // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. Т. XIX. М.: Студия ТРИТЭ, Рос. Архив, 2010. С. 215.

правленного в «Литовские губернии» Гвардейского корпуса. Он выехал днём позже, чем Александр I, но, вероятно, догнал императора, который прибыл в Бешенковичи 16 сентября [7, 63].

За время длительных лагерных учений корпуса в западных губерниях Николай Павлович на два месяца наведывался в Петербург. В декабре 1821 г. он навестил семью и присутствовал на дне рождения Александра I. В конце февраля 1822 г. великий князь возвратился в войска кружным путём через Ямбург (Кингиссеп), Белосток, Варшаву, где находился с 14 по 23 февраля вместе с младшим братом Михаилом Павловичем и встречался с цесаревичем Константином. Из витебских лагерей Николай Павлович вернулся в столицу 12 марта 1822 г., вероятно, через Великие Луки и Порхов. Но 21 апреля он снова отправился в путь. На этот раз через Псков на Динабург, где осматривал крепостные работы накануне приезда Александра I. Император из Вильно (Вильнюса) 28 мая отправился через Псков в С.-Петербург [Там же, 65]. Николай Павлович выехал вслед за императором 30 мая, но минуя Псковскую губернию, через Игумен (с 1923 г. Червень), Бобруйск, Вильно, Дерпт (с 1918 г. Тарту), Ненналь, Нарву. Он въехал в Царское Село в четыре часа утра 8 июня [8, 66–68].

Последнюю поездку через Псковскую губернию (и Псков), будучи великим князем, Николай Павлович совершил в сентябре 1825 г. 30 августа был знаменательный день для трёх сыновей Павла I, встретившихся последний раз вместе на освящении Михайловского дворца, построенного для Михаила Павловича по проекту Карла Росси (ныне здание «Русского музея») — Александра I, Николая и Михаила Павловичей. В 8 часов вечера Николай и Михаил были уже в Царском Селе, и Николай Павлович отметил в записной книжке: «... поехал с Фламом³ в 9 часов в Динабург» [8, 632]. На следующий день, 31 августа он записал: «чай в 9 в Кресцах», упомянул далее станцию Залазы, обед в Боровском в 2 часа и «чай с моими в 8 ½ часов в Орле» [Там же, 633]. На следующий день появились записи о чае в Мерзинке в 9 часов, обеде в Резентово в 3 часа и приезде в Динабург в 9 ½ вечера.

В географическом указателе к публикации дневников Николая Павловича Кресцы были идентифицированы с уездным городом Новгородской губернии Крестцы. Аналогично Боровское и Орёл (Орлы) — с одноимёнными сёлами Боровичского уезда [Там же, 894, 898,

³ Адлерберг 1-й Владимир Фёдорович (Эдуард-Фердинанд-Вольдемар; «Флам»; 1791–1884), граф (1847), генерал-адъютант (1828), генерал от инфантерии (1843); министр Императорского двора и уделов (август 1852–1870), отец А. В. Адлерберга.

900], В то же время, Мерзинка и Резентово были оставлены без комментариев. Но непонятно, как Николай Павлович оказался затем в Витебской губернии и как он мог попасть туда из Крестцов, находящихся по дороге из Петербурга в Москву северо-восточнее озера Ильмень и тем более из Боровичского уезда (от Крестцов строго на восток), то есть, удаляясь в противоположную сторону от цели путешествия? На самом деле, в записных книжках Николая Павловича упоминаются почтовые станции на тракте в Динабург (далее в Белосток). Боровское (оно же Боровичи), первая станция в Порховском уезде Псковской губернии, уже знакомая великому князю после путешествия 1816 года. Орёл (Орлы) — станция между городами Псков и Остров (26 верст от одного и другого), Мерзинка — в 22 верстах перед городом Люциным Витебской губернии и Резентова, также станция в Витебской губернии (ныне в Латвии) [9, 3–4]. Остаются непонятными только Крестцы. Почтовый двор Кресты под Псковом был построен в 1838 г. при строительстве нового Динабургского шоссе⁴. Кроме того, по пути следования Николая Павловича Кресты у Пскова не могли быть до станции Боровское — до неё ещё нужно было доехать. Этот вопрос остаётся открытым.

В обратный путь из Витебской губернии великий князь отправился в дорожной коляске с тем же В. Ф. Адлербергом 17 сентября в 7 ³/₄ вечера. На следующий день, 18 сентября, было чаепитие в 8 часов в Минске, обед в Молодечно в 2 часа. Упоминаются также станции Вилейки и Костеновичи (ныне Костеневичи) Минской губернии⁵. Далее 19 сентября последовал проезд через Остров, который в комментариях к изданию записных книжек Николая Павловича не идентифицирован, станция Синская и чай в Орлах в 9 часов вечера. Синская — это станция между Опочкой и Островом, уездным городом Псковской губернии, а Орлы — упоминавшаяся ранее станция между Островом и Псковом. 20 сентября Николай Павлович записал: «Чай в Щучьей горе в 8 ¹/₂, обед в Залазах в 2 ¹/₄, в Гатчину приехали в 4 часа утра» [8, 639]. Щучья гора — станция в 46 верстах за Псковом, Залазы — тогда почтовая станция в Лужском уезде Петербургской губернии, ныне деревня в Стругоокрасненском районе Псковской области. Она находи-

⁴ Павлов Александр. Из Петербурга в Псков в эпоху до железных дорог. К истории путей сообщения в России XVIII–XIX столетий. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 122. В 1868 г. в связи со строительством железной дороги через Псков (1859 г.) почтовая станция Кресты пришла в упадок и была закрыта.

⁵ О почтовых станциях в Беларуси см.: *Сардаров А. С.* Путетворение. История и культура белорусских дорог. Минск: Беларуская навука, 2009.

лась в 20 верстах от Феофиловой пустыни (тогда также Лужский уезд), где старый тракт выходил на прямую линию на Петербург [9, 3]. Эта станция известна тем, что именно здесь 14 октября 1827 г. произошла случайная встреча А. С. Пушкина с В. Кюхельбекером, которого везли из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость.

Став императором, Николай Павлович чуть ли не каждый год проезжал дорогами Псковской губернии. В 1827 г., по дороге в Динабург (где он был 22–25 октября), Николай I 21 октября посетил Псков и его казённые учреждения. Именно в этот приезд были сделаны важные распоряжения. Во-первых, он отметил плохое содержание дома, находившегося с 1818 г. в ведении Инженерного департамента. В него в мае 1824 г. было переведено Военно-сиротское отделение Псковской гарнизонной школы. 9 декабря 1827 г. по Высочайшему повелению Военно-сиротское отделение было переименовано в «Полубатальон военных кантонистов», который был включён в состав вновь сформированной 2-й стрелковой учебной бригады кантонистов. Одновременно по «Предположениям о починках и переделках» губернского архитектора Ф. Ябса начался ремонт здания на Губернаторской улице, который растянулся до 1832 г. (бывшая Губернаторская улица, с 1921 г. ул. Некрасова, 23; ныне Администрация Псковской области). Одним из воспитанников-кантонистов в 1838 г. стал будущий художник-гравер Л. А. Серяков, с 1840 г. в звании фельдфебеля оставленный в учебном заведении учителем рисования и арифметики. В 1843 г. он был переведён писарем в Департамент военных поселений в С.-Петербург. Благодаря протекции Н. В. Кукольника, передавшего его рисунки через военного министра А. И. Чернышёва Николаю I, талантливый художник-самоучка был в 1847 г. зачислен в Академию художеств. Так император определил его судьбу — так же, как судьбу художников П. А. Федотова и И. К. Айвазовского. Нарисованный Л. А. Серяковым итальянским карандашом портрет Николая I до революции сохранился в зале 1-й роты Псковского кадетского корпуса [10, 32].

Во-вторых, в тот приезд недовольство императора вызвало отсутствие дворян среди учеников Псковской гимназии. Вскоре (5 декабря) директору было сообщено, что с 1 января 1828 г. гимназия подлежит закрытию. Только 1 ноября 1832 г. Николаем I было дано распоряжение об открытии Псковской гимназии на основании Устава гимназий и училищ от 8 декабря 1828 года [11, 1097–1129]. Оно состоялось в присутствии министра народного просвещения С. С. Уварова 1 марта 1833 г. [12]. Одновременно было разрешено открыть в Пскове публичную библиотеку. Старое здание гимназии, которое

находилось на Георгиевской улице № 4 (с ноября 1817 по 1855 г.), Николай I посещал ещё дважды 17 мая 1833 и 1 августа 1837 г.⁶

Следующее посещение Николаем I Пскова исследователи, не уточняя конкретного дня, относят к 1828 году. Также датируется основание областной (бывшей земской) больницы на Завеличье на «Николаевской высоте» (ул. Малясова, д. 2)⁷. Это вызывает сомнение. Выехав из С.-Петербурга 25 апреля 1828 г., Николай I должен был проехать через Псковскую губернию на следующий день и, вероятно, проехал. Но он мчался без остановок через Витебск, переночевал в Могилёве и направился далее на юг к театру военных действий на Балканах [6, 122–123]. То есть маршрут проходил по Белорусскому тракту через Порхов, Бежаницы и Великие Луки, а не через Псков. Еще более император торопился в октябре того же года. Тогда из Одессы он спешил к умирающей матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне. Скорее всего, его путь пролегал по направлению будущего шоссе Одесса — Киев — Могилев — Витебск и далее через Великие Луки и Порхов [13, 25]. Вероятно, на «Николаевской высоте» Николай I был в 1827 году, во всяком случае, первый проект перестройки здания бывшей Межевой конторы для больницы относится к этому году. На подлинном плане, подписанном членом Строительного комитета Иосифом Шарлеманем, написано: «Государь Император изволил рассматривать, и Высочайше одобрил 11 июля 1827 года» [14]. То есть, решение было принято за три с лишним месяца до первой ревизии императором казённых учреждений Пскова. Общепринятая ранее датировка пребывания Николая I в Пскове в 1828 г. не подтверждается источниками.

Следующее появление Николая I в Пскове датируется 26 апреля 1829 г. Тогда во время вояжа через Динабург и Белосток в Варшаву

⁶ *Говорливый П. А.* Историческая записка пятидесятилетия Псковской губернской гимназии и состоящего при ней пансиона... СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. С. 9; *Василёв И. И.* Историко-статистический указатель города Пскова. Псков: Губ. стат. комитет, 1889. С. 185; *Левин, Натан.* «Дом старой гимназии» // Псковский летописец. Краеведческий альманах. 2013, 1 (8). С. 67–73.

⁷ *Годовиков Н. Ф.* Краткое историческое обозрение Пскова и его достопримечательностей. Псков, 1866. С. 605; Больница земская. Комплекс // [Электронный ресурс]: URL: http://pskovgrad.ru/pskovskaja_oblast/pskovskij_gp/page/148/ Обращение 20.10.18; Николай I. Памятники истории и культуры Псковской области. Энциклопедический справочник // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.opskove.ru/object/104370926> (дата обращения: 30.10.18).

на коронацию польским королём, император менял лошадей на заставе Пскова. По рапорту псковского полицмейстера исправляющему должность псковского губернатора вице-губернатору И. И. Лаубе, это произошло в два часа пополудни. На следующий день прибыли императрица Александра Фёдоровна и цесаревич Александр Николаевич, которые обедали в Пскове. После чего были «препровождены в вожделенном здравии в дальний путь». Но следовавший в другой коляске лейб-медик Крейтон⁸ попал в дорожную аварию. Как отмечено в рапорте, он «въехал в узкий переулочек, для проезда больших экипажей вовсе неспособный, и по шибкой езде на повороте в большую улицу, по коей была сопровождаема Ея Величество, наехал на возвышение платформы Главной гауптвахты, коляска опрокинулась, от какового падения господин лейб-медик Крейтон разбил себе губу и немного лица, но как экипаж не был ничем поврежден, то и отправился в дальний путь»⁹.

На следующий год, 2 мая 1830 г., в полночь Николай I через Динабург, где его встречал великий князь Михаил Павлович, отправился на сейм в Варшаву [6, 260]. Путь на Динабург лежал через Псков и далее — г. Остров, которые он проследовал, вероятно, 3–4 мая. Городничий Острова получил уведомление о предполагаемом проезде императора еще 24 апреля [5, 238]. Интересно, что именным указом о строительстве Динабургского шоссе был подписан Николаем I 3 мая 1830 г. [13, 28] — вероятно, в тот день, когда он находился в Пскове! Изыскания же по трассе начались ещё в 1827 г. Шоссе строилось как государственная дорога силами военных и находилось в ведении Главного управления путей сообщения и публичных зданий.

16 мая 1833 г. Николай I с А. Х. Бенкендорфом предпринял новую поездку по России, посетив Псков 17 мая и вернувшись в С.-Петербург через Вильно, Ригу и Ревель (Таллинн). Этот приезд также оказался важным для Пскова. В Пскове он побывал в возобновлённой гимназии (старое здание) и остался доволен проделанной работой. Позднее, в 1853 г., было начато строительство нового трёхэтажного учебного корпуса на Георгиевской улице рядом с храмом Великомученика Георгия,

⁸ Крейтон (Crighton), «Крейтон Старший», Александр Александрович (1791–1861).

⁹ Рапорт псковского полицмейстера исправляющему должность псковского губернатора вице-губернатору И. И. Лаубе о проследовании через г. Псков императора Николая I и членов императорской семьи. 29 апреля 1829 г. // ГАПО. Ф. Оп. 1. Д. 942. Л. 162–163. [Электронный ресурс]: URL: http://www.archive.pskov.ru/sites/default/files/arhupr/test/20022013/28_no_18_1.162.jpg

недалеко от берега р. Великой. Занятия в нём начались в декабре 1855 г. после кончины Николая I, а старый дом, который посещал император, был отдан под канцелярию и квартиры служащих при гимназии. В то же посещение 1853 г. Николай Павлович обратил внимание на полуразрушенные стены Псковского кремля. Он повелел губернатору «поддерживать их в настоящем виде».

Поездка 1833 г. проходила в основном ещё по старому почтовому тракту и соответственно через центр Пскова. На дорожной карте 1834 г. показаны участки трассы, совпадающие с направлением старого грунтового тракта, выровненные и прямые линии вновь проложенного шоссе¹⁰. Современники понимали значение наступавшей эпохи шоссированных дорог, повысивших скорость передвижения, причём в любую погоду, но приходилось и привыкать (пыль, щебень быстрее стирал копыта лошадей).

Наиболее кардинальное изменение направления шоссе было от станции Феофилова пустынь Лужского уезда, от которой шоссе как по линейке было проведено в сторону Пскова (работы планировалось на этом участке завершить к 1 сентября 1835 г.). Так, с 1835 г. вместо отворота старой почтовой дороги от Феофиловой пустыни на Залазы и Боровичи шоссе прошло прямо на Псков, но чуть в стороне, через станцию Кресты. «Соединительное шоссе» между Псковом и указанной станцией было открыто для движения в 1834 г. (Новониколаевское, позднее Крестовское шоссе) [15].

Интересно отметить некоторое разочарование псковичей тем, что шоссе прошло мимо Пскова. Это настроение отражено во всеподданнейшем докладе военного губернатор Пскова Ф. Ф. Бартоломея (1839–1846), который в 1841 г. писал о торговом упадке города, так как обозы, следующие по шоссе, проходят мимо; закрылось несколько постоянных дворов «и весьма редко из самых любопытных путешественников решают посетить древний Псков» [16]. В полном противоречии с фактом наличия «соединительного шоссе» Ф. Ф. Бартоломей просил, если уж нельзя изменить направление шоссе, то построить ответвление на Псков. На что ему справедливо указали, что «уже устроено особое шоссе на протяжении 5 $\frac{1}{4}$ версты от Динабург-

¹⁰ РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 170. Генеральный план местоположения от Санкт-Петербурга до Динабурга с показанием как действующей дороги, так и вновь устраиваемого шоссе с назначением различных степеней устройства оною. Генерал-майор Дмитриев. Масштаб: в дюйме 10 верст. Карта воспроизведена фрагментами, хотя и мелко, в книге Александра Павлова.

ского шоссе до городской черты и от заставы до Псковской станции $\frac{3}{4}$ версты» [Там же, л. 3 об.].

В 1835 г., как отмечается в некоторых публикациях без ссылки на источник, Николай I, якобы 17 мая посетил Полубатальон военных кантонистов¹¹, а 1 августа вновь побывал в гимназии. Результатом последнего посещения, как отмечается, была передача церкви Св. великомученика Георгия, приписанной к церкви Николая Соусухи, псковской гимназии, которая после разных злоключений впоследствии (6 декабря 1862 г.), освящена во имя Александра Невского [17, 385]. Обе даты не могут быть приняты. С конца апреля и до 21 мая императорская чета находилась в Москве, а потом посетила Тверь и Новгород, а 1 августа 1835 г. Николай I с Александрой Фёдоровной и великой княжной Ольгой Николаевной отправился на пароходе в Данциг (Гданьск) и далее сухим путём на празднование годовщины битвы при Калише.

Если же поездка Николая I в 1835 г. в другие дни и состоялась, то она должна была проходить в основном по новому полотну строящегося Динабургского шоссе и носила инспекционный характер. Участки завершённые, где открыто движение, отмечались и в записке 1836 г., поданной императору. В соответствии с именным указом от 4 апреля 1836 г. утверждался новый порядок размещения почтовых станций. На трассе через Псковскую губернию на расстоянии от 21 до 25 верст друг от друга учреждались станции Катежно, Моховая, Кресты, Орлы, Остров, Рубилово, Вышгород, где они должны были строиться «по примеру Ковенского шоссе» [18]. В декабре 1836 г. был утвержден проект последнего участка шоссе от С.-Петербурга до Гатчины. Шоссе построили в обход Пулковой горы через Гатчину (минуя Царское Село [15, 101 об.]). Движение по этому участку было открыто в 1839 году. В С.-Петербургской губернии оставался также недостроенный участок от Гатчины до Городца (109 верст), завершённый в 1838 году. Перегон Остров — Динабург построили в 1836–1839 гг. [5, 241]. Главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями генерал-адъютант граф К. Ф. Толь 15 августа 1836 г. доносил Николаю I, что по старому почтовому тракту расстояние до Динабурга составляло 601 версту, а по новому шоссе будет 503 версты, а весь путь сократится на 98 вёрст [15, л. 103 об.].

¹¹ Николай I. Памятники истории и культуры Псковской области. Присутственные места (1779–1789) // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.opskove.ru/object/104382347?lc=ru>

Сверчков Н. Е. Николай I на зимней прогулке. 1895 г.

Следующее посещение Николаем I непосредственно Пскова датируется 1 августа 1837 г. Действительно, накануне, 31 июля, Николай I отправился в большое путешествие по маршруту Псков — Динабург — Ковно — Минск — Бобруйск — Чернигов — Киев и далее на юг России. По Псковской губернии он проехал по уже существующему шоссе, но завернул и в Псков. При посещении Пскова Николай I «изъявил высочайшую волю на восстановление Псковского кремля в древнем его русском вкусе»¹². Первые проекты реставрации Кремля были утверждены императором в 1840, 1843 и 1851 гг., но они не были тогда осуществлены, хотя сыграли свою роль в сохранении этого памятника.

В июне 1838 г. по дороге в Польшу император посетил Динабург. «Псковские губернские ведомости», которые выходили с этого года, не зафиксировали его проезд, хотя, как свидетельствуют документы, лошадей в Острове он менял [19]. В последующие годы Николай I неоднократно, но, не заезжая в Псков, следовал по дорогам Псковской губернии.

Так было 10 мая 1840 г., когда по пути в Варшаву, Николай I и Александра Фёдоровна в 10 часов утра прибыли на станцию Катержно, а в 5 часов вечера на станцию Кресты, где их встречали хлебом-солью начальные лица губернии, губернатор Ф. Ф. Бартоломей с рапортом о состоянии губернии, многочисленные жители и отставные солдаты, с утра пришедшие из Пскова. Ф. Ф. Бартоломей получил разрешение

¹² Цит. по: *Мокеев, Геннадий*. Щит Отечества. Первая реставрация Персей Пскова // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.voskres.ru/architecture/board.htm> (дата обращения: 9.08.18).

проводить императорскую чету до Острова, где в доме предводителя дворянства камер-юнкера Фитингофа¹³ был назначен ночлег. Вечером Остров был иллюминирован. Утром хозяйка дома получила бриллиантовый фермуар (застежка на дорогом ожерелье) [20; 1840, № 20, 153]. На обратном пути Императорская семья проследовала Остров 11 сентября, и весь ритуал встречи повторился [Там же, 1840, № 37, 244–245]. Также встречали императора в Крестах 21 августа 1841 года, когда Николай I следовал в Варшаву. Только отставных ветеранов было 160 человек [Там же, 1841, № 35, 203]. В Острове в 5 часов вечера на перевозе через р. Великую два сына действительного статского советника В. А. Симанского семи и пяти лет поднесли императору корзину оранжевых персиков. Николай Павлович взял один для себя и один «товарищу» (А. Ф. Орлову), остальное отдал «малюткам» [5, 246]. На обратном пути 11 сентября император полчаса общался с собравшимися людьми на той же станции [20, 1841, № 37, 215].

Станция Кресты. Открытка конца XIX в.

¹³ Барон Александр (Иосиф) Борисович Фитингоф (1799–1875), внук воспитательницы великих князей Николая и Михаила Павловичей Ш. К. Ливен, воспитывавшийся вместе с ними, отставной штаб-капитан, камер-юнкер, впоследствии — камергер, тайный советник, управляющий Комитетом общества попечительного о тюрьмах; в 1835 г. владелец 326 ревизских душ, в Островском уезде (на территории современного Пыталовского района) ему принадлежало два сельца (то есть, деревни, где был дом помещика) — Лединки и Речино. Неоднократно его имя упоминалось в переписке Николая с Михаилом.

4 октября 1842 г. по пути из Варшавы Николай I промчался через Псковскую губернию [Там же, 1842, № 41, 223]. 10 мая 1844 г. по пути из Берлина на станции Кресты у него был «обеденный стол наскоро приготовленный», так его никто не ждал [Там же, 1844, № 20, 87]. 4 мая 1845 г., направляясь в Варшаву, Николай I в первом часу пополудни имел обеденный стол на станции Катежно. В Крестах, «не выходя из экипажа, принял рапорт Ф. Ф. Бартоломея и расспрашивал сенатора А. Н. Пещурова (в 1830–1839 гг. псковского гражданского губернатора) «о степени бедствия (наводнения — Л. В.) и мерах противу онаго предпринимаемых» [21, 70]. В 8 ½ часов вечера он «откушал чай на станции Вышгородской (Вышгород — Л. В.), а 29 декабря проследовал обратно [Там же, № 52, 229]. 3 мая 1846 г. Николай I проехал в Варшаву [Там же, 1846, № 19, 77], 30 августа 1849 г. ночью возвращаясь из Варшавы [5, 253], 5 мая 1850 г. переправлялся вместе с цесаревичем Александром на пароме в Острове [Там же, 254], 9 октября 1851 г. — вместе с младшими сыновьями. О пешем переходе Николая I по новым цепным мостам в Острове 30 сентября 1853 г. уже говорилось. Итого: не менее 26 датированных и подтверждённых источниками посещений Псковского края.

Таким образом, псковских страниц в жизни Николая Павловича было немало, хотя многие из них до сих пор остаются белыми, а роль императора в развитии Пскова и губернии ещё предстоит изучить.

Источники:

1. Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Отв. ред. М. В. Лескинен, О. В. Хованова. М. — СПб.: Нестор-История, 2016.
2. *Высочков Л. В.* Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX века. М.: Академический проект, 2018.
3. Псковская энциклопедия. Псков: Псковская энциклопедия, 2003.
4. РГИА. Ф. 516. Оп. 1 (28/1618). Д. 164, лл. 471–543 об.
5. *Панов Н. А.* Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии. Остров. Тип. А. Н. Фуфаевой, 1911.
6. *Шильдер Н. К.* Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. М.: Чарли, 1996.
7. *Тарасов Д. К.* Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение. По личным воспоминаниям хирурга. М.: Кучково поле, 2013.
8. Записные книжки великого князя Николая Павловича. 1822–1825 / Под ред. М. В. Сидоровой, М. Н. Силаевой / Пер. с франц.: Е. Э. Лямина, О. В. Эдельман. М.: Политическая энциклопедия, 2013.

9. Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской империи, Царства Польского и других присоединенных областей. СПб., 1824. Ч. I.
10. *Ушаков Ф. А.* Материалы для истории Псковского кадетского корпуса. Псков. Тип. товарищества «Труд и знание», 1901.
11. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведении университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. От 8 декабря 1828 г. // ПСЗ РИ, 2-е собрание. Т. 3, № 2502.
12. Историческая справка к фонду № 8 ГАПО.
13. *Павлов Александр.* Из Петербурга в Псков в эпоху до железных дорог. К истории путешествования в России в XVIII–XIX столетии. СПб.: Нестор-История, 2016.
14. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 783, л. 1.
15. РГИА. Ф. 446. Оп. 1. [Кн.] 20. Д. 33, л. 101 об.
16. РГИА. Ф. 1286. Оп. 8. Д. 605, л. 1 об.
17. *Говорливый П. А.* Историческая записка пятидесятилетия Псковской губернской гимназии и состоящего при ней пансиона. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884.
18. ПСЗ РИ (Полное собрание законов Российской империи). Т. 11, № 9054. 1836, апреля 4.
19. ГАПО. Ф. 20. Оп. 3. Д. 9.
20. Прибавление к Псковским губернским ведомостям. 1840, № 20 (15 мая).
21. Псковские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1845, № 19.

**ИМЕНИЕ ШАЛАХОВО НЕВЕЛЬСКОГО УЕЗДА
ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЕГО ВЛАДЕЛЬЦЫ**

В статье представлены результаты исследования истории д. Шалахово (Шолахово, Шалохово) Пустошкинского района (середина XVI — начало XXI в), бывшего имения рода Корсаковых, и продолжена их родословная, начало которой положено в статье «К истории рода Корсаковых», опубликованной в предыдущем сборнике чтений. Основная часть материалов, касающихся истории рода, приводится на основании документов, найденных в личном фонде Корсаковых в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки г. Москвы и Российском государственном историческом архиве г. Санкт-Петербурга. Впервые публикуются дагерротипы семейных фотографий семьи Корсаковых.

Ключевые слова: история, роды, имения, Корсаковы, Шалахово.

Корсаковы — русские дворяне. Имение Шалахово было пожаловано в потомственное владение инженер-полковнику, участнику русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Николаю Ивановичу Корсакову (1749–1788) за службу в 1788 г. В этом же году 30 августа было учинено межевание имения уездным землемером прапорщиком Михайловым Дуве [1. Оп. 255, ед. хр. 3, л. 1]. Затем имением Шалахово владел сын Николая Ивановича — Семён Николаевич Корсаков (14.01.1787–1.12.1853), участник войны 1812 года, служил в министерствах юстиции и внутренних дел, изобретатель механических устройств для информационного поиска и классификации, пионер применения перфорированных карт в информатике. Практически изобретатель первого в мире компьютера. Известен он также своими работами по гомеопатии.

По сведениям известного историка и краеведа Алексея Парфёновича Сапунова, фамилия Корсаков — одна из древнейших дворянских фамилий в Белоруссии. В своё время богатые и знатные Корсаки отличались особенною ревностью к «религии своей Грецкой, староживной», которой они все до конца XVI столетия были непоколе-

бимыми последователями. Они основывали монастыри и церкви в разных местах Белоруссии и щедро наделяли их именьями и богатыми вкладами. В эпоху насильственного введения латинизма и унии в Белоруссии (в конце XVI и начале XVII в.) они всегда стояли во главе защитников гонимого православия. После занятия Полоцка царём Иваном Грозным (1563 г.) некоторые из Корсаков передались Иоанну и переселились со своими семействами в Москву. Царь наделил их вотчинами; потомки этих Корсаков существуют в России и поныне под именем Корсаковых и Дондуковых-Корсаковых [8].

Подтверждение слов А.П. Сапунова о том, что Корсаки дали имения монастырям, можно найти и в наших краях. Это Вербиловский василианский [*базилианский*] монастырь (так он тогда назывался). Имение Вербилово было отказано ему в апреле 1638 г. по фондушевой записке Иосифа (Юзефа) Львовича Корсака (около 1590–1643), воеводы Мстиславского и старосты [5].

Самый первый источник в описании Полоцкого повета Покровской волости, куда ранее входили земли имения Шалахово, относится к середине XVI века и содержится в Писцовой книге. В ней можно найти сведения о том, что уже в то время Корсаковы владели здесь землями. «В Покровской волости (земли), что были [...] преж за паном за Петром за Дмитриевым сыном Корсакова: дер. Копустыни, на оз. на Ясь: пашни 18 четьи в поле, земля добра, сена 20 коп, да отхожие пожни на р. на Ололь, сена 20 коп., пуг. Яшкова... [7].

Из плана имения Шалахово, составленного 16 марта 1816 г., мы можем узнать, кто владел соседними именьями. «За озером Гусиное владения графа Игнатия Буржинского, воеводы Минского. Земля сельца Белое с деревнями владения титулярного советника Ефима Павловича Богомольца. Сельца Утуги с деревнями владения майора Варфоломея Григорьевича Ольшевского (*карандашом приписка: Назимовой Елизаветы Истиф. Дюран-де-Фрезен*). Сельца Яски Ласковой владения польского двора советника Ивана Крестьяновича Гильдебранта (*надпись, карандаш — Касперовича*) [1].

Описание имения Шалахово в этот период можно найти в «выписке из Инвентаря...», составленного писарем Тарасом Павловым 17 октября 1825 г. Число всех деревень — 15, в них дворов — 130. Душ наличных мужского пола — 621, женского — 622. Всего — 1243 человека. Приводятся сведения о наличии хозяйства: лошадей рабочих — 255, жеребят — 36; разного скота: быков — 30, коров — 641, телят — 100, овец — 648, коз — 66, свиней — 304, гусей — 894, улей с пчёлами — 136 [1. Оп. 254, ед. хр. 51, л. 2].

В 1862 году был составлен документ о выкупе земли временнообязанными крестьянами имения Шалахово [4, л. 1]. С одной стороны выступали временнообязанные крестьяне сельских обществ: Шалаховского, Житниковского, Блиновского, Станоцкого, Авинищинского, Гусинского, Якимовского, Руковского, Лешинского; с другой стороны — наследники владельца Действительного Статского Советника Семёна Корсака [3, лл. 4–19]. В документах указано количество жителей в деревнях имения: Старые, Отхожие и Лешенские Рукавы — 81, Лешни — 41, Якимово, Игнатово и посёлка Крашняково — 83, Житниково, Блиново — 70, Шалахово — 54, Авинищи и посёлка Барсуки — 51, Гусино, Посёлки, Бардинцы, Новых Шатров — 91 и Станки — 65. Всего 609 душ [4, л. 25]. Это вдвое меньше, чем в 1825 г.

В деле имеется документ, говорящий о том, что «...после смерти Семена Николаевича Корсака осталось движимое и недвижимое имущество, которое было поделено между братьями и сестрами» [3, л. 97].

Как люди, занятые государственными делами, Корсаковы проживали в разных местах России, — там, куда посылали их по службе. В 1827 г. Семён Николаевич приобрёл деревню Тарусово Дмитровского уезда Московской губернии, где и постоянно проживал с семьёй после отставки. Но он бывал в имении Шалахово и постоянно вёл переписку о делах имения с управляющим [1. Оп. 175, ед. хр. 6, л. 40].

В предыдущей своей статье, представляя родословную рода Корсаковых, я остановилась на Семёне Николаевиче Корсакове. Семён Николаевич был женат два раза, от первой жены имел сына; от второй — Софьи Николаевны, урождённой Мордвиновой (3.3.1797–26.2.1877), имел четырёх дочерей и пятерых сыновей. Сыновья: Николай, Сергей, Михаил, Александр, Владимир, Алексей, дочери: Анна-1, Наталья, Мария (умерла в младенчестве), Анна-2. Все дети Семёна Николаевича были достойными продолжателями рода и своей фамилии, сыновья с малых лет становились военными.

В XVI поколении рода старший сын Семёна Николаевича Николай родился в октябре 1819 г. В 8 лет, как было принято у дворян, поступил в Артиллерийское училище, затем был произведён в офицеры, а по окончании курса был направлен служить в Гвардейскую конную артиллерию. Участвовал в венгерском походе 1849 г., в блокаде и штурме Карса в 1855 году и в экспедиции против горцев. При Н. Н. Муравьёве-Карском был адъютантом, а потом чиновником для особых поручений. В 1859 г. перешёл из военной в гражданскую службу, был членом от Правительства при Витебском губернском по крестьянским делам присутствия, мировым посредником

Фото 1. Корсаковы: Николай Семёнович, Сергей Семёнович, Михаил Семёнович. Групповой фотопортрет. 1840 гг. Дагерротип, в рамке под стеклом.
Публикуется впервые.
РГБ НИОР

в Дмитровском уезде Московской губернии, там же Председателем съезда мировых судей, непременным членом уездным и по крестьянским делам присутствия. В 1881 г. находился в распоряжении Сенатора Мордвинова, ревизовавшего Тамбовскую и Воронежскую губернии, тогда же пожалован чином Действительного статского советника. В 1883 г. вышел в отставку с пенсионом за 35 лет. В апреле 1849 г. в Новгороде женился на дочери Н. Н. Муравьева-Карского — Наталье Николаевне, но брак был недолгим: через два года жена умерла. В апреле 1877 г. (58 лет) в Москве женился вторым браком на Надежде Ивановне Ильинской, родившейся 1853 г. Жена была на 34 года моложе мужа. Детей не было.

Сергей Семёнович родился в Санкт-Петербурге в октябре 1822 г., воспитывался в корпусе инженеров Путей сообщения, по окончании офицерских классов в 1843 г. выпущен поручиком, участвовал в постройке Николаевского моста через Неву. В 1852 г. вышел в отставку, служил в обществе «Кавказ и Меркурий», потом в 1861 г. и 1862 г. был Мировым посредником в Дмитровском уезде Московской губернии, а в 1853 г. вновь вступил на службу по Министерству Путей сообщения; был инспектором Одесских железных дорог; 19 ноября 1882 г. вышел в отставку с чином Действительного статского советника и состоял членом Правления Общества Московско-Брестской и Рижско-Вяземской железных дорог. 22 мая 1855 г. женился в Москве на Вере Николаевне Черкесовой, родившейся 18 января 1835 г. [2, лл. 57, 57 об.].

Михаил Семёнович (Петербург, 2.03. 1826—16.03.1871, Петербург) в 16 лет поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков, был выпущен офицером Лейб-гвардии Семёновского полка, в 1848 г. назначен состоять по особым поручениям при генерал-губернато-

ре Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском, в 1855 г. сделан Наказным Атаманом Забайкальского казачьего войска, в 1861 г. исправлял должность генерал-губернатора Восточной Сибири, в этой должности утверждён был на 10 лет, а всего в Сибири был 22 года. В 1871 г. назначен членом Государственного Совета и в том же году 16 марта скончался в Петербурге в чине генерал-лейтенанта, похоронен в с. Тарусово Московской губернии Дмитровского уезда. С 1869 г. был женат на вдове Александре Корниловне Вакульской, рождённой Поповой [2, лл. 58 об, 59].

Александр Семёнович родился в с. Тарусово 2 июня 1931 г. В 16 лет вступил в Николаевское Артиллерийское училище; произведён в прапорщики. По окончании офицерских классов выпущен в Гвардию, состоял в штабе Генерал-фельдцейхмейстера, а потом — адъютантом при Главнокомандующем Кавказским корпусом Н. Н. Муравьеве-Карском, участвовал в блокаде Карса и был послан с донесением о взятии его, за что и сделан флигель-адъютантом; состоял в числе лиц посольства в Тегеране, получил от шаха орден Льва и Солнца и саблю. Будучи флигель-адъютантом, вводил в Курской губернии положение от 19 февраля 1861 г. Умер в Ницце 13 апреля 1862 г.; погребён в с. Тарусово Московской губернии Дмитровского уезда. Был женат на Наталье Александровне Львовой [2, лл. 58, 59].

Владимир Семёнович родился в с. Тарусово 22 июля 1833 г. Воспитывался в Николаевском инженерном училище, по окончании Инженерной академии служил в Лейб-гвардии Саперном батальоне. В декабре 1860 г. уволен от военной службы, через год (29 декабря 1861 г.) определён Непременным членом от Правительства при Съезде Мировых посредников Витебского, Городокского, Невельского, Суражского и Велижского уездов. С 3 июля 1862 г. уволен в отставку. С 1867 г. два трёхлетия был Ялтинским уездным предводителем дворянства. Умер в августе 1882 г. в Говальде, в Эльзасе и там же погребён. Был женат на Елене Константиновне Бороздиной (1839 г. р.) [2, лл. 59, 60].

Алексей Семёнович родился в с. Тарусово 11 января 1836 г. Воспитывался в Артиллерийском училище; по окончании курса в 1853 г. вступил на службу; состоял по Полевой пешей артиллерии, при Михайловском Артиллерийском училище, при Артиллерийской академии, при штабе Его Императорского Высочества генерал-фельдцейхмейстера и чиновника особых поручений при Главном Артиллерийском управлении; а потом 5 лет был мировым судьёй в Троице-Сергиевом посаде; занимался метеорологическими наблюдениями. Умер в Москве 4/7 сентября 1874 г. и погребен в с. Тарусово [2, л. 60].

Анна Семёновна I родилась в Петербурге 11 мая 1821 г. 25 мая 1853 г. вышла замуж за Павла Егоровича Ганенфильда, родившегося в СПб 31 января 1810 г. и умершего в Таурогене 5 октября 1878 г. Наталья Семёновна родилась в Москве 24 июля 1827 г. 18 августа 1861 г. в Саратове вышла замуж за Павла Александровича Бакунина, родившегося 8 сентября 1820 г. в с. Премухино Новоторжского уезда Тверской губернии. Анна Семёновна II родилась в с. Тарусово 19 июня 1837 г. 11 апреля 1858 г. в Петербурге вышла замуж за Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова, родившегося в Петербурге 30 октября 1830 г. Он был ординарным академиком Академии наук, а потом Действительным статским советником и Малоархангельским (Орловской губернии) уездным предводителем дворянства. Мария Семёновна родилась в с. Тарусово 7 июля 1829 г. и там же умерла [Там же].

Фото 2. Корсаковы: Софья Николаевна, Сергей Семёнович, Анна Семёновна, Наталья Семёновна. Групповой фотопортрет. 1850 г. Дагерротип, в рамке под стеклом. Публикуется впервые. РГБ НИОР

Дети и внуки

Николай Сергеевич родился в Москве 24 сентября 1860 г., воспитывался в Николаевском кавалерийском училище, произведён в офицеры 8 августа 1880 г., служил 3 года в Северском драгунском полку на Кавказе, затем по Министерству Государственных имуществ в Оренбурге. 22 апреля 1884 г. в Петербурге женился на Екатерине Александровне Шлиттер. Сергей Семёнович родился 20 января 1865 г., воспитывался в Александровском кадетском корпусе. Семён Сергеевич родился в г. Одессе 31 июля 1867 г., воспитывался в Императорском Александровском лицее. Наталья Сергеевна родилась в с. Тарусово 11 июля 1862 г. 1 июля 1883 г. в Петербурге вышла замуж за Михаила Александровича Шлиттера, родившегося в г. Тифлисе 23 апреля 1860 г. Александр Александрович родился

и умер в 1858 г., погребён в Александро-Невской лавре. Александр Владимирович родился в имении отца, в Чукурларе близ Ялты, 20 августа 1864 г., и там же умер 1 мая 1865 г., погребён близ Ялтинской Златоустовской церкви.

Владимир Владимирович родился в имении отца Чукурларе 2 августа 1867 г. 18 августа 1883 г. поступил в Московскую частную гимназию Поливанова, где и воспитывался. Сергей Владимирович родился там же 29 октября 1864 г. Павел Владимирович родился в Париже 21 января 1878 г.

Наталья Владимировна родилась в Москве 28 января 1863 г., воспитывалась дома, а затем два года слушала в Сорбонне в Парижском Associationpouг. По экзамену в 1882 г. получила бронзовую медаль за успехи в ботанике, химии, физике и астрономии и серебряную медаль, равную четырём медалям. Осенью 1884 г. выдержала экзамен на домашнюю учительницу по французскому и русскому языкам. Елена Владимировна родилась 2 июля 1875 г. в Виллере во Франции. Дмитрий Александрович родился в 1853 г. Николай Александрович родился в 1854, умер в 1877 г. [Там же, лл. 63–65].

Если проследить дальнейшую судьбу имения Шалахово, то можно выяснить по документам РГИА, что в ноябре 1882 г. Действительный статский советник Корсаков обратился в Министерство Внутренних дел с прошением, в котором он жалуется на неправильное взыскание с него Витебским губернским распорядительным комитетом недоимок по поземельным сборам, числящимся за не принадлежащим ему имением «Шалахово» в Витебской губернии [3, л. 127].

Из делопроизводства выясняется, что часть имения была продана в марте 1880 г. крестьянам Филиппу Павлову, Петру Степанову и другим. А в августе 1882 года имение Шалахово было продано купцу Клейнбергу [Там же, лл. 4–19].

В 1906 году в Шалахове жила купчиха Клейнберг Александра Петровна, исповедующая лютеранскую веру, имела 53 десятины земли, остальные угодья принадлежали Шалаховскому сельскому обществу [9].

В годы Советской власти Шалахово было центром Сельского совета и довольно крупного колхоза им. Димитрова. В настоящее время колхозов нет, как нет и сельских советов. Некоторое время Шалахово ещё было центральной усадьбой Шалаховской волости, но население катастрофически уменьшалось, поэтому было произведено укрупнение, и волость вошла в состав Гультьевской.

Фото 3. Дер. Шалахово в 50-е гг. XX века.
Из коллекции Андрея Юринова

Судьба этого уголка Псковщины печальна и повторяет судьбы многих деревень Псковщины, и не только Псковщины. Большую работу проделала ученица из д. Шалахово Алёна Метлова под руководством своей учительницы Т. А. Фелимоновой. Они распросили местных старожилов и выяснили, что находилось ранее на территории д. Шалахово в годы Советской власти. Вот некоторые объекты: участковая больница, а затем терапевтическое отделение (1944–1989), школа (1962–2008), детский сад (с 1974 г.), сельский клуб (1960), а в 1987 г. был открыт новый Дом культуры с библиотекой, торговый центр, сбербанк, оказывались услуги по ремонту и пошиву одежды, парикмахера. Был молокозавод межрайонного значения (1973–1988), колхозная нефтебаза, газовая служба, многочисленные скотные дворы до 200 голов телят и коров. Из всего перечисленного сохранился только Дом культуры, в котором размещается и библиотека [8].

Фото 4. Коллектив работников Шалаховской больницы. 1984 г.
Из коллекции Андрея Юринова

Фото 5. Деревня Шалахово. Сельский Дом культуры и библиотека.
Конец 1980-х гг.

Вот такая судьба у бывшего имения Шалахово, принадлежащего когда-то знаменитому роду Корсаковых.

Чтобы не заканчивать рассказ на грустной ноте, хочу сказать, что Шалаховский край — очень красивый природный уголок юга Псковщины с обилием озёр, сосновыми лесами и берёзовыми рощами, с сохранившимися древними легендами и сказаниями.

Источники:

1. РГБ. НИОР (Российская Государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей). Ф. 137.
2. РГБ. НИОР. Ф. 13. Картон 139. Ед. хр.12.
3. РГИА (Российский Государственный Исторический архив). Ф. 577, оп. 4, д. 794.
4. РГИА. Ф. 573. Оп. 1. Ед. хр. 1418.
5. *Козлов-Струтинский С. Г.* Греко-католическая церковь в регионе русско-белорусского пограничья (современные Псковская и Смоленская области) в конце XVII — первой трети XIX в. Попытка обобщения данных // Белорусский сборник: статьи и материалы по истории и культуре Белоруссии. № 5. СПб., 2012.
6. *Метлова Алена, Т. А. Фелимонова.* История разрушенных строений (деревня Шалахово конце XX — начале XXI вв.) // Забвению вопреки. Пустошка: страницы истории края: материалы межрайонных краеведческих чтений 6–7–8 июля 2016 года / МБУК «Пустошкинский районный Центр культуры». Пустошкинская районная центральная библиотека; [редактор-составитель Т. И. Яковлева]. Пустошка: МУП «Пустошкинская типография», 2018.
7. Писцовые книги XVI века. Изд. Императорского Русского Географического об-ва / Под ред. Н. В. Калачова / Отд. 2. Ч. 1. СПб., 1877.
8. *Сапунов А. П.* Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в. Витебск, 1889.
9. Списки населённых мест Витебской губернии / Под ред. А. П. Сапунова. Витебск, 1906. С. 288; Землевладения и землевладельцы Витебской губернии в 1905 году. Изд. Витебского стат. комитета / Под ред. А. Сапунова. Витебск, 1907. С. 464.

**«ЖИВАЯ ДУША НАРОДА»
(«Путевые письма из Псковской губернии» Павла Якушкина)**

В статье анализируются предыстория написания очерка П. И. Якушкина «Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний» (1859), социально-психологический тип и стиль автора, обстоятельства пребывания Якушкина в Псковском крае. Рассмотрены содержание очерка и многочисленные отклики на него в периодике России.

Ключевые слова: Псковская губерния, Изборск, Псково-Печерский монастырь, Орловская губерния, фольклор, краеведение, периодическая печать.

Писатель и этнограф Павел Иванович Якушкин (1822–1872) оставил богатое творческое наследие. Видное место в этом собрании занимают датированные 1859 годом «Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний». Примечательно, что работа над этими очерками пришлось на пору его творческой зрелости. Дневниковая форма «Путевых писем» давала возможность всесторонне отразить жизнь простых людей, их повседневные дела и праздничные увеселения. Отличительная особенность «Путевых писем» Якушкина — их насыщенность фольклорными материалами. Они представляют собой ту фольклоризованную прозу, в которой трудно определить, где кончается фольклор и где начинается собственное творчество писателя.

Ещё в 1846–1849 гг. Якушкин на средства П. В. Киреевского путешествовал по центральным губерниям России, собирая народные песни и сказки. Потом было несколько лет преподавания в уездных училищах, после отставки из-за столкновения с начальством — два года в своём имении. В 1858 году Якушкин отправился в путешествия по России в качестве корреспондента журнала «Русская беседа».

Писатель и этнограф С. В. Максимов, близко знавший Якушкина, вспоминал: «Способ пешего хождения Павел Иванович признал удобным и обязательным для себя на всю жизнь. Образ странника был любезен и дорог ему, сколько по привычке, столько же и по исключительности положения в среде народа, где страннику, захожему че-

ловеку велик почёт и уважение... Даровое угощение, охотливая помощь ему, заслужившему таковые по безграничной любви к народу, были кстати... Но выход Якушкина, надо помнить, был новый — никто до него таковых путей не прокладывал. Приёмам учиться было негде; никто ещё не дерзал на такие смелые шаги, систематически рассчитанные и на дерзостные поступки — встречи глаз на глаз с народом. По духу того времени за тею Якушкина можно считать положительным безумием, которое, по меньшей мере, находило себе оправдание лишь в увлечениях молодости» [1, VII].

Используя столь простой и в то же время доступный не каждому писателю метод сбора информации, Якушкин путешествовал по Псковской губернии, о чём рассказал в своём очерке. Не имея возможности подробно цитировать эту публикацию, приведём лишь несколько характерных отрывков.

Вот начало очерка, знакомство с губернским центром: «Я приехал в Псков рано поутру 10 августа, и, немного отдохнув, пошёл ходить по городу. Псков не велик, но как-то правильно и красиво стоит на холмах. Благодаря тому, что этот город в стороне, он и не тронут: улицы небольшие и идут как-то причудливо, то повернут вправо, потом влево, то разделится иная на две. Церкви большей частью очень маленькие и довольно старинные» [2, 123].

Пребывание Якушкина в городе было кратким — его влекла простонародная среда. Исследователи подметили, что именно в это время ориентация Якушкина на описание памятников старины «начала слабеть, на первый план выдвигались картины из жизни крестьян»¹. Уже вскоре он попадает в рыбацкую артель и уходит с

Павел Якушкин

¹ Литературное наследство. Т. 79: Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Ред. С. А. Макашин, А. Д. Соимонов и К. П. Богаевская. М.: Наука, 1968. С. 381–382.

ней в плавание. Якушкин с огромным интересом описывает труд и быт рыбаков, тех, кто занимается доставкой грузов по воде. Кажется, впервые на журнальных страницах звучат незамысловатые секреты и приметы этих мужественных людей. Вот что рассказал один из них о местных названиях направления ветра: «Это Сиверик, курчавый бывает: как задует — волна курчавая; а это Сточень к востоку с Меженного (летнего) бывает; Теплик повыше Востоку; это Полуденник; Мокряк — с мокрого места; примечают: подует Мокряк — дождь идёт; Чухонский поперечень, Запад, Русский поперечень... вот и все ветры... По тем ветрам все суда ходят: будары, полубударницы, трое-ночки, четвёрки» [2, 135–136].

Фотографически точно и детально зафиксирован облик «производства» сушёной рыбы: «Сошедши на берег, я пошёл к печам, которые стояли от берега в 7–8 сажнях. В сарае были поставлены 10 огромных печей: по 4 печи с обеих сторон и 2 печи у третьей стены. Каждая печь внутри была почти квадратная, более сажени, с подом из квадратного кирпича, собственно для этого приготавливаемого. 5 печей топились» [Там же, 148].

Скрупулёзно, в духе будущего «Капитала» Маркса, дано описание артельной экономики: «всю добычу разбивают на 24 *части* (а вот этот хозяин, Яков Андреевич делит на 22), так всем ловцам, а всех ловцов на двух лодках 12 человек, кажинному ловцу по одной доле; да кроме той доли коромщику, жернику — для того работа тяжела — ещё доля, на ловцов выходит 14 частей; остальные части хозяину на запас (невод с принадлежностями). А придёт время тяжелей к самой осени — хозяин догонит дружину до 16 человек: частей-то хозяину придёт меньше. Это вот Яков Андреевич — человек хорош: — а у других делят на 24 части: так на ловцов выходит 10 частей, да коромщику с жерником по 2 части, на запас остаётся хозяину 10 частей; а не вся дружина — так ещё больше того хозяин берёт себе» [Там же, 139–140].

Не упустил тему заработков Якушкин и в рассказе о стройках: «Когда мы подъехали к мосту на р. Терехе, я простился с своим спутником и пошел к вновь строящемуся мосту на той же реке, для железной дороги, сажнях в двадцати от старого. Деятельность была сильная: рабочих было много; одни привозили на тройках огромные камни, другие тесали камень, третьи копали, возили землю. Я взошёл на временный деревянный мост, под который подводили постоянный каменный, и разговорился с рабочими. От них я узнал, что в настоящее время рабочим плата очень хороша: рабочему 50 к. сер[еребром], а мастеру, каменщику, менее рубля не платят» [Там же, 192–193].

Но Якушкин не просто бытописатель той или иной местности. Ему в первую очередь интересен язык народа, его предания, сам дух старины. Вот небольшой диалог, состоявшийся в Изборске:

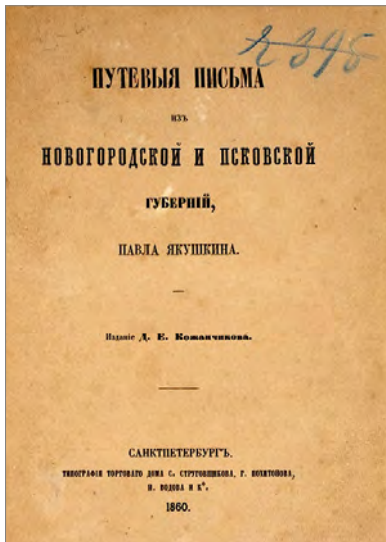
«— Здравствуй, родной, — сказал мне старик, когда я пришёл к Проломным воротам в кремле.

— Здравствуй, — отвечал я, — скажи, пожалуйста, отчего эти ворота зовутся Проломными?

— Вот от чего: подступала Литва и становилась на Митинской горе, видишь налево; теперь там Митина деревня. Стреляла Литва та из пушек по Изборску, пробила она ворота и народу много погубила. Под валом лежат убиенные воины; и когда крестный ход — всегда останавливаются: поминовение бывает. Как пробила Литва ворота, стали обносить кругом города чудотворную икону Корсунской Богородицы — Литва сама себя перерезала; а которые остались — так те разбежались. С тех пор и зовут их Литовскими воротами или Проломом.

— Часто нападали на ваш город?

— Как не нападать! Наш город не нынче строен: Опсков построен давно, а Изборск триста лет прежде стоял. Теперь только он обеднел, а прежде был стольный город; первый князь Русский Рюрик жил в Изборске» [Там же, 171–172].

Естественно, побывал странствующий писатель и в Печорах: «Печоры стоят на красивом месте на берегу реки Пачковки. Большая часть жителей полуверцы, т. е. чухонцы; но образованные из них стыдятся своего происхождения и говорят, что они рижские немцы, хотя по-немецки не говорят». Особый интерес очеркиста вызвал древний монастырь. Якушкин приводит ответ на свой вопрос «Давно ли монастырь стоит?» одного из старожилов: «Давно, ещё за Грозного царя. Были в Изборске отец с сыном, оба благочестивые люди и охотники на птицу, на зверя ходить. Пришли эти отец с сыном на это самое место, где теперь пещеры, и понадобилось им на что-то дерево. Взяли они топор и срубили себе дерево. А в старые годы тут дремучий лес стоял; срубили они дерево, а то дерево повалило с корня другое, и от того древа открылась пещера; на стене пещеры была надпись: «Богом зданная (созданная) пещера». В середине той пещеры пели ангелы и *благоханье* было слышно. Отец с сыном вошли в ту пещеру и нашли там тело монаха Марка. Тело оставили они в гробу, а сами вошли в Изборск. С тех пор стал открываться монастырь, стали строить церковь; только переднюю стену выведут, а те просто из песку в горе вырежут. Пещер там на сколько — не известно. А говорили только, что эти пещеры с киевскими сходятся. Сперва-то, может, и сходились, ну, а теперь много обвалилось» [Там же, 178–179].

«Псковская Одиссея» Якушкина закончилась не очень благополучно — местная полиция, приняв его за «подозрительного» (носил крестьянскую одежду), несколько раз арестовывала. Позднее полицмейстер объяснил причины ареста: «25 августа полиция получила секретную бумагу из Верровского орднунг-герихта, что в одну корчму заходили двое прохожих, и у одного из них при расплате за обед замечено было несколько депозитных билетов. На другой день в нескольких верстах от корчмы тот, у которого были деньги, найден убитым. Описанный в бумаге костюм товарища убитого имел большое сходство с костюмом г. Якушкина. Это возбудило во мне невольное подозрение на г. Якушкина, и я тотчас приказал приставу 1-й части и квартальному надзирателю 2-го квартала разузнать, не находится ли ещё в городе г. Якушкин» [3, 116].

Свои злоключения Якушкин описал в статье «Проницательность и усердие губернской полиции», напечатанной в «Русской беседе» (1859, № 5). Она вызвала большой шум и многочисленные отклики, её перепечатали в ряде журналов и газет («Русский вестник», 1859, № 9, кн. 1; «Московские ведомости», 1859, № 233 и др.).

Полицмейстер В. Э. Гемпель оправдывался: «Спустя три дня я узнал от директора псковской гимназии, что г. Якушкин действительно изучает быт русского народа и что по этому предмету есть его статьи, помещённые в «Русской Беседе». Вследствие этого я велел его освободить из-под ареста... Знаю, как трудно мне бороться в печати с г. Якушкиным; на его стороне — талант, дар смеяться забавно и остро, роль жертвы, всегда возбуждающая сочувствие, предубеждение публики против полиции, наконец, некоторые ошибки с моей стороны; в свою защиту я призыву одну истину, истину, которую подтверждают факты и которую так умышленно исказил г. Якушкин. Положа руку на сердце, могу сказать, что, как человек, я выказал и доказал *фактически* своё сочувствие к г. Якушкину, а, как лицо официальное, не имел никакого права отступить от законного порядка. Правда, я нарушил этот порядок тем, что из снисхождения выпустил г. Якушкина из-под ареста до собрания нужных справок; но, надеюсь, никто из публики не поставит мне этого в вину, хотя перед начальством своим я и обязан отвечать за нарушение постановлений» [Там же, 103].

В Пскове было произведено расследование, результатом которого явилось официальное описание происшествия с Якушкиным, напечатанное в «Русском инвалиде» (1860 г., № 259). Тюремное ведомство обратило внимание на состояние мест заключения в Пскове. Директор Санкт-Петербургского тюремного комитета П. С. Лебедев лично осмотрел эти места и, удостоверившись в их отвратительном состоянии, содействовал приведению в надлежащий вид. Обо всём этом Лебедев написал в «Русском инвалиде» и заключил свою статью патетическим дифирамбом: «Таковы первые последствия справедливо ценимой гласности!» [4].

Гемпель напечатал в «Московских ведомостях» вариант своих объяснений и тоже пропел гимн гласности: обращаясь к суду общественного мнения, она в Пскове впервые отпраздновала победу. Полемичку завершила «Русская беседа», напечатав в № 6 за 1859 год «Последнюю страницу в деле г. Якушкина с полициею». Здесь опубликованы ответ Гемпеля, статья Лебедева из «Русского инвалида» и обширное заключение редакции, целиком в пользу Якушкина. Писали впоследствии об этой истории и Н. С. Лесков («Товарищеские воспоминания о П. И. Якушкине»), и сатирик В. С. Курочкин («Гласность 1859 года и гласность 1862 года»).

Примечательно, что в последующем о Гемпеле Якушкин, по словам С. В. Максимова, «всегда отзывался с кротостью, не памятуя

зла и не ставя его в вину и осуждение» [1, X]. И это притом, что вслед за «псковской историей» в биографии Якушкина было ещё несколько арестов и ссылок (впрочем, они уже не получили столь широкого резонанса).

Интересно взглянуть на социально-психологический тип писателя Якушкина. Как отмечал Максимов, «довольно было одной встречи, чтобы при второй получил Павел Иванович приветствия от людей, успевших прислушаться к нему. В этих случаях играла сильную роль его откровенность, самая своеобразная и простодушная. Всего менее можно было назвать его человеком скрытным, себе на уме. Он просто-напросто сохранился таким простаком, которые попадают в глухих провинциях: очень доверчивый, очень ласковый, готов на бескорыстную послугу, побежит по первому призыву и даже деньги не считает заветными. В Якушкине следовало даже удивляться тому, каким способом он сумел уберечь в себе это патриархальное, старомодное простодушие и поразительную невинность младенца» [1]. Якушкин почти всегда был хладнокровен и беззаботен, не боялся говорить правду в глаза.

Можно предположить, что ключевую роль в характере Якушкина сыграло его происхождение. В словарях и справочниках указывается, что он родился «в зажиточной дворянской семье. Отец его, Иван Андреевич, служил в гвардии, вышел в отставку поручиком и жил постоянно в деревне, где и женился на крепостной крестьянке Прасковье Фалеевне [Фалалеевне]» [5]. Современные находки орловских краеведов позволяют понять, насколько непростым было начало жизни будущего писателя в селе Сабурово Малоархангельского уезда. Исследователь местной истории А. М. Полинкин на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Орловской области, восстановил ряд неизвестных ранее деталей. К примеру, стало известно, что первый сын у 65-летнего неженатого помещика (он вышел в отставку с военной службы «по болезни» за 39 лет до того) и 15-летней крестьянки Прасковьи родился в 1820 году. Павел был вторым ребёнком, а повенчалась Прасковья Фалалеевна с 70-летним Якушкиным только в апреле 1825 года, когда ждала уже четвёртого ребёнка [6, 176–177].

Всего в семье было шесть сыновей и одна дочь. Умер Иван Андреевич в 1832 году, оставив большому семейству более тысячи десятин земли, конный и кирпичный заводы, маслобойню. С. В. Максимов писал, что мать Якушкина пользовалась «общим глубоким уважением, внушаемым её бесконечной добротой, светлым умом и сердечностью».

Семья Якушкиных «не иначе принимала друзей любого из братьев, как за своих близких и родных. Все были на счету и в почёте. Самым сердечным образом заводили справки об отсутствующих, самым радужным и задушевым гостеприимством встречали навещавших Сабурово» [1, XIV].

Вдова не промотала полученное от мужа богатство, а постаралась так использовать его, чтобы дать образование детям. Все шесть сыновей закончили Орловскую мужскую гимназию, двое затем (Александр и Павел) поступили в университет, а Виктор — в медико-хирургическую академию в Петербурге.

Выросший в простонародной среде Павел Якушкин с годами и странствиями не утратил лучших качеств своей талантливой натуры. Его большой очерк о путешествии по Псковской губернии — образец произведения такого жанра, живая многокрасочная картина русской жизни середины XIX века.

Литература:

1. Сочинения П. И. Якушкина: с его биографией и товарищескими о нем воспоминаниями / Биогр. С. В. Максимова и воспом. П. Д. Боборыкина [и др.]. СПб., 1884.
2. *Якушкин П. И.* Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова, 1860.
3. *Гемпель В. Э.* Записка об арестовании г. Якушкина при псковской полиции // Русская беседа. 1859. Кн. V (XVII).
4. *Лебедев П. С.* Г<-н>. Якушкин и псковская губернская полиция // Русский инвалид. 1859, № 239.
5. Якушкин Павел Иванович. Википедия.
6. *Полынкин А. М.* Орловщины родные очертанья (легенды, были и лица нашего края). Кн. 1-я. Орёл, 2013.

К ИСТОРИИ РОДА ДВОРЯН УЛЯНОВСКИХ¹

Представлена родословная дворянского рода Уляновских (Ульяновских) по документам Российского Государственного Исторического архива (РГИА), а также материалы о нескольких персонах одной из ветвей этого рода и составе имений, располагавшихся в Себежском уезде Витебской губернии.

Ключевые слова: Уляновские (Ульяновские), Забелло Софья, имения Долоscopy и Мыленки, Езерище. Себежский уезд, Витебская губерния, Пустошкинский район, Псковская область.

Дворянский род Уляновских принадлежал к гербу Сулима и был внесён в 6 часть дворянской родословной книги Витебской губернии Российской империи.

«4 февраля 1773 г. в городе Полоцке господа Уляновские явственно доказали происхождение свое от предков Уляновских, что их род принадлежит к гербу Сулима. Описание герба из Несецкого Сулима: щит разделен в ширину пополам, в верхней части половина черного орла в желтом поле с распростертыми крыльями и головою в левую сторону обращенною, в нижнем три камня в красном поле, на шлеме из короны пол-орла черного, как в щите, так оный описывают и Папроцкий, Окольский, Бельский».

Несецкий и другие авторы так говорят о происхождении рода: «Уляновский герба Сулима в Великой Польше Иван с Улянова каштелян Рогозинский подписал Брестский мир в 1436 г. В статуте Ласкаго стр. 140 Павел в монашестве Войцех в земле Хелмихикой (*нрзб.*). Из сего описания авторов сия древняя фамилия за важные заслуги пожалована была от государей отчинами в Великом Княжестве Литовском, из коей в 1552 г. в царствование Сигизмунда Августа сей род имел уже отчины в Полоцкой провинции, в которое время Ермола Иванович Уляновский с двоюродным братом Андреем ставили со своих отчин коня на войну, чему доказательства Ревизорский

¹ В источниках встречается и другое написание фамилии — Ульяновские.

Рис. 1. Польский дворянский герб Сулима

с имения Тарантова по силе Сеймовой Конституции присягали на подымную подать, что доказывает Тариф; 1667 г. Павел Уляновский завещал по духовной имения свои сыну своему Григорию; 1676 г. Григорий Уляновский после жены своей введен в закладное владение имения Болотницы; 1676 г. Матвей Уляновский присягал на платимую подать; 1676 г. Павел Уляновский делал манифестацию против двоюродных братьев своих Михаила и Матвея за взятие без ведома его бумаг; 1691 г. Григорий Уляновский по продаже своих имений владел по контракту имением Демиденковым; 1703 г. Матвей Уляновский, лишившись через революцию отчинных имений, купил от г. г. Черкасов часть имения Сволны; Григорий Уляновский, проживая там, оставил сына Трояна, который в 1734 г. явился в готовности к войне пред Хорунжим; сей же Троян Уляновский учинил в 1739 г. манифест против г. Соллогуба. От сего Трояна Григорьевича, а внука Павлова происходят Иосиф, Карл, Иван; Карл проситель, Антоний и Викентий Ивановичи просители, Матвей Филиппа, Станислав владеют за Двиною имением Луцищем — Мостищем, Антоний и Иван проживают в упомянутом имении Сволна.

Эту выпись Выводового Декрета в Верхний Земский Суд во 2-м Департаменте Полоцкого наместничества явил лично Титулярный советник Семен Антонович Уляновский 28 марта 1788 г.

Реэстр; 1582 г. при разграничении имения Замшан с Архиепископскими упоминается имение Уляново г. г. Уляновских; 1593 г. Стольник и судья Гродский Павел Николаевич Годачевский вводя в следствие Трибунальского декрета г. Стабровского во владение имения Замшан имел свидетелями при исполнении сей обязанности дворян между коими упоминает Г. Г. Гарасима и Апанаса Уляновских; 1637 г. межевая запись тех же Замшан между отчинниками упоминает, что по левой стороне лежит земля Г. Г. Уляновских и сим доказывает непрерывное их владение; 1651 г. Павел с имения Улянова и Тарантова, Павел и Филипп Уляновские

Станислав и Иван Гавриловичи, Яцек Троянович, Антоний и Викентий Ивановичи Уляновские определением Полоцкого провинциального суда 1773 года признаны в дворянстве, а прочие лица признаны определением Витебского дворянского депутатского собрания 26 ноября 1834 года с внесением в 6-ю часть родословной книги» [9].

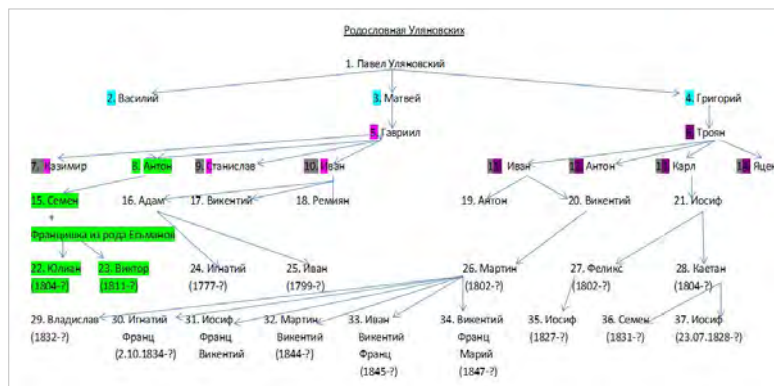

Рис. 2. Родословная Уляновских (РГИА)

Представители рода Уляновских проживали на территории Себежского, Полоцкого, Городокского и других уездов Витебской губернии. Сегодня рассматриваемый регион — Себежский уезд, ныне территория Себежского и Пустошкинского районов Псковской области. Фамилия произошла от названия имения Уляново, позднее трансформировалась в Уляновских, — возможно, стали писать на русский манер как производную от имени Улян.

Уляновский (Уляновский) Семён Антонович. Адрес-календари за 1805, 1806, 1807, 1808 гг. свидетельствуют о том, что в Себеже в Подкоморском суде подкоморием (подкоморий — это судья, занимавшийся вопросами межевания владений) значился титулярный советник Уляновский Семён Антонович [1]. С 1809 по 1812 гг. он состоял в выборной должности поветового маршала [2] (уездный предводитель дворянства). В 1810 г. повышен в чине до коллежского асессора, в 1817 г. уже был надворным советником. По купчей крепости 1791 года приобрёл от помещика Шантыра имение Скробово с деревнями и крестьянами в Себежском уезде. Состоя в звании Себежского поветового маршала, Всемилостивейше пожалован орденами: 28 марта 1812 г. — Св. Владимира 4-й степени и 7 декабря 1817 г. — Св. Анны 2-й степени.

В 1814 г. Себежскому поветовому маршалу Ульяновскому по купчей досталось казённое имение Долосцы Себежского повета. Крестьяне имения, сомневаясь и не веря о продаже их из казны во владение Ульяновскому, послали из деревни Преткова в Санкт-Петербург своих поверенных с жалобой об оставлении их в казённом ведомстве и оказывали род некоторого ослушания к владельцу в исполнении повинностей. Жалоба крестьян по рассмотрении Его Величеством собранных справок оказалась не заслуживающе уважения, о чём было объявлено им через Себежского земского исправника. При этом данную исправнику подпискою крестьяне обязались не уклоняться от должного повиновения владельцу, но в том, что им на просьбу их объявлена Высочайшая воля, отказались дать расписки до удостоверения их о сем через удостоенное Высочайшей милости лицо. Однако дело на этом не закончилось.

21 декабря 1816 г. в Министерство полиции поступила докладная записка «О возобновившемся ослушании крестьян Витебской губернии Долосчанской волости помещика Ульяновского и о распоряжении, учиненном Белорусским военным губернатором к приведению их в повиновение».

В Себежский нижний земский суд управляющим дворянином Осельским было сообщено, что крестьяне имения по возвращении из Санкт-Петербурга 15 ноября 1816 г. их поверенного крестьянина Якима Кузьмина с писарем Куприяном Даниловым, собравшись во дворе, объявили, что они имеют надежду быть по-прежнему казёнными крестьянами, и пока о том последует Указ, как поверенный их Кузьмин прислан для охранения имения: то они не будут никаких господских работ и приказаний исполнять, кроме молотьбы хлеба и присмотра скота. Это же они подтвердили и выезжавшим на место земскому исправнику, заседателю и уездному стряпчему, которыми для усмирения крестьян вызвана и расположена в том имении одна рота Капорского пехотного полка. Шесть человек крестьян, главных зачинщиков в неповиновении, доставлены в Себеж.

Новая жалоба от крестьян деревни Преткова Себежского повета на чинимые помещиком Ульяновским притеснения и изнурении тяжкими работами поступила на Высочайшее Его Императорского Величества Имя в декабре. Для проверки изложенных в жалобе фактов губернское правление командировало в Себежский повет губернского стряпчего по уголовным делам. Противостояние закончилось тем, что Витебскому губернскому правлению было предложено принять все меры, предписанные законом, к усмирению крестьян Долосчанского имения и приведению их к должному повиновению помещику,

предавая виновных и всех, кто бы бунту мог содействовать, законному наказанию [8].

У Семёна Антоновича и его жены Францишки Уляновских родилось два сына Юлиан и Виктор, известны дочери Юлия и София. Старший сын **Юлиан Уляновский (Ульяновский)** родился в 1804 г., образование получил в Императорском Царскосельском лицее. Лицеист 3 курса, выпускник 1823 г., окончил Лицей с чином 9 кл. Оставил лаконичную запись в альбоме Энгельгардта, состоял в комиссии, учреждённой при архиве Коллегии Иностранных дел [4]. Служил в иностранной коллегии, имел чин надворного советника и ордена Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени [9, лл. 56 об., 57]. Юлиан Уляновский уволен от службы по Высочайшему повелению в 1831 г. В 1835 году он — Городецкий предводитель дворянства, помещик Витебского и Себежского уездов [9, л. 36 об.].

Его младший брат Виктор родился в год, когда Юлиан уже поступил на учебу в Лицей. Белорусская греко-униатская духовная консистория нашла запись Сверженской церкви Себежского уезда Витебской губернии о его крещении следующего содержания: «1811 года марта 6 дня **Виктор-Казимир-Фридрих** триимянной младенец законных и благородных родителей Себежского уезда предводителей дворянства Семена и **Францишки урожденной из фамилии Есьманов** Уляновских родившийся в сельце Езерицах сын, при крещении восприемники были Себежского уезда помещик хорунжий Фурхт из имения Адамово с госпожею Себежского уезда Предводителя дочерью **Юлиею Уляновскою**. Подлинную метрику подписал администратор Свержнянский священник Семен Лузгин» [9, лл. 12, 13].

Ульяновский Виктор Семёнович — выпускник (1829 г.) Благородного пансиона в Царском Селе при Лицее (офицер армии), подполковник. В том же году Благородный пансион был упразднён [10, 11].

В 1834 году Виктор Уляновский — поручик и кавалер Драгунского полка, затем записан поручиком Лейб-гвардии Гусарского полка [9, л. 40].

Путешествуя по просторам интернета, я неожиданно наткнулась на статью Б. Г. Окунева «История хомутовской коллекции портретов однополчан М. Ю. Лермонтова» [12]. Автор исследует судьбу прижизненных портретов М. Ю. Лермонтова, сделанных художником А. И. Клондером в 1838–1840 гг. Создавались они в то время, когда поэт, возвратившись из первой кавказской ссылки, служил в Лейб-гвардии Гусарском полку, расквартированном в Царском Селе. Одновременно с лермонтовскими портретами А. И. Клондер написал целую серию портретов офицеров Лейб-гвардии Гусарского полка — сослуживцев

Клюндер А. И. Портрет поручика лейб-гвардии Гусарского полка Ульяновского. 1838. Бумага, акварель. 24х19,7 см. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

и однополчан поэта, около 60 человек. По счастливому совпадению именно в это время Виктор Семёнович Ульяновский (Ульяновский) служил в упомянутом полку. Портреты были написаны в нескольких экземплярах, т. е. несколько коллекций, одна из которых была преподнесена шефу полка цесаревичу, будущему царю Александру II.

В одном полку с Лермонтовым Виктор Ульяновский прослужил четыре года. В этом же списке однополчан мы находим брата Натальи Николаевны Гончаровой-Пушкиной — Ивана Николаевича Гончарова, Иосифа Карловича Ламберта, полкового адъютанта, Алексея Петровича Витгенштейна и др.

Среди 26 акварельных работ, хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа, имеется портрет поручика Лейб-гвардии Гусарского полка Ульяновского, выполненный в 1838 г. художником А. И. Клюндером, — происходит из собрания великого князя Михаила Николаевича. Нетрудно подсчитать, что Виктор Ульяновский позировал художнику в возрасте 27 лет.

В сентябре моя поездка в Москву в Военно-исторический архив не оправдала надежд, т. к. никаких новых материалов о военной службе Виктора Ульяновского обнаружить не удалось. Пока — не удалось.

После выхода в отставку Виктор Семёнович поселяется в своих имениях — их у него было три. По инвентарю 1852 г. в **имении Триполи**, состоящем в Полоцком уезде, из 1 фольварка и 12 деревень показано наличных дворовых людей: 4 муж. и 4 жен. и в деревнях: муж. 162, жен. 163 д., из них рабочих муж. 86 и жен. 78 д.; крестьянских дворов: тягловых — 35, бобылей — 2; земли у крестьян: усадебной — 35 дес., пахотной — 441 д., сенокосной — 215 д. В имении Триполи с фольварком Межно земли усадебной — 41 д., пахотной — 1154 д., сенокосной — 312 д., неудобной — 1037 д., под реками и озёрами — 120 д., лесу строевого — 2655 д., дровяного — 1240 д.. Всего земли: 6598 дес. [7].

Уже упомянутое выше в связи с крестьянскими волнениями **имение Долосцы**. В имении Долосцы Себежского уезда фольварков

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ**
The State Hermitage Museum

Председателю
Псковского регионального отделения
Союза краеведов России
Т.В. Вересовой

17.12.2018 № 6012
№ _____ от _____

Глубокоуважаемая Тамара Васильевна!

Государственный Эрмитаж не возражает против воспроизведения изображения следующего экспоната из собрания музея:

Колондер, Александр Иванович. Портрет поручика лейб-гвардии Гусарского полка Ульяновского. 1838. Бумага; акварель. 24х19,7 см. Поступил в 1951 г. Передан из Артиллерийского исторического музея. Инв. № ЭРР-3896

в сборнике материалов VIII Псковских международных краеведческих чтений (Псковский государственный университет, 12-14 октября 2018 года), посвященных 1115-летию первого упоминания Пскова в летописи и сохранению его культурно-исторического и природного наследия, для иллюстрации статьи Е.Д. Юриновой «К истории рода дворян Ульяновских (Ульяновских)».

Прошу, чтобы принадлежность экспоната собранию Государственного Эрмитажа была упомянута в следующей форме:

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Прошу указать в издании знак охраны авторских прав в следующем написании: © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2018.

Право воспроизведения предоставляется бесплатно и *исключительно* для данного издания. С благодарностью примем экземпляр сборника после выхода тиража в свет.

С уважением,
Заместитель генерального директора
Государственного Эрмитажа,
главный хранитель С.Б. Адакина

Россия, 190000 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д.34
34 Dvortsovaya nab., St. Petersburg 190000, Russia
Телефон / Telephone (812) 571 34 65
Телефон / Fax (812) 219 47 58, (812) 571 90 09

Эрмитаж, разрешение на использование портрета

(ныне Себежский район) из селений: Питюли, Поклады, Веремеево, Томсино, Церковье, Федосеевщина, Дуплево, Березовицы, Нечерцы, Загной, Городок, Леонинки, Ильино, Коклино, Коробки, Жоглино, Богомолова, Малеева (Долосщанского общества) и Фролова, Старые Нивы, Заречье, Борки, Ясиновец, Горушена, Хмелище, Зайцева, Девицы (Мыленского общества). Всего 444 души [6].

В **имении Езерище** Себежского уезда: фольварков — 2, деревень — 22; дворовых людей: муж. п. — 5 д., жен. — 3; в деревнях крестьян: по ревизии — 246 душ м. п., 256 — жен. п.; на лицо м. п. — 352, ж. п. — 338, из них рабочих: м. п. — 156 и ж. п. — 176; тягловых крестьянских дворов — 72, огородников — 2, бобылей — 1. Земли у кре-

— 4, деревень — 29; дворовых людей: муж. п. — 18 д., жен. — 9; в деревнях крестьян: по ревизии — 508 душ м. п., 510 — жен. п.; на лицо м. п. — 580, ж. п. — 594, из них рабочих: м. п. — 287 и ж. п. — 292; тягловых крестьянских дворов — 101 и бобылей — 58. Земли у крестьян: усадебной — 101 дес., пахотной — 1132 д., сенокосной — 562 д. В имении Долосцы с фольварками: усадебной — 130 д., пахотной — 2157 д., сенокосной — 2080 д., неудобной — 85 д., под реками, озёрами и дорогами — 1830 д., лесу строевого — 4676 д., дровяного — 855 д., кустарников — 216 д. Всего: 12031 дес. [7].

Имение Долосцы и Мыленки состояли в Долосщанской волости Долосщанского и Мыленского сельских обществ

стьян: усадебной и огородной — 74 дес., пахотной — 760 д., сенокосной — 388 д. В фольварках: усадебной — 93 д., пахотной — 1455 д., сенокосной — 1380 д., под реками, озёрами и дорогами — 234 д., лесу строевого — 1134 д., дровяного — 420 д., кустарников — 45 д. Всего: 4772 дес. Дача эта состоит в чрезполосном владении. Итого земли в трёх имениях — 23401 дес.

Имение Езерище представляет для меня особый интерес, т. к. состав деревень и фольварков охватывает территорию вокруг современного города Пустошка. Деревни имения: Коханова, Мудцы, Белявица, Пасека, Вырва, Слободка, Середеево, Наволоки, Вороньково, Нацвино, Бородульки, Деено, Фролово, Акулино, Михальки, Пустошка, Москалево, Гришуткино, Кузнецово, Коклино, Косково, Сироткино.

В имениях Ульяновского было две деревни Пустошка, в дальнейшем одна из них из имения Езерище дала название железнодорожной станции, а затем и городу Пустошка. А вот главное село Езерище на современных картах уже не отмечено, это название сохранило только озеро.

Имение Езерище досталось Виктору Ульяновскому по наследству по раздельному акту с родным братом, состоявшемуся 7 марта 1841 г., совершенному в Витебской палате Гражданского суда. Владения эти находились в бесспорном владении, кроме озера Белого, о котором начат спор Вербиловским бывшим за унию базилианским монастырём, дело о том находилось в Правительствующем Сенате [5].

Главная река Великая, протекающая помещьем на протяжении 5 верст, несудоходная, но сплав лесов иногда производился. Озёр — три: Островито, Сомино (*нрзб.*), Белое. Они изобилуют рыбами: щуками, окунями, лещами, налимами, линиями, плотвою и ершами, озеро Белое — судаками и селявою.

9 июня 1854 г. Министру Внутренних Дел поступило отношение от Витебского, Могилёвского и Смоленского генерал-губернатора Игнатьева Павла Николаевича, в котором он сообщал о просьбе помещика Витебской губернии подполковника Виктора Ульяновского, описывая затруднительное положение своих имений, происходящих от постоянных неурожаев, пожара и самовольного выхода крестьян в Тобольскую губернию, и ходатайстве о распространении на его имения, состоящие из 1121 душ крестьян мужского пола, Всемилостивейше дарованных 22 декабря 1853 г. льгот тем владельцам Витебской и Могилёвской губерний, которые имеют менее 500 душ крестьян [7].

В этом же деле сообщались сведения об имениях и причины бедственного положения:

Для имения Езерище выдано в ссуду по случаю бывших неурожаев на продовольствие крестьян 23 апреля 1846 г. 1170 руб., к сумме сей причислено процентов по 1 января 1853 г. за неуплату в срок по 10-летней рассрочке капитала 307 руб. Всего за именем Езерище числится ссудного долга продовольственного капитала 1477 руб.

Находившийся в им. Езерище в сельских запасных магазинах хлеб в 1845 г. роздан по случаю неурожая, вновь неурожаем случился в 1851 г.

В 1847 г. в феврале в им. Долосцы произошёл пожар, истреблён жилой дом, крестьянский с хлебом магазин и прочее, через что понесено убытка 30000 руб. серебром.

По залугу помещиком Ульяновским 1845 г. имения Езерищ с сельцами: Долосцами, Масленками и Венедиктовом в числе 1024 душ муж. п. крестьян, занято из Сохранной Казны 51200 руб. серебром, да следовало уплатить Опекунскому Совету капитала и проценты за 1851, 1852 гг. — 6535 руб. а по неплатежу таковой суммы — об описи заложенного имения Витебское губернское правление предписало 14 ноября 1853 г. Себежскому уездному суду.

Кроме того, на имении Долосцы почитается казённых недоимок за прежнее время и за I половину 1854 г. податей 3432 руб., пени — 59 руб., винокуренных — 1910 руб., продовольственного капитала — 110 руб., земских повинностей — 2170 руб., пени — 510 руб., ссуды капитала с процентами — 8799 руб., а всего — 16994 руб.

Изучив положение дел в имениях Ульяновского, генерал-губернатор пришёл к следующим выводам:

Причиною всех долгов были большею частью неурожаи в течение нескольких лет, значительный пожар в им. Долосцы, что помещик Ульяновский с 1847 г. не пользовался никакими ссудами от правительства, и наконец, что имение Ульяновского в сельскохозяйственном отношении может служить полезным примером для помещиков Витебской губернии.

Принимая во внимание вышесказанное и то, что помещик Ульяновский, служив с отличием в военной службе, по выходе в отставку, при скромной жизни занялся исключительно устройством своего имения и улучшением положения своих крестьян, на что и мог употребить значительные суммы, войдя чрез это в долги.

Генерал-губернатор ходатайство Ульяновского препроводил на рассмотрение Министру Внутренних Дел о распространении на его

имения льгот. И эти льготы были получены, а Витебскому губернскому правлению сообщено об исключении имени помещика Ульяновского из описи и опекунского управления [7].

Из выкупных дел за 1866–68 гг., хранящихся в РГИА, известно, что после смерти Виктора Ульяновского имения Долосцы и Езерище уже принадлежали его сестре, **графине Забелло Софии Семёновне**, доставшиеся по наследству от брата. Виктор Ульяновский оставил долгов на внушительную сумму — 121 тысячу рублей, из них вдова его Софья Ульяновская обязалась уплатить 45 тыс. руб., остальные долги — его сестра Забелло [6]. По всей видимости, рассчитаться с долгами полностью сестре не удалось, т.к. 24 июля 1874 г. Виленские губернские ведомости (№ 56) объявили о торгах по имениям Долосцы и Езерище Себежского уезда помещицы Софии Забелло [13]. Покупатели имений мне неизвестны. Но в 1913 г., согласно спискам землевладельцев, имение Езерище Соинской волости с площадью угодий 2566 дес., в т. ч. земли пашенной 334 дес. и леса 1982 дес., принадлежало опочечкому дворянину Большеву Павлу Павловичу [3]. Очевидно, он и был последним частным владельцем имения Езерище. Село Езерище долгие годы, вплоть до 1920 года, являлось центром Езерийской волости.

Изучение архивных документов постепенно проясняет ранее неизвестную нам историю края, ежегодно прибавляя новый кирпичик в строительство здания под названием «Краеведение».

Источники:

1. Адрес-календари 1805 г. Ч. 2., с. 277; 1806 г. Ч. 2, с. 396; 1807 г. Ч. 2, с. 426; 1808 г. Ч. 2, с. 416.
2. Адрес-календари 1809 г. Ч. 2., с. 394; 1810 г. Ч. 2, с. 398; 1811 г., Ч. 2 с. 412; 1812 г. Ч. 2. с. 426.
3. ВЛО ГАПО. Ф. 633. Оп.1. Д. 2. Лл. 8, 9. Списки имений землевладельцев Себежского уезда, 1913 г.
4. Императорский Царскосельский Лицей (1811–1843): лицейская энциклопедия / [Сост.: С. М. Некрасов (рук. проекта) и др.; Под ред. докт. культурологии, проф. С. М. Некрасова]. СПб., Изд-во Logos, 2010. С. 440.
5. НИАБ (Национальный Исторический архив Беларуси). Ф. 2635. Оп. 1. Д. 1441. 50 л. (август 1848 — январь 1850). Инвентарь имения Езерище помещика Виктора Ульяновского.
6. РГИА. Ф. 577. Оп. 4. Д. 1231. Лл. 1–30. (1866–1868 гг.). Выкупное дело Забелло С. С. Витебской губернии Себежского уезда

- имений Долосцы и др.; РГИА. Ф. 577. Оп. 4. д. 1232. Лл. 1–28 об. (1866–1868 гг.). Забелло С. С. Витебской губернии Себежского уезда сел. Середеева и др.
7. РГИА. Ф. 759. Оп. 31. Д. 760. 15 л. (24 июня — 25 октября 1854 г.). По заложенному в СПб. Опекунском Совете имению помещика Ульяновского. Лл. 2, 10–11, 14, 14 об.
 8. РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 133. 1816 г. 40 л. О буйстве крестьян Витебской губернии Себежского поветового маршала Ульяновского.
 9. РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4116. 84 л. О дворянском происхождении Ульяновских. Лл. 4 об., 5.
 10. [Электронный ресурс]: URL: <http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/obrazovanie-uchebnye-zavedenija-carskogo-sela/blagorodnyi-pansion-imperatorskogo-carskoselskogo-liceja-1814-1829.html> Благородный пансион Императорского Царкосельского лицея 1814–1829 (дата обращения: 09.03.2018).
 11. [Электронный ресурс]: URL: <http://pushkin-history.info/u-zhitelits.s.html> История города Пушкина — Жители (дата обращения: 31.10.2015).
 12. [Электронный ресурс]: URL: http://www.warstar.info/odnopolchane_lermontova/okunev_portrety_odnopolchan_lermontova.html Окунев Б. Г. «История хомутовской коллекции портретов однополчан М. Ю. Лермонтова» (дата обращения: 31.10.2015).
 13. *Чернов Роман Геннадьевич*. СТРАНИЦЫ СЕБЕЖСКОЙ ИСТОРИИ. [Электронный ресурс]: URL: <https://kuscheyder.livejournal.com/>

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ СЕЛА ЗАПОЛЬЕ

В статье рассказывается о деятельности Филиппа Васильевича Овсянникова в период его пребывания в Заполье в конце XIX — начале XX века.

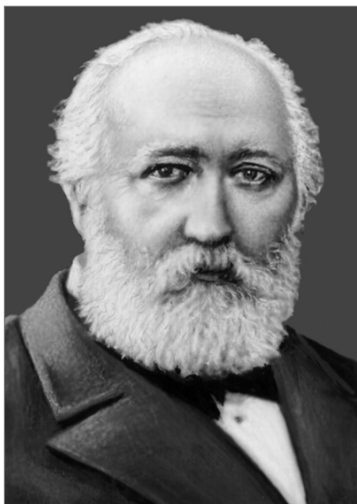
Ключевые слова: учёный-физиолог Филипп Овсянников, Заполье.

История села Заполья Лужского уезда Петербургской губернии (ныне Плюсский район Псковской обл.) в конце XIX — начале XX века тесно связана с именем крупнейшего учёного-физиолога, гистолога, талантливого педагога и видного общественного деятеля академика Филиппа Васильевича Овсянникова.

Завершив преподавательскую работу в Санкт-Петербургском университете, Филипп Васильевич приобретает в 1889 году мызу Заполье с большим запущенным садом общей площадью 19 десятин у помещика Галченкова. Главный усадебный дом располагался на возвышенности, его фасад и партерная часть сада были обращены к дорожному тракту, соединяющему Санкт-Петербург с югом страны. Два снимка главного усадебного дома опубликованы в сборнике Н. Розова «Мир дворянской усадьбы» (Великие Луки, 2015, с. 329), но, к сожалению, без указания ссылки на источники. Однако вид дома совпадает с его описанием, сделанным в письме дочери заведующего Школой садоводства и огородничества с 1913 года, которая продолжала существовать на территории бывшей усадьбы Ф. Овсянникова ещё многие годы.

В своих воспоминаниях она пишет: «... был каменный дом, в середине в три этажа, а по бокам в два. Фасад его был обращён в сторону лужайки и шоссеиной дороги. На уровне второго этажа была застеклённая веранда, увитая диким виноградом. От неё, по бокам, спускались две лестницы к цветнику, переходящему в лужайку» [1].

Овсянников Ф. В., будучи человеком разносторонних интересов и обладая кровной заинтересованностью в улучшении благополучия своего народа и государства в целом, свои последние 17 лет жизни посвящает проблеме восстановления сада, затем чтобы на личном

Овсянников Филипп
Васильевич (1827–1906)

примере показать, как можно более благополучно жить на земле при условии вдумчивого и грамотного отношения к ней.

Он ставит перед собою задачу не только восстановления запущенного сада, но и дальнейшего развития садоводства на научной и промышленной основе.

Овсянников как учёный начинает с главного: изучения почвенного климата и местности, на которой располагались сады, внося свои коррективы для улучшения условий произрастания садовых культур. Была расчищена система каналов и прудов, созданная предыдущими владельцами усадьбы, организованы новые каналы в верхней части сада.

На подготовленной почве началась работа по разведению новых сортов яблоневых культур. Особое внимание уделялось проблеме внедрения грамотной посадки фруктовых деревьев. Учитывалось, прежде всего, отсутствие надёжного уровня гумуса и обилие глины в почве, поэтому досконально была выработана система посадки деревьев: глубина ям, внесение удобрения, время посадки и другие требования, которые были неукоснительными для выполнения.

Большое внимание уделялось подбору сортов яблонь. В первую очередь окультуривались сорта, давно зарекомендовавшие себя как продуктивные в данной местности. Делалась обрезка сухих сучьев, проводилось лечение деревьев, осуществлялась подкормка и взрыхление почвы. Однако учёным проводилось немало экспериментов по культивированию новых сортов яблонь, слив, груш, привезённых с южных территорий России. Для них были созданы особые условия, сажали в местах с солнечной стороны и защищённой от ветра живой изгородью. Но и в таких щадящих условиях не все сорта выживали, тогда был выбран путь прививки черенков нужных сортов к дичкам, устойчивым к данным условиям местности.

Особое значение для сохранения сада имела борьба с разного рода вредителями фруктовых деревьев — как насекомыми, так и грызунами. Сад тщательно обрабатывался весной, одновременно учёный

настаивал на проведении такой обработки и в частных хозяйствах, обеспечивая крестьян средствами борьбы с вредителями сада. Вскоре многотрудные заботы о саде стали приносить свои результаты.

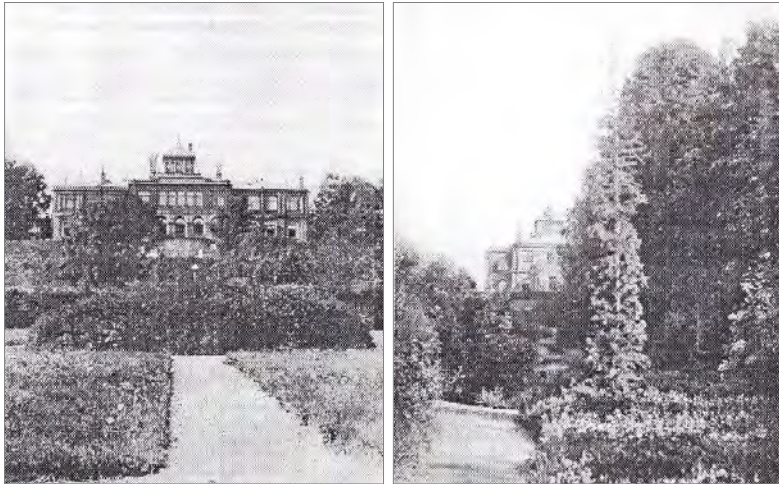
1898 год был особенно урожайным. Об успехах своей садоводческой деятельности Ф. В. Овсянников подробно изложил в докладе, прочитанном в Собрании Императорского Российского общества плодоводства 9 февраля 1899 г. [2, 341–347].

В саду произрастало к этому времени свыше 6000 яблонь. Из более замечательных для севера сортов он упоминает ранет Баумана и Гавтгорден, суйслепер, бабушкино, путивка, ранет Егера, тафтяное, красное графенштейнское, золотой пармен, зори, тронекьяр, яблоко Евы и многие другие. Из груш: бергамот лифляндский и бессемянка. На своём опыте он доказал, что некоторые сорта яблонь, свойственных средней России и растущих в юго-западном крае, можно выращивать и в нашем северном крае. В 1904 году на выставке к Международному съезду плодоводов в Петербурге Ф. В. Овсянников экспонировал 55 сортов яблок из собственного сада и был удостоен золотой медали [3]. Однако позднее он стал отдавать предпочтение лишь четырём сортам яблонь, как наиболее устойчивым и продуктивным: антоновка, осеннее полосатое, апорт и боровинка.

Особое внимание Овсянников уделял самому ответственному моменту в садоводстве — сбору урожая. Он считал, что прежде необходимо грамотно определить сроки созревания каждого сорта, чтобы без ущерба начать сбор и готовить собранные яблоки к реализации. «Снимали яблоки свои рабочие, садовые караульные, затем подёнщицы-девушки и подростки. Они все настолько привыкли к этому делу, что яблоки не мнут и плодовых почек почти не ломают. Тем не менее всё-таки приходится напоминать как о том, так и о другом» [2, 343]. Далее он подробно описывает весь процесс съёма яблок и передачу их закупщикам-фруктовщикам. Однако здесь же останавливается на вечной проблеме, когда продавец получает от реализации в разы больше, чем производитель. В своём докладе он вносит предложения в комиссию, созданную из числа плодоводов страны, для упорядочения плодоторговли и создании других условий, направленных на дальнейшее развитие этой очень важной отрасли сельского хозяйства.

Однако Ф. В. Овсянникова интересовала не только коммерческая сторона дела. У него была большая личная заинтересованность в новом для него деле.

«В Заполье, — писал он, — много деревьев, которые я сам сажал, за которыми ухаживал, сам обрезал, там есть мои любимые деревья...» [4].

Дом Овсянникова в Заполье

Учёный думал и о «распространении правильного плодоводства в народе», привлекая к этому увлекательному и полезному делу часто детей. Своих он не имел — может быть, ещё и поэтому он очень добросердечно и трогательно относился к деревенским детям, среди которых в Заполье было немало сирот, направленных из воспитательных домов Санкт-Петербурга в крестьянские семьи. Привлекая детей к работе в саду, он рассказывал им о пользе разведения садов, учил элементарным правилам ухода за деревьями, учил прилежанию к учёбе и любому труду, закладывая в них элементарные понятия о культуре и нравственности. По воспоминаниям старожилов, он всегда помнил дни рождения детей и дарил им подарки. Особенно его беспокоила судьба детей-сирот, которые были способны к учёбе, но не имели возможности учиться. Заботясь о будущем крестьянских детей, он на свои средства создаёт начальную школу, которая сделала несколько выпусков, но впоследствии всё-таки была закрыта из-за отказа местных властей в её, хотя бы частичном, финансировании. Помогал Филипп Васильевич встать, что называется, на ноги отдельным молодым людям. Так, например, Анастасии Фильковой, его старательной помощнице, помог определиться на учёбу в Пансионат благородных девиц. После его окончания она была приглашена в царскую семью, где, по воспоминаниям потомков, «нянчила цесаревича Михаила». Позднее Анастасия вновь приехала в Заполье,

а когда собралась выходить замуж, Овсянников щедро подарил ей для начала семейной жизни небольшой домик и на счастье молодым «всякой твари по паре»: два поросёнка, два телёнка, две курицы...» Анастасия Петровна слыла женщиной грамотной, очень начитанной, мудрой и прожила она счастливо до 93 лет, а дом и сегодня стоит на окраине Заполья, как свидетель щедрости бывшего помещика, как часто его называли деревенские жители.

Подобных малых добрых практических дел Овсянников никогда не чуждался. Так, он считал, что весьма было бы полезным обучать и учителей начальных классов практическому садоводству, что и начинал делать.

Находясь в Заполье, Ф. В. Овсянников продолжал чтение лекций по основам плодоводства на Бестужевских высших курсах, которые он мог считать своим детищем. Являясь одним из инициаторов их открытия, он поддерживал курсы и в трудные моменты, когда стоял вопрос об их закрытии.

В 1904 году он предоставил им возможность провести лето в своём имении Ивановское (в 3,5 км от мызы Заполье), где были благоприятные условия для занятий, кроме плодоводства, и другими отраслями сельского хозяйства. Ещё в 1897 году в Ивановском им была устроена школа плодоводства, огородничества и пчеловодства. Эта школа находилась в ведении Министерства земледелия и государственных имуществ, но учёный настаивал на расширении её программы, занятий теоретическими предметами. «Садовник-плодовод, — писал он, — должен многому научиться, должен быть человеком с более широкими знаниями и умственным развитием». Ф. В. Овсянников вникал в постановку обучения, заботился о том, чтобы у учеников возбуждалась и поддерживалась «любовь к труду, природе, к растениям, к чтению, к саморазвитию».

Известны имена некоторых бывших жителей Заполья, окончивших названную школу. Недавно вышел сборник стихов Петра Гавриловича Гаврилова-Лебедева [5], который детские годы провёл в Заполье. В 3-хлетнем возрасте он как сирота был направлен из воспитательного дома в многодетную семью крестьянина Гаврилова. Приёмные родители, видя склонность мальчика к учёбе, определили его в начальную школу, а после её окончания он поступил в школу садоводства и огородничества.

Закончив её в 1900 году, он был направлен работать садовником в Гатчину в дворцовые оранжереи и парки. Здесь он по-настоящему приобщился к поэзии, которой увлекался ещё в ранней юности. Так

на жизненном опыте этого человека конкретно воплотились мечты Ф. В. Овсянникова, учёного и педагога.

Тяга простого народа к знаниям была в эти годы неимоверной. Находясь в этот период почти постоянно в Заполье, Овсянников всегда оставался в центре всех проблем, которые его интересовали. Совершенствование образования в своей стране учёный считал задачей первостепенной. В 1906 году им был подписан протест 342 учёных, содержащий критику существующей системы народного образования и программу её изменения. Чтобы подписать подобный документ, требовалось гражданское мужество и оно в нём присутствовало всегда.

Смелым и новаторским было требование Ф. В. Овсянникова, высказанное на своём последнем заседании в Академии наук, о составлении обращения в Государственную Думу с просьбой об учреждении в России специального института для исследования центральной нервной системы, которой он придавал главенствующее значение в научной медицине.

Ф. В. Овсянникова, обладавшего высокими гражданскими чувствами, последние годы, как никогда, волновала ситуация экономического спада в стране, отсутствие у правительства понимания важности решения проблем, связанных с развитием науки, образования, а также просчёты в вопросах внешней политики.

Своему соратнику по научной работе А. А. Кулябко, находившемуся в г. Томске, весной 1904 года он напишет: «Здесь все интересы сосредоточены на Дальнем Востоке. Там жизнь, особенно моряков, крайне тяжела, нервность и утомление доходит до высших пределов. Скорое окончание военных действий не предвидится. Многое у нас приостановилось. Все первым делом утром берутся за газеты и перечитывают от начала до конца, ища каких-нибудь крупных событий» [6].

А ровно через год он вновь с печалью излагает А. А. Кулябко свои волнения по тому же поводу: «Ещё яснее выразилось всё наше ничтожество и убожество. Что будет дальше? Мысли всех заняты этим вопросом. Или мы близки к повороту на лучший путь, способный нас вывести из мрака на свет, или же перед нами ряд новых унижений и бедствий. Куда мы пойдём, — направо или налево, — ведаёт аллах. До открытия лекций осталось немного. А будут ли они читаться? Несчастливая страна, где так мало заботятся не только о науке, но даже о простой грамотности» (Заполье, 10/VI/1905) [Там же, ед. хр. 2].

Все эти глубокие волнения о судьбе страны, о тех негативных процессах, которые наблюдались в жизни и обществе, не добавляли

здоровья Филиппу Васильевичу. Последние годы он часто болел простудными заболеваниями и, не перенеся последнего воспаления лёгких, скончался в Заполье 6 июня 1906 года и был похоронен в склепе с левой стороны Георгиевского храма. Судя по достаточно почётному месту, выбранному для захоронения, не приходится сомневаться в том, что он был на протяжении многих лет не только его прихожанином, но и вкладчиком храма.

К великому сожалению, могила Овсянникова, крупнейшего учёного, видного общественного деятеля, радетеля за развитие науки и образования, доброго и чуткого человека в 30-е годы была осквернена. Но по сей день на месте захоронения стоит склеп, безымянный, одинокий — как вечный упрёк в нашей безнравственности и беспамятности.

Заполье. Часовня-склеп Ф. В. Овсянникова, ок. 1906 г.
Фото С. Маценкова, 2014 г.

Школа садоводства, овощеводства и пчеловодства, которую называли Овсянниковской, просуществовала до середины 20-х годов. Позднее, на протяжении многих лет, её опыт был использован овощеводческими бригадами в колхозе и на пришкольном участке растениеводства и огородничества. Были попытки у колхоза «Прожектор» в 1970-х годах восстановить культуру садов. Сады не толь-

ко украшали село, но и приносили существенную прибыль колхозу. Однако любое хорошее начинание выигрывает лишь тогда, когда в нём заинтересованы не только отдельные энтузиасты, но и общество, и государство в целом.

Однако и сегодня ещё можно в личных хозяйствах отыскать чудом сохранившиеся те редкие сорта яблоневых и других садовых культур, переживавших некогда в них из знаменитого овсянниковского сада. Они притаились и ждут своего второго рождения.

Источники:

1. Письмо Т. Мясниковой от 21 марта 1968 г. (Архив по истории с. Заполье, музей Римского-Корсакова, Любенск — Вечаша).
2. *Овсянников Ф. В.* Избранные произведения, М., 1955.
3. *Рабин А.* Сад Овсянникова // Псковская правда, 26 июня 1977.
4. *Овсянников Ф. В.* С мызы Заполье // «Плодоводство», 1895 г., № 2. С. 70.
5. *Пётр Гаврилов-Лебедев.* Стихи. СПб., 2015.
6. Архив РАН (Московское отделение), ф. 562, оп. 4, ед. хр. 1.

БУХАРОВЫ И РИМСКИЕ-КОРСАКОВЫ В ЛЮБЕНСКЕ

В статье рассказывается о взаимоотношениях семей Римских-Корсаковых и Бухаровых и о покупке композитором у Бухаровых Любенска.

Ключевые слова: Вечаша, Любенск, творчество Н. А. Римского-Корсакова, встречи, друзья.

В 1907 году 63-летний Н. А. Римский-Корсаков, известный композитор, профессор консерватории, покупает в Санкт-Петербургской губернии Лужского уезда имение Любенск у наследников статского советника Д. Н. Бухарова — у его вдовы Александры Викторовны и детей Зои и Бориса Бухаровых.

Н. А. Римский-Корсаков имел обыкновение снимать в Лужском уезде дачи для летнего отдыха. В 1894 году Николай Андреевич снял главный дом в усадьбе Вечаша, принадлежавший С. М. Огарёвой. В Вечаше он со своей семьёй — женой и пятью детьми — проведёт прекрасное лето. Здесь и состоится знакомство Римских-Корсаковых с Бухаровыми, владельцами соседней усадьбы Любенск. В «Летописи моей музыкальной жизни» Николай Андреевич пишет: «В мае мы переехали на лето в имение Вечаша в Лужском уезде близ ст. Плюсса. Вечаша — прелестное место: чудесное большое озеро Песно и огромный старинный сад с вековыми липами, вязами и т. д. Дом тяжелой и неуклюжей постройки, но вместительный и удобный. <...> Купание прекрасное. Ночью луна и звезды чудно отражаются в озере. Птиц множество. Имение это было отыскано мною и сразу мне приглянулось. Вблизи — деревни Запесенье и Полосы; неподалеку также — усадьба Любенск, принадлежащая г-же Бухаровой. Лес поодоль, но прекрасный. Вечаша всем нам очень нравилась» [1]. В Вечаше семья Римских-Корсаковых проводила лето шесть раз — в 1894, 1895, 1898, 1899, 1904 и 1905 гг. Здесь Николай Андреевич работал над операми «Ночь перед Рождеством», «Садко», «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане», «Сказание о невидимом граде Китеже», писал романсы, главы теоретических трудов.

Александра Викторовна
Бухарова. РГАЛИ, ф. 991.
Публикуется впервые

Д. Н. Бухаров

Зоя Дмитриевна Бухарова

Отдыхая летом в Вечаше, Римские-Корсаковы изучают окрестности, совершают длительные прогулки, дети увлекаются верховой ездой, сыновья занимаются охотой и рыбалкой, дочери хозяйством; члены семьи часто бывают в гостях у Бухаровых. Возникает мечта о собственном имении.

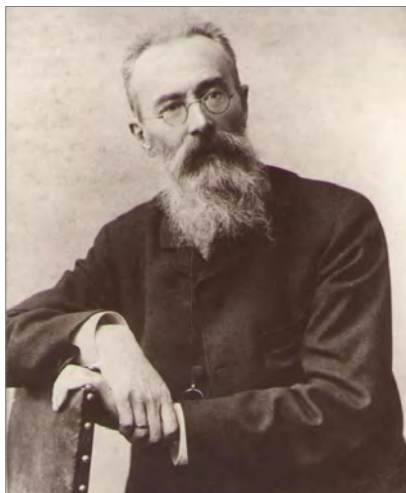
Любенск. 1908 г.

В 1904 году Надежда Николаевна, жена композитора, задерживается в Вечаше и сообщает в Петербург мужу: «Знаешь, Бухарова до того запуталась в долгах, что Любенск продается. Мне их ужасно жаль. Ведь это целая драма вроде «Вишневого сада». Но как я хотела бы быть Лопахиным, конечно не вырубая сад и не строя там дач, кроме, впрочем, одной — для Миши (сын — *Н. А.*). Соня (дочь — *Н. А.*) жила бы с нами. Любенск стоит прелестно, какой оттуда вид, и озером можно пользоваться, имея своих лошадей. В имении всего 800 десятин, но цена назначена баснословная (тем более, что большая часть леса вырублена), 120 000! Конечно, за эту цену никто не купит. <...> Кроме того, возможно, что они будут продавать частями, тогда купить бы одну усадьбу с небольшим клочком земли. Я пойду на днях к Александре Викторовне /Бухаровой/ проститься и поговорю о Любенске» [2]. Через несколько дней Надежда Николаевна опять пишет: «Мечта об имении всё не оставляет меня. Это, конечно, глупо, потому что она не осуществима» [2] Николай Андреевич отвечает: «Думаю, что мечты твои о покупке Вечашы или Любенска — только мечты, слишком надо для этого много денег, каковых у нас не хватает» [2].

В 1907 году мечта Римских-Корсаковых всё же осуществится — они станут владельцами красивой и удобной усадьбы Любенск, находящейся в полутора километрах от Вечашы и живописного озера Песно.

Н. Н. Римская-Корсакова

Н. А. Римский-Корсаков

Бухаровы — владельцы Любенска

В 1800 году порховский помещик Андрей Иванович Володимирский подарил в вечное и потомственное владение Анне Гавриловне Бухаровой Любенск Лужского уезда. С этого времени до 1907 года Любенском владели Бухаровы.

По духовному завещанию Анны Гавриловны Бухаровой Любенск унаследовал её сын Николай Иванович Бухаров (1800–1861). Ещё ранее, после смерти дяди Петра Тихоновича Бухарова, в 1832 году, Н. И. Бухаров становится владельцем сельца Михалёво в Порховском уезде. В семейных преданиях Бухаровых говорится о том, что А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов бывали в Михалёве в гостях у Николая Ивановича.

Николай Иванович Бухаров (1800–1861) в 1816 году вступил в службу юнкером в Лейб-гвардии Конно-Егерский полк. В 1819 г. Николай Иванович произведён в прапорщики, служил полковым адъютантом, в 1830 г. произведён штабс-капитаном, штабс-ротмистром, в 1840 году пожалован за отлично-усердную службу в чин полковника. Он был участником Русско-турецкой войны (1828–1829), польской кампании и взятия Варшавы (1830–1831). Награждён золотой саблей с надписью «За храбрость», орденом Св. Владимира 4-й степени, орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней, Св. Станислава 3-й степени, Св. Георгия 4-го класса а также медалей-

Н. И. Бухаров

ми: бронзовой в память 1812 года, за Турецкую войну, за взятие приступом Варшавы 25 и 26 августа 1831 года [3].

После Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, в 1834 году, М. Ю. Лермонтов был направлен в Лейб-гвардии Гусарский полк (полк располагался на окраине Царского Села) и зачислен в 7-й эскадрон, которым командовал ротмистр Н. И. Бухаров. По воспоминаниям князя А. В. Мещерского, Бухаров был «настоящий тип старого гусара прежнего времени, так верно и неподражаемо описанного Денисом Давыдовым. Веч-

но добродушный собутыльник, дорогой и добрейший товарищ, он был любим всеми офицерами полка» [4]. Лермонтов ценил Бухарова, чело- века большого сердца и пылкого характера, посвятил ему два стихотворения в 1838 г: «К портрету старого гусара», «Н. И. Бухарову».

В 1845 году полковник Н. И. Бухаров вступает в первый законный брак с девицею, французской подданной, уроженкой города Парижа, Викториною Жозефиною Лопец де Арманциею (1821 г. р.), исповедания римско-католического. В браке родились дети: Евгения (1846), Анна (1848), Иоанн (1850), Пётр (1852), Дмитрий (1853), Николай (1855) и Мария (1859).

В 1847 году Н. И. Бухаров высочайшим приказом уволен от службы за ранами, в чине генерал-майора, с мундиром и пансионом 2/3 жалованья. За ним состоит Санкт-Петербургской губернии 140 душ и Псковской губернии 90 душ крестьян [3].

Николай Иванович Бухаров скончался в 1861 году, похоронен на погосте Вышгород.

Жена генерал-майора Мария Захаровна Бухарова (именно так она стала называться, приняв православие) умерла 15 декабря 1893 года и была похоронена у церкви в селе Крицы Лужского уезда, в 4 километрах от Любенска. Церковь во время войны была разрушена, но многие надгробия сохранились, в том числе и надгробие с могилы Марии Захаровны.

Сыновья унаследуют имения отца: Дмитрию Николаевичу Бухарову будет выделен Любенск в Лужском уезде, а Николай Николаевич Бухаров станет владельцем имения Михалёво в Порховском уезде.

Дмитрий Николаевич Бухаров (1853–1889) закончил Николаевское кавалерийское училище в 1871 г. Из юнкеров назначен корнетом в Лейб-гвардии Гренадерский полк. Дмитрий Николаевич женился на **Александре Викторовне, урождённой Аничковой (1853–1920)**. В 1876 году у них родилась дочь Зоя, а в 1878 году — сын Борис.

В 1874 году Дмитрий Николаевич — коллежский секретарь в Департаменте внешних отношений. В 1876–78 гг. — титулярный советник в Нидерландах, вице-консул в Амстердаме.

В 1879–80 гг. — консул в Любеке, коллежский ассессор. В 1881–84 гг. — консул в Гаммерфесте, коллежский советник. В 1886 г. — Азиатская Турция. В 1887–89 гг. — консул в Иерусалиме.

В последний год жизни Д. Н. Бухаров — генеральный консул в Стокгольме.

Дмитрий Николаевич был действительным членом Русского Географического общества, свободное время посвящал географическим исследованиям. Д. Н. Бухаров — автор нескольких трудов: «Россия и Турция. От возникновения политических между ними отношений до Лондонского трактата 1871 года включительно» (СПб., 1878), «Поездка по Лапландии осенью 1883 г. (1885 г.) и др.

После смерти Дмитрия Николаевича его семья переезжает в Петербург, а лето Александра Викторовна с детьми проводит в Любенеке, где и знакомится с Римскими-Корсаковыми.

Дети Н. Н. и Н. А. Римских-Корсаковых. 1900 г.
Слева направо: Андрей, Владимир, Надежда, Софья, Михаил

В юности Александра Викторовна увлекалась музыкой, театром, пела, играла в любительских спектаклях. С. В. Аничков, племянник А. В. Бухаровой, известный фармаколог и физиолог, академик Академии медицинских наук, в своей книге «На рубеже двух веков» пишет о том, что его тётки Александра и Татьяна в молодости «были миловидными девушками и как тогда говорили, сделали хорошие партии. Старшая, Александра Викторовна, вышла за псковского помещика Бухарова, младшая, Татьяна Викторовна, — за богатого домовладельца Струбинского. Обе они и их семьи жили широко и безалаберно, и ко времени Октябрьской революции ни у них самих, ни у детей их ни капиталов, ни домов, ни земель уже не осталось. <..>. Интересна была семья старшей сестры отца — тети Саши, Александры Викторовны Бухаровой, вдовы псковского помещика. Она увлекалась сценой, в молодые годы играла в любительских спектаклях, но профессиональной актрисой сделалась лишь, достигнув пожилых лет, когда стала играть старух. Она принадлежала к труппе Передвижного театра, которую возглавлял Павел Гайдебуров, и была дружна с ним и его женой, сестрой Веры Комиссаржевской (Надеждой Скарской)» [4].

А. В. Бухарова играла в театре Гайдебурова два года — с 1908 по 1910-й, она выступала под сценическим псевдонимом Любецкая.

П. П. Гайдебуров в своей книге описывает события 1904 года. Тогда в работе над созданием спектакля «Привидения» Ибсена зарождался Передвижной театр. В это время и возник очень крепкий творческий и семейный союз Гайдебурова и Скарской. Обычные свадебные церемонии им были не по вкусу и «нашелся выход — сыграть свадьбу где-нибудь в окрестностях усадьбы Бухаровых, старинных друзей семьи Комиссаржевских, в уездной глуши, в стороне от железнодорожной станции Плюсса. И вышло так, что наша свадьба включилась в работу над «Привидениями» и принесла в нее свою особую тональность» [5].

П. П. Гайдебуров приводит в «Воспоминаниях» описание Любенска: «Усадьба Бухаровых Любенск приобретена впоследствии Римским-Корсаковым. <...> По местонахождению она необыкновенно красива: старинный одноэтажный рубленый дом помещен на горе так, что со ступеней балкона и из окон комнат открываются окрестные цветущие дали. Вниз к полям, озерам и бескрайним лесам сбегает роскошный фруктовый сад. Прямая, как стрела, центральная аллея в узорчатых тонах хранит дыхание отцветшей усадебной романтики, но и веяние былого страшного крепостного уклада доносится сюда же от окрестных барских поместий,— в их окружении, замаскиро-

Марка Передвижного театра

ванный лесными чашами, Любенск и одинок и скромн: он богат не дворянскими традициями, а поэтической своей стариной. Нашим друзьям даже посчастливилось однажды самим откопать среди рухляди, десятилетиями копившейся на чердаках, акварельный портрет Лермонтова, как свидетельство дружбы поэта с владельцами Любенской усадьбы. Их последние потомки уже на наших глазах жили здесь особняком от многочисленных соседей, любимые крестьянством, питая склонность к искусствам гораздо более, чем к де-

ревенскому хозяйству. В доме жизнь текла артистически-беспорядочно, с присущим Любенску особнным душевным уютом» [5].

П. П. Гайдебуров в «Записках Передвижного театра» печатает статью «К восемнадцатой годовщине Передвижного Театра», где он отдаёт дань памяти замечательной артистке и человеку большой души, пишет о заслугах А. В. Бухаровой: «В день 18-ой годовщины Передвижного театра в его фойе-музее установлен портрет артистки А. В. Любецкой (Бухаровой). В совпадении этих двух моментов — празднования дня рождения театра и чествования памяти артистки, есть нечто особенно характерное для творческого образа покойной. Исполненная невообразимого обаяния и женственности, она воплощала собою все достоинства и недостатки, свойственные таким натурам, которые, кажется, приходят в жизнь только для того, чтобы непрестанно умирать для чужих рождений, возникающих под их благотворящим дыханьем». Близкий друг семьи, основатель театра, зная обстоятельства жизни Бухаровой, писал: «Юность Александры Викторовны озарилась блестящим сценическим успехом, но только для того, чтобы сейчас же пожертвовать им страстно любимому мужу. Самая любовь эта, горячая и преданная, не для того ли только занялась, чтобы возложить все бремя взращивания семьи на выносливые женские плечи и бесследно кануть под этим бременем?» Вот что ценил Гайдебуров в Бухаровой: «Ни ремесленничества, ни диллетантизма не было в художественной природе Александры Викторовны. Её артистичность была и творческой и действенной даже тогда, когда она сама не являлась на подмостки действующим лицом, она уме-

ла влить свою артистичность в творчество других. <...> Ее уже нет. И кто знает, какую роль сыграет в одну из роковых минут нашей капризной судьбы отсутствие для нас этой опоры, такой неприметной, застенчивой, молчаливой и безгранично цельной?» [6].

В РГАЛИ хранятся документы из архива П. Гайдебурова и Н. Скарской — фотографии А. Бухаровой и её дочери Зои. На одной из фотографий Александра Викторовна запечатлена на смертном одре, а на обороте рукой Н. Скарской написано: «Торопец. 7 февраля 1920 г. Моя вторая мать, моя любимая Александра Викторовна Бухарова».

Сын и дочь А. В. Бухаровой были также связаны с Передвижным театром.

П. Гайдебуров пишет о создании эмблемы Передвижного театра: «Широкую известность приобрела характерная «марка» Передвижного театра, спроектированная художником-архитектором Б. Д. Бухаровым. Крылатый конь, изображенный на марке, должен был символизировать передвижничество, окрыленность идеей «всемирного искусства». Образ грифа как бы утверждал «связь времен», верность вечным идеалам, а дата «1905» должна была напомнить не только о времени возникновения театра, но и вызывать более широкие ассоциации, связанные с исторической эпохой первой русской революции» [5].

Борис Дмитриевич Бухаров (1878–1941) закончил институт гражданских инженеров. В 1914–1916 гг. был членом строительной комиссии Министерства народного просвещения. В советское время — инженер-строитель. Умер в блокадном Ленинграде в декабре 1941 г. («Книга памяти, Блокада, т. 4»).

В начале XX в. **Зоя Дмитриевна Бухарова** (1876–1941) становится довольно известной поэтессой, переводчиком, литературным и театральным критиком. Как критик и рецензент Зоя Бухарова выступала обычно за подписью «З. Б.» в журналах «Театр и искусство», «Нива» «Записки Передвижного театра», в газетах «Слово», «Россия», «Петроградские ведомости и др.

Зоя Бухарова написала рецензии на книги С. Есенина и Н. Клюева. Была дружна с поэтами.

В г. Вязьме, в частном музее П. Пропалова, хранится первый сборник стихов С. Есенина «Радуница» с автографом автора: «Дорогой Зое Бухаровой с любовью и искренним расположением. С. Есенин. 31 января 1916 года».

Зоя Бухарова была знакома с А. А. Блоком. Известно, что поэт прислал ей экземпляр своей поэмы «Двенадцать». Зоя Дмитриевна Бухарова умерла во время блокады («Книга памяти, Блокада, т. 4»).

К 1907 году Александра Викторовна распродала все основные свои земли, пахотные и сенокосные, но, несмотря на продажу своих земель, очень нуждалась в деньгах. Усадьба её была частями заложена, и, чтобы рассчитаться с кредиторами, она решила продать усадьбу с оставшимся клочком земли — за это она назначила цену в 13500 рублей. Покупка такого маленького имения стала для Николая Андреевича возможной. В. В. Ястребцев, биограф композитора, приводит любопытные сведения о доходах Николая Андреевича: оказалось, что 12–14000 рублей был средний заработок в год, за всю жизнь он накопил до 30000 рублей.

Из книги А. Н. Римского-Корсакова (сын композитора) «Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество»: «Лето в Любенске в 1907 году связало семью Римских-Корсаковых тесными узами с этим чудесным местом. Проект приобрести этот остаток старого помещичьего гнезда, после распродажи основных помещичьих земель крестьянам соседних деревень, не давал спать юным и старым членам семьи Корсаковых. Общая давнишняя потребность жить летом вдалеке от пригородных дачных мест, среди приволья полей, лесов, болот и лугов, в непосредственном соседстве с большим озером Песно, не раз служившим источником вдохновляющих впечатлений для Н. А., — эта мечта семьи близилась на этот раз к осуществлению» [7].

Римские-Корсаковы покупали 20 десятин (22 гектара). Из них 8 десятин составляла усадебная земля с постройками, огромным яблоневым садом, с прекрасной парковой частью, которую украшали пруды, цветники, старые деревья. Остальное занимали земли пахотные (6 дес.) и сенокосные (3 дес.), дороги.

Все усадебные постройки были из дерева, кроме конюшни, стены которой были сложены из тёсаного камня. Двор состоял из Большого дома, Дачи, Малого дома, семейной, конюшни с каретником, ледника, птичника и амбара. У прудов находились постройки — оранжерея, баня и гумно.

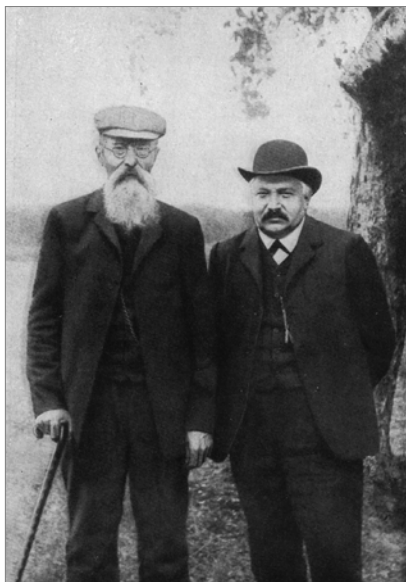
Николай Андреевич писал старшему сыну в июне 1907 года: «Любенском мы все восхищаемся и все время говорим о том, что и как будем делать, когда он будет наш, так как покупка его нами в сущности решена <...> Я даже чувствую некоторое беспокойство от того, что задаток не дан. Дети и мама строят всякие планы, а я слушаю с восхищением... Действительно, как приятно иметь нечто свое, да притом такое хорошее. Не надо больше думать о приискании дачи, да и никакая дача не пойдет в сравнение с собственным углom» [2].

Конюшня

Н. А. Римский-Корсаков
в Вечаше. 1904 г.

Н. А. Римский-Корсаков
и В. В. Ястребцев в Любенске,
1907 г.

В то лето композитор в Любенске создает оперу «Золотой петушок» по сказке А. С. Пушкина, ведёт активную переписку с либреттистом В. И. Бельским, приглашает приехать в Любенск: «В Любенск мы все влюблены. Надеюсь, что Вы не уклонитесь от приезда (непреренно с ночевкой, которая удобна)» [8].

Цветник у балкона главного дома в Любенске

29 августа Николай Андреевич закончит работу над «Золотым петушком». Свидетелем этого события стал В. В. Ястребцев, близкий друг семьи и биограф: «В половине одиннадцатого Римский-Корсаков принялся за дописывание «Золотого петушка»: оставалось доделать последние 26 тактов оперы. Я же тем временем с Андреем снова прошел в сад, и тут мне были показаны две маленькие, как мы прозвали их «Додоновы пушки», принадлежавшие бывшим владельцам этой усадьбы Бухаровым» [9]. Усадебная ограда тоже получит своё название в честь главного героя оперы — станет называться «Додонова ограда». Ястребцева восхитит и красивая усадьба, в «Воспоминаниях» он напишет: «Любенский сад прелестен: масса красивых аллей, чудные вековые дубы в два обхвата, нечто вроде беседки, образованной 16 дубами, возле дома громадный величественный ясень, кусты белой акации, целые аллеи сирени, астры, настурции, анютины глазки, перед круглым прудом огромная клумба табаку, березовая аллея <...> Все это было необыкновенно красиво» [9].

Благодаря снимкам, сделанным В. Н. Римским-Корсаковым и М. О. Штейнбергом, зятем и учеником Николая Андреевича и переданным в фонд музея, на выставку, можно судить о красоте старинной усадьбы.

В начале сентября Николай Андреевич обговорил с Бухаровой окончательные условия покупки Любенска, и в сентябре была совершена купчая на имя младших детей — Андрея, Владимира и Надежды.

Приятельские отношения между Бухаровыми и Римскими-Корсаковыми продолжают. 9 января 1908 года Александра Викторовна с дочерью Зоей были на вечере у Римских-Корсаковых в числе других гостей. На вечере исполнялись отрывки из «Золотого петушка».

1908 год будет очень тяжёлым для Римских-Корсаковых: всех будут волновать болезнь Николая Андреевича, частые приступы удушья, а проблемы, связанные с постановкой «Золотого петушка», усилят болезнь. На лето семья переедет в Любенск. 21 июня 1908 года в Любенске скончается Н. А. Римский-Корсаков.

Семья Н. А. Римского-Корсакова будет жить в имении до 1920 года. После революционных событий 1917 года возле Любенска был создан совхоз. Шла конфискация земель у владельцев соседних имений, хозяев Любенска пока не трогали. Семья Владимира Николаевича (сына композитора) и Надежды Штейнберг (дочери композитора) жили здесь и зимой, они создали «Любенскую трудовую артель». Но со временем совхоз стал постепенно вытеснять владельцев Любенска, несмотря на поддержку народного комиссара просвещения А. В. Луначарского потомков композитора, пытавшихся отстоять хотя бы часть усадебной земли. Лето 1920 года было последним, когда Римские-Корсаковы жили в Любенске.

Литература:

1. *Римский-Корсаков Н. А.* Летопись моей музыкальной жизни. М.: Гос. Муз. Издательство, 1955.
2. *Римская-Корсакова Т. В.* Н. А. Римский-Корсаков в семье. СПб., 1999.
3. *Васильева Л. В.* // Псков, 2004, № 20.
4. *Мануйлов В. А., Назарова Л. Н.* Лермонтов в Петербурге, 1999.
5. *Аничков С. В.* На рубеже двух веков. Л.: Лениздат, 1981.
6. *Гайдебуров П. П.* Литературное наследие. Воспоминания. Статьи. Режиссёрские экспликации. Выступления. М., 1977.
7. *Гайдебуров П. П.* // Записки Передвижного театра, № 53. Петроград, 1923.
8. *Римский-Корсаков А. Н.* Н. А. Римский-Корсаков. Жизнь и творчество, вып. 5. М.: Музгиз, 1946.
9. *Барсова Л. Г.* Н. А. Римский-Корсаков. Переписка с В. В. Ястребцевым и В. И. Бельским. СПб., 2004.
10. *Ястребцев В. В.* Н. А. Римский-Корсаков. Воспоминания, 1953.

Н. В. Анисимова

Историко-культурный центр Философовых,
пос. Бежаницы, Псковская обл., Россия.
E-mail: muzeibez16@mail.ru

ЗЕМСКИЙ ГЛАСНЫЙ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФИЛОСОВ

Работа посвящена личности Дмитрия Александровича Философова, государственного деятеля конца XIX — начала XX в., владельца имения Усадище Новоржевского уезда Псковской губернии, его участию в делах местного самоуправления губернии и уезда.

Ключевые слова: Философов Д. А., гласный. Новоржевское уездное земское собрание, Псковское губернское земское собрание.

Среди представителей дворянских фамилий немало было ярких личностей, внёсших свою лепту в развитие провинциальной жизни. Благодаря их инициативе и финансовому участию на местах открывались школы, библиотеки, больницы, медицинские пункты и многое другое. К таким людям относились и Философовы, немало сделавшие для развития Бежаниц во второй половине XIX — начале XX в. С проведением земской реформы представители этой фамилии на правах избранных гласных участвовали в делах местного самоуправления на протяжении ряда лет.

Один из них — Дмитрий Александрович Философов (1861—1907 гг.), владелец имения Усадище Новоржевского уезда, сфера деятельности которого была связана с высшими органами государственной власти Российской империи на рубеже XIX и XX веков. Напомним, что государственная служба Философова началась в Министерстве народного просвещения, после окончания в 1885 г. Санкт-Петербургского университета, с 1887 г. он работает в Государственной канцелярии при Государственном Совете. В 1899 г. становится статс-секретарём по Департаменту государственной экономики, а затем Департамента промышленности наук и торговли. В 1901 г. назначен товарищем государственного контролёра в Главном управлении ревизии государственных счетов, в конце 1905 г. возглавил Государственный контроль. Исполняя административные функции, Дмитрий Александрович принимал участие в разработке и принятии законодательных актов по выборам в I Государственную Думу (декабрь 1905

— март 1906 гг.). Летом 1906 г. был назначен на пост министра торговли и промышленности. Человек либеральных и прогрессивных взглядов, умевший высказывать и отстаивать свои позиции, член Государственного Совета — именно в этом качестве он изображён на знаменитом полотне И. Е. Репина, написанном в 1903 г. «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года ...» [1].

Деятельность Д. А. Filosofova была более чем насыщена. Однако он и в делах местного самоуправления старался принимать активное участие. С 1891 по 1907 гг.

избирался Почётным мировым судьёй, в этот же период являлся гласным Новоржевского уездного земского собрания, гласным Псковского губернского земского собрания [7].

В период пребывания членом Новоржевского уездного земского собрания Дмитрий Александрович старался не пропускать заседания и отсутствовал только по уважительным причинам: в 1894 г. — по причине выезда за границу, в 1900 г. — по болезни и с 1902 г. — ввиду сложных служебных обязанностей.

Заседания уездных земских собраний проходили в сентябре-октябре каждого года. В случае решения экстренных вопросов проводились чрезвычайные собрания, в работе которых Дмитрий Александрович старался принимать участие. В 1895 г. состоялось несколько чрезвычайных собраний по решению продовольственных вопросов, ввиду неурожая этих лет и тяжёлого положения крестьян. В июне 1895 г. на таком собрании присутствовал и Filosofov [6]. На очередном собрании этого года обсуждение продовольственных проблем продолжилось. По предложению Filosofova уездное собрание ходатайствовало в губернское об отсрочки возврата недоимок с населения, из-за неурожайности текущего года. Была сформирована ревизионная комиссия под председательством Д. А. Filosofova, где рассматривались просьбы сельских обществ о выдаче им ссуды на продовольствие. Дмитрием Александровичем был подготовлен доклад о мерах борьбы с неурожаем хлебов. Предлагалось ходатайство-

вать в губернское собрание об открытии следующих общественных работ за счёт казны: проведение двух ж/д линий (1 — от Острова до Новоржева и далее на Великие Луки; 2 — от Луги на Порхов, Новоржевский уезд и далее на Великие Луки); осушка болот у Новоржева и Бежаниц («Чисть»). По мнению Философова, благодаря этим работам местное население смогло бы заработать и поправить своё положение. Отдельно предлагал благотворительному комитету организовать сбор пожертвований для отставных нижних чинов, безземельных крестьян, дворовых людей и бобылок. Собранием было принято решение — ходатайствовать через губернское собрание перед правительством об открытии этих работ за счёт казны; направить депутацию от уездного земства в Санкт-Петербург, в надлежащее Министерство в составе: предводителя дворянства Л. Л. Львова, председателя управы П. П. Елагина и гласных Д. А. Философова и В. В. Ковалевского [5, 21–28].

Будучи неоднократно избран председателем ревизионной комиссии, Дмитрий Александрович вплотную занимался проверкой денежных отчётов Земской управы: так, в 1896 г. проверялся денежный отчёт по расходам на хлебные нужды [3, 2–3]. В составе ревизионной комиссии приходилось заниматься решением разных вопросов. В 1898 г. в ревизионную комиссию на проверку был передан Устав эмеритальной кассы Губернской управы. Философовым были сделаны существенные замечания о спорных пунктах этого проекта, впоследствии переданные в Губернскую управу [2, 13].

Особое внимание уделялось решению вопросов здравоохранения и образования. В 1895 г. на контроле у председателя комиссии были переезд бежаницкого медицинского пункта из наёмного дома в помещение бывшей земской школы, открытие библиотеки в Бежаницах и выбор её места размещения. Разработкой правил библиотеки тоже занималась ревизионная комиссия [5; 16, 21–28].

В 1897 г. Философов настаивал на необходимости открытия во 2-м участке уезда очередного фельдшерского пункта в д. Марыни, принимал участие в обсуждении правил предоставления врачам 2-месячного отпуска для занятий научной работой с сохранением содержания, предлагал разработать очерёдность и периодичность — не более 1 раза в три года [4, 26]. В 1898 г. принимал участие в разработке положения о стипендиях Новоржевского земства для образования фельдшерниц-акушеров [2, 66].

Детально прорабатывались вопросы дорожного хозяйства. Создавалась дорожная комиссия, возглавлял которую на протяжении

ряда лет Д. А. Философов. С 1895 г. велись подготовительные работы для проведения дороги через болото «Чисть», недалеко от Бежаниц, от д. Глубоково до д. Стайки. В 1898 г. Дмитрий Александрович представил доклад по вопросу обустройства подъездного пути к ж/д станции Бежаницы. В отношении просёлочных дорог Философов обращал внимание на необходимость улучшения путей, связывающих волостные центры с будущими ж/д станциями [2, 68–77].

Будучи неоднократно избран гласным Псковского губернского земского собрания, Дмитрий Александрович участвовал в очередных заседаниях, проходивших в Пскове. При обсуждении многих вопросов Философов детально вникал в суть дела. В 1893 г. на декабрьском собрании в поддержку Новоржевского и Опочецкого земств высказывался об увеличении жалования ветеринарным врачам за счёт губернских средств, ссылаясь на трудности найти специалистов, готовых работать в уездах. Однако путём голосования ходатайство не было одобрено [12, 23]. Этот вопрос поднимался и три года спустя, но снова безрезультатно. В 1900 г. при отказе собрания в предоставлении учителям народных школ прав на пенсию, Дмитрий Александрович сделал запрос о положении вопроса о земской эмеритуре. Губернской управе было поручено составить проект земской эмеритур к будущей сессии уездных собраний, для обсуждения на местах [11, 10–19].

Зачастую Философова избирали в состав комиссий по решению определённых задач. Так, в 1893 г. Философов вошёл в состав группы из 9 гласных, созданной в помощь Губернской управе для выработки программы действий статистического исследования губернии [12, 43–44]. В дальнейшем неоднократно входил в состав Статистической комиссии. В 1896 г. стал членом комиссии, которая рассматривала отчёты о расходах Псковской льнодельной станции [8, 31]. В 1900 г. был председателем комиссии, рассматривавшей замечания г. Губернатора на уездные сметы и раскладки. В этом же году на заседании рассматривалось предложение о преобразовании издания «Вестник Псковского губернского земства» в местную, общедоступную сельскохозяйственную газету, по примеру Вятской губернии. Поскольку на это требовалось увеличение расходов и предстояло решить ряд организационных вопросов, была создана специальная комиссия из восьми человек, куда вошёл и Дмитрий Александрович. На заседании комиссии он заметил, что в Вятской губернии население почти в 2 раза больше Псковской, по народному образованию стоит далеко впереди, в нашей губернии есть более существенные потребности — такие, как увеличение школ. Поэтому предлагал оставить «Вестник»

в прежнем издании, увеличив средства на гонорары для разнообразия материала. Предложение поддержали [11, 10–19].

Как и в своем уезде, на съездах Губернского земства Д. А. Философов принимал активное участие в решении вопросов дорожного хозяйства. С 1895 г. в течение нескольких лет избирался председателем Дорожной комиссии. В 1896г. на заседании рассматривался План проектируемой железной дороги от Луги на Витебск, проходящей вблизи селений Ашево, Бежаницы, Михайлов погост на Невель, с открытием станции в местечке Сокольники. Для ускорения постройки этой линии, прибывший из Санкт-Петербурга Философов предлагал направить депутацию в столицу. Возглавить депутацию поручили старинному псковскому землевладельцу Николаю Матвеевичу Чихачеву, в её состав вошёл и Дмитрий Александрович [8, 19–21].

По закону от 1 июня 1895 г., земства получили право создавать дорожный капитал. Из него выделялись средства на ремонт дорог по уездам. На заседании 7 декабря 1896 г. Комиссия по вопросам о дорожном капитале, возглавляемая Философовым, рассматривала доклады уездных управ с представленными планами и картами путей сообщения в уездах, описаниями дорог, подлежащих ремонту, сметы расходов и т. д. Для примера, по Новоржевскому уезду Комиссия посчитала возможным отпустить сумму в размере 375 р. на исследования болота «Чисть» и составление технической сметы дороги через болото. Выделены денежные средства на покупку бурава, необходимого для исследовательских работ, на ремонтные работы дорог уезда и на изготовление географической карты дорог Новоржевского уезда в количестве 100 экземпляров [8, 89–94].

В отношении осушения болот губернии Дмитрий Александрович предлагал работать по примеру соседних губерний: создать план осушительных работ, который будет рассматриваться Губернской земской управой совместно с председателем Северной Экспедиции. В ходе заседания комиссии, вопросы по каждому уезду решались отдельно. Не все ходатайства однозначно были удовлетворены. К примеру, в 1897 г. Философов высказывался о нецелесообразности сооружения постоянного моста на р. Великой у д. Селихново Опочецкого уезда, считая, что значение этого тракта утрачивается, в связи с постройкой железной дороги Дно — Сокольники. На этом же собрании были исключены расходы, направленные не на коренное улучшение тракта. Обсуждался вопрос о принятии Псковским губернским земством в своё ведение казённых шоссе. В целом Дмитрий Александрович отмечал, что все указания можно свести к решению 3-х вопросов: 1 — слишком мало отнесено средств на общую сумму; 2 — не принято во внима-

ние проведение железнодорожной линии; 3 — Земство не входило в соглашение с владельцами земель, по которым пролегают дороги, относительно доли участия их в ремонте. Подводя итоги работы Комиссии, 12 декабря Философов выступил с докладом. Для переговоров по принятию в ведение Земства казённых шоссе была избрана комиссия. В состав комиссии вошли: председатель Губернской управы В. П. Горбунов, гласные Д. А. Философов, граф П. А. Гейден и С. М. Неклюдов [9, 40–46]. Вопрос передачи казённых шоссе в Псковское губернское земство решался на протяжении нескольких лет. В 1899 г. вышеуказанная Комиссия была уполномочена вести переговоры на этот счёт с Министерством путей сообщения [10, 3].

На заседании Дорожной комиссии поднимались многие спорные вопросы распределения средств дорожного капитала. К примеру, в 1899 г. обсуждалось выделение средств на постройку моста на реке Шелонь, Философов предлагал перенести этот вопрос на будущую сессию с тем, чтобы Порховская управа подготовила сведения о значимости этого моста для уезда [10, 43]. В 1900 г. поднимался вопрос передачи моста через р. Уда в ведение Уездного земства, ввиду упразднения почтового тракта. Председатель комиссии Философов был против, аргументируя тем, что это вызовет общий пересмотр порядка содержания мостов. Член комиссии В. В. Ковалевский напоминал, что в Ашеве каждое воскресенье, круглый год проходят ярмарки, на которые приезжают жители Порховского уезда, дорога не утрачивает своего значения, а наоборот, облегчает подъезд к железнодорожным станциям. В этом же году, не соглашаясь с мнением Губернской управы, Дмитрий Александрович настаивал на правомерности включения расходов на освещение шоссе от г. Великие Луки до вокзала в средства дорожного капитала. В итоге, ходатайство Великолукского земства было полностью удовлетворено [11, прилож. с.10–19].

Вникая в проблемы уездной жизни, благодаря своему авторитету, во многих вопросах Д. А. Философов мог настоять на принятии того или иного решения. Так, в 1899 г. по его предложению на голосование было вынесено ходатайство Опочецкого земства о выделении из губернских средств дополнительных денежных сумм на приглашение в уезд агрономического смотрителя для развития многопольной системы. В результате, выбор был сделан в пользу Опочецкого земства [10, 41].

Подводя итоги, можно сказать, что Дмитрий Александрович Философов являлся не только известной личностью в кругах высшего общества, государственным деятелем, представителем дворянства,

землевладельцем; не просто человеком, причастным к провинциальной жизни, но и знающим, понимающим все сложности этой жизни; человеком, который содействовал, по мере своих сил, формированию успешного развития родного края.

В настоящее время в Бежаницах сохранилась часовня-усыпальница Д. А. Философова, построенная в 1908 г., и дом, построенный Философовым для своей семьи в 1899 г., послуживший не одному поколению бежанчан и продолжающий играть немалую роль в культурной жизни района.

Литература:

1. *Анисимова Н. В.* Из плеяды реформаторов // Философовские чтения. Сб. материалов Пятых Философовских чтений. Псков. 2013. С. 131–141.
2. Журналы Новоржевского уездного очередного земского собрания сессии 1898 года: прилож. к № 3 «Вестника Пск. Губ. Зем.» за 1899 г. Псков, 1899. С. 101.
3. Новоржевское уездное земское собрание. Журналы Новоржевского Земского Собрания 4 октября 1896 года: прилож. к № 3 «Вестника Пск. Губ. Зем.» за 1897 г. Псков, 1897. С. 72.
4. Новоржевское уездное земское собрание. Журналы Новоржевского Земского Собрания 6 октября 1897 года: прилож. к № 3 «Вестника Пск. Губ. Зем.» за 1898 г. Псков, 1898. 60 с.
5. Новоржевское уездное земское собрание. Журналы Новоржевского очередного уездного земского 8 октября 1895 года: прилож. к № 3 «Вестника Пск. Губ. Зем.» за 1896 г. Псков, 1896. 76 с.
6. Новоржевское уездное земское собрание. Журналы Новоржевского чрезвычайного уездного собрания заседаний 22 апреля и 1 июля 1895 года: прилож. к № 9 «Вестника Пск. Губ. Зем.» за 1895 г. Псков, 1895. 16 с.
7. Памятные книжки Псковской губернии на 1891–1907 гг.
8. Псковское губернское земское собрание. Постановления 32 очередного Псковского губернского земского собрания в съезд 3–15 декабря 1896 года: Приложение к № 1 «Вестника Псковского Губ. Земства» 1897 года. Псков, 1897. 99 с.
9. Псковское губернское земское собрание. Постановления 33 очередного Псковского губернского земского собрания в съезд 2–13 декабря 1897 года: Приложение к № 1 «Вестника Псковского Губ. Земства» 1898 года. Псков, 1898. 91 с.

10. Псковское губернское земское собрание. Постановления 35 очередного Псковского губернского земского собрания в съезд 1–14 декабря 1899 года: Приложение к № 1 «Вестника Псковского Губ. Земства» 1900 года. Псков, 1900. 120 с.
11. Псковское губернское земское собрание. Постановления 36 очередного Псковского губернского земского собрания в съезд 1–14 декабря 1900 года. Псков, 1901. 108 с.
12. Псковское губернское земское собрание. Постановления Псковского губернского земского собрания в съезд 1–16 декабря 1893 года: Приложение к № 1 «Вестника Псковского Губ. Зем.» за 1894 год. Псков, 1894. Сс. 59, 31.

Л. В. Козмина
ФБУК «Государственный музей-заповедник
А. С. Пушкина “Михайловское”»,
пос. Пушкинские Горы, Псковская обл.
E-mail: fummo@rambler.ru

**ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬЦА ПЕТРОВСКОЕ:
К ВОПРОСУ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ КНЯЖЕВИЧЕЙ —
ВЛАДЕЛЬЦЕВ ГАННИБАЛОВСКОЙ ВОТЧИНЫ**

В статье рассказывается о судьбе села Петровское, пожалованного «арапу Петра Великого» императрицей и сохранённого уже его новыми владельцами до 1918 года, начала революционных погромов и поджогов. Здесь повествуется и о трагических судьбах последних владельцев Петровского — дворян Княжевичей, одному из которых удалось сохранить и самую главную реликвию — Жалованную грамоту Абраму Петровичу Ганнибалу на земли в Михайловской губе.

Ключевые слова: Петровское, Ганнибалы, Княжевичи, историческая память.

Мы уже не раз отмечали сложившуюся парадоксальность в контексте эстетического восприятия воссозданного архитектурного ансамбля в мемориальной усадьбе Пушкинского Заповедника [1, с. 33–54]. Дело в том, что имеющиеся документы не показывают ганнибаловских строений, — они лишь свидетельствуют, что предки Пушкина и их наследники владели вотчиной без малого сто лет, с 1742 по 1839 год. Вследствие этого единственным документальным источником являются репродуцированные изображения усадебной архитектуры в журнале «Столица и усадьбы» [2, с. 23–24], «ганнибалскую» подлинность которых удостоверяет последняя владелица усадьбы Клара Фёдоровна Княжевич.

Это и неудивительно, так как в системе ценностных ориентиров образованного семейства быть причастным к сохранению исторического места, связанного с именем легендарного предка Пушкина, имело определяющее значение. Неслучайно они хранили, как наглядный источник, подтверждающий историческую значимость приобретённого имения, Жалованную грамоту императрицы Елизаветы Петровны на наследственное владение А. П. Ганнибалу Михайловской губой, благодаря которой потомки царского арапа стали «родовитыми» дворянами [3].

Их 77-летний период владения усадьбой, на чьих судьбах, по выражению Юрия Трифонова, «лежит отблеск истории», их образованность, их эстетические воззрения, их гостеприимство снижали репутацию культурного очага среди круга друзей и родственников. В. В. Тимофеева-Починковская [4], входившая в близкий круг Княжевичей, отмечала в своих дневниках, что Петровское и Дериглазово были для неё «тем же, чем было Тригорское для А. С. Пушкина: радостным, светлым оазисом в безлюдной и дикой пустыне — настоящим “дворянским гнездом” в стиле Аксакова и Тургенева. Мне было хорошо у них и с ними даже при общих муках за Россию» [5, с. 21].

Родственница Княжевичей В. Д. Лачинова (Шелгунова), в опубликованных воспоминаниях, возвращаясь в «Элизиум» прошлого, ностальгически воскрешает портреты дорогих её сердцу «дворянских гнёзд», переходящих в своего рода «пейзаж души»:

«Петровское когда-то принадлежало одному из предков Пушкина — Ганнибалу, было им продано и в мое время принадлежало К. Ф. Княжевич. Большой деревянный дом с колоннами и бельведером. Перед домом замечательный цветник: левкои громадные, душистые всех оттенков кусты, аллеи душистого гороха, культ клубневых бегоний, оранжерея огненных кактусов. Старинный выхолощенный парк с усыпанными песком и каждый день разграбленными в елочку дорожками. От балкона в сад липовая аллея шириной с проселочную дорогу — иначе липы не могли бы так разрастись. Эта аллея вела к беседке <...> Какой красоты был вид с этой беседки! На противоположном конце озера — Михайловское. <...> Одна из аллей петровского парка шла круто под гору <...> Зимой над этой горой строилась еще высокая деревянная, и что за чудесное было там катанье <...> то в одиночку, то поездом, держась друг за друга, то взволакивая на гору большие дровни, то на коньках, что не всегда хорошо кончалось. Обычно Петровское зимою оживлялось только на рождественских каникулах, когда туда съезжалась масса молодежи из города и из всех соседних имений, как мухи на мед, туда-же стремились соседи. Сколько веселья, оживления и радостей видело тогда Петровское!» [6, с. 242–243].

В Государственном архиве Псковской области (ГАПО) хранятся документы [7], передающие реальные факты и события, произошедшие в жизни главы этого славного семейства — Фёдора (Фридриха) Карловича Компанион (1793–1870). Заслуженный воин, прошедший весь боевой путь Отечественной войны 1812 года: при Могилеве, Смоленске, на Бородинском поле, при Малоярославце, реке Березине, Лейпциге и Магдебурге, происходил из дворян Киевской гу-

бернии. Поощрённый разными боевыми наградами, он 3 декабря 1839 был вознаграждён за военные заслуги орденом св. Георгия 4-й ст. (№ 6016), в статусе которого, в частности, сказано: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается же оно единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя на пользу и славу Российского оружия особенным отличием» [8, с. 37].

После завершения Русско-турецкой войны 1828/29 гг. Ф. К. Компанион в начале 1830-го прибыл в составе расквартированной пехоты с пешею артиллерией Второй Гренадёрской бригады во Псков. И через четыре года, 17 марта 1834, обвенчался в псковской евангелическо-лютеранской церкви святого Иакова [9, с. 103–105] с Klarой Фёдоровной фон Моллер, дочерью Фёдора Васильевича фон Моллера (14.11.1760–27.12.1833), отставного вице-адмирала, главного командира и военного губернатора Кронштадта, происходившего из немецко-балтийского рода, первое упоминание которого относится к 1390 годам. Здесь, в крепости, в год его назначения, 3 марта 1809 родилась Клара Фёдоровна, где прошли её детство и юность. В год её 18-летия, в 1827, Николай I уволил фон Моллера из флота с весьма нелестной резолюцией: «За непростительные беспорядки, явное нерадение к службе и противозаконные действия», хотя брат императора — Александр I, при посещении Кронштадта в 1819 «изъявил к господину военному губернатору монаршее благоволение за найденную во всех частях исправность» [10, с. 106].

В 1840 в чине подполковника Ф.И. Компанион вышел в отставку и супруги с тремя детьми: Klarой (16.12.1834), Фридрих-Готлибом (1837), Елизаветой (1839), переехали в «благоприобретенную» К. Ф. Компанион усадьбу в Опочечком уезде — сельцо Петровское, где в 1841 у них родилась дочь Софья-Луиза. Заботясь об упорочении статуса семьи, Ф. К. Компанион в феврале 1841 обратился в Псковское Дворянское собрание с ходатайством о внесении его с женой в третью часть родословной книги Псковской губернии. Однако Сенат, учитывая его военные заслуги, своим указом от 28 апреля 1860 утвердил весь псковский род Компанионов в потомственном дворянстве, внеся его во вторую часть почётной родословной книги [11, с. 76–86].

После его кончины, последовавшей в 1870 г., Петровское наследует старшая дочь Компанионов — Клара Фёдоровна, которая в 1860 г. обвенчалась с отставным поручиком Иосифом Иосифовичем Княжевичем, сыном польского дворянина И. С. Княжевича (1767–1837) и

Е. К. Княжевич (Нейман), владевшей с 1830 по 1850-е годы бывшим имением Исаака Абрамовича Ганнибала в Воскресенском. Юность И. И. Княжевича прошла в Санкт-Петербурге: здесь он родился 11 июня 1832 г., здесь и учился в Лесном и Межевом институте, по окончании которого служил в разных губерниях России. 12 сентября 1869 г. он был назначен лесным ревизором в Псковскую губернию, и в следующем году Княжевичи переезжают из уездного города Острова в наследное Петровское [12].

В том же 1870-м, 3 августа, у них родился второй сын — Александр Иосифович Княжевич, который жил и служил неотрывно от семейного гнезда, до конца своих дней, окончившихся после 1910 г. По окончании Московской классической гимназии, несмотря на то, что среди дворянства «гражданская служба не была престижной, и в особенности избегало должностей, требующих усидчивых канцелярских занятий» [13, с. 56], в 1892 г. в статусе чиновника 7 класса А. И. Княжевич поступает в штат Канцелярии псковского губернского предводителя дворянства. Нужно сказать, в чиновничьей и общественной карьере он весьма преуспел: сверхштатный старший чиновник особых поручений при губернаторе Псковской губернии А. В. Адлерберге (1893–1898); почётный блюститель Святогорского двухклассного министерского училища; товарищ председателя Совета Святогорского вольного пожарного общества П. Ф. Карпова (с 1903 по 1910) [14].

16 августа 1893 г. А. И. Княжевич обвенчался с дочерью владельца имения Дериглазово Д. Н. Шелгунова — Евгенией Дмитриевной (1872–19??). Молодожёны поселились в Петровском, преобразовывая поместье нововведениями, присущими тенденциям времени. В «Описи построек бывшего имения Петровское, Воронежской волости, Опочецкого уезда, оставленного эвакуировавшимися владельцами в революционное время — в 1917, в 1918 году» [15], значится среди перечисленных строений «амбар каменный, крытый черепицей». Означенная черепица была собственного производства, которая изготавливалась в усадебной мастерской с одним станком и четырёхсотыми шаблонами, открытой Е. Д. Княжевич в 1913 г. [16, с. 95].

В Петровском родились их дети — сын Сергей (20.06.1895–7.07.1952, Москва) и дочь Татьяна (27.05.1899–?), которая, согласно дневниковым записям Починковской, вместе с матерью собирала материал для работы над книгой о Пушкине. К пушкинской усадьбе, надо сказать, Княжевичи относились с большим почтением. Когда в ночь с 22 на 23 июля в 1908 г. случился пожар, Александр Иосифович принял непосредственное участие в его тушении, прибыв тотчас со своей пожарной дружиной в Михайловское.

Петровское. Старая липовая аллея въ паркѣ.

Фоторепродукции из ж. «Столица и усадьбы». № 19–20. 1914 г.

Петровское. Видъ на домъ съ цвѣтникомъ.

Петровское. Княжевичи. Фото 1910-х годов.
Архив Пушкинского Заповедника

Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны
Абраму Ганнибалу на владение Михайловской губой. 1746 г.

Варвара Васильевна Тимофеева-Починковская
за столом в своём кабинете Дома писателей в Михайловском.
Фото 1910-х гг.

Серебряный подстаканник
с дарственной надписью:
*«4 эскадрон Лейб-гвардии
Конно-гренадерского полка
от 3 взвода Бывшему нашему отцу
Командиру Федору
Осиповичу Княжевичу»*

Внизу продолжение надписи:
*«и от 4 вз. Командиру нашему
Поручику Федору
Осиповичу Княжевичу на память
от нижних чинов. 1 мая 1887 г.»*

Мария Александровна Гаррис [Каллаш], описавшая подробно «Пушкинский уголок» 1910/20-х годов (на основе своих субъективных впечатлений и бесед с В. В. Тимофеевой-Починковской, С. Б. Вревской и М. И. Пальмовым [17]), передаёт рассказ о спасении из горящего дома фрагмента «пушкинской сосны» тринадцатилетним сыном А. И. Княжевича, «страстным поклонником Пушкина», который «бросился, рискуя жизнью, в палящий дом, чтобы спасти этот обрубок» [18, с. 97–99]. Однако в тогдашней огненной эпопеи дом Г. А. Пушкина, выкупленный в преддверии 100-летнего юбилея со дня рождения А. С. Пушкина в пользу государства, отстоять не получилось. Удалось спасти флигель, за которым укрепилось твёрдое название — «домик няни».

Старший сын Княжевичей Фёдор Иосифович, родившийся 24 марта 1861 г., полностью посвятил себя военному поприщу. Отправной точкой его становления следует считать обучение в Реальном училище «Петришуле» при лютеранском приходе Святых Апостолов Петра и Павла [19, с. 65], куда он был определён в 1876 году. И через два года, по его завершении, поступает в Николаевское кавалерийское училище, выпускниками которого были многие видные представители военной и культурной элиты России, среди них М. Ю. Лермонтов (1834) и М. П. Мусоргский (1856). Закончив училище в 1880 г., он был выпущен прапорщиком в Лейб-гвардии Конно-гренадерский полк. Дальнейший его карьерный рост следует безостановочно: корнет (1882), поручик (1885), штабс-ротмистр (1889), адъютант Николаевского кавалерийского училища (1889), ротмистр (24.03.1896), помощник ст. адъютанта штаба войск Гвардии и С-Петербургского Военного Округа (с 02.11.1896), полковник (09.04.1900), правитель канцелярии того же штаба (с 09.04.1900) [20].

18 апреля 1910 г. Ф. И. Княжевич получает звание генерал-майора с назначением поручений при Главнокомандующем войсками Гвардии и С-Петербургского Военного округа, при этом продолжая исполнять одновременно обязанности директора Красносельского театра, предназначенного для развлечения гвардейских офицеров во время летних учений, проводимых под Красным Селом. На спектаклях часто присутствовали члены императорской семьи. Выступали выдающиеся актёры: М. Н. Ермолова, по словам Станиславского, — величайшая из виденных им актёров; М. Г. Савина, В. Ф. Комиссаржевская, а также молодые балерины, в частности начинающая танцовщица А. Я. Ваганова. Нередко с концертами бывал Фёдор Шаляпин. В своих воспоминаниях директор Императорских театров В. А. Теляковский сообщает, что «артисты, кроме установленного го-

норара, получали в конце летнего сезона подарки в виде серебра разного назначения и цены. Подарками этими ведал управляющий Красносельским театром, в должности которого довольно долго находился полковник, а потом генерал Ф. И. Княжевич» [21, с. 16].

В качестве генерала для поручений при Главнокомандующем он входил в созданную по указу императора Николая II Комиссию по улучшению музыкального дела в армии и флоте. Первое заседание, на котором присутствовал Ф. И. Княжевич, состоялось 10 мая 1910 г. под председательством начальника Придворного оркестра генерал-лейтенанта барона К. К. Штакельберга, в ходе которого были определены цели и задачи Комиссии: составление Положения о военной музыке и о капельмейстерах, где определялось создавать высокопрофессиональные аранжировки гимна А. Ф. Львова «Боже, царя храни», отвечавшие запросам своего времени [22].

Женат он был на представительнице древне го и знатного рода Ган, выехавшего из Мекленбурга во времена Екатерины II, баронессе Ольге Дмитриевне (15.08.1863–23.02.1930), отец которой, Дмитрий Карлович Ган (1830–1907), — генерал от инфантерии, один из создателей и первый Инспектор Отдельного корпуса Пограничной Стражи при Министерстве финансов. Детей у супружеской четы не было. В справочных книгах Петербурга означены их адреса проживания, список которых замыкает квартира в доме № 7 на Лермонтовском проспекте. Ольге Дмитриевне, в отличие от её мужа, удалось избежать красный террор, эмигрировать в Париж, где она и скончалась 23 февраля 1930 в Русском Доме в Сент-Женевьев-де-Буа.

В годы Первой мировой войны Ф. И. Княжевич воевал на Румынском фронте. С февраля 1915-го исполнял обязанности генерала

Фед. Иос. Княжевичъ.
нынешній директоръ Красносельскаго театра.

Ломачевский А. А. Воспоминания о Красносельском театре. Ил. 5. Репрод. 1. С. 18–20 / ж. Столица и усадьба. № 12, 13. 1 июля 1914 г.

для поручений при командующем 6-й Отдельной армией Константине Петровиче Фан-дер-Флите, в задачу которой входила оборона Петербурга (Петрограда) и побережья Балтийского моря на случай высадки войск противника. Заслуженный боевой офицер Русской Императорской армии, награждённый многими боевыми орденами, в числе которых значатся Св. Анны 2-й ст. (1899), Св. Владимира 3-й ст. (1905), Св. Станислава 1-й ст. (1913), Св. Анны 1-й ст. (1915), сохранял верность монархии. И вследствие непреклонности был расстрелян большевиками в 1918 году [23, с. 234]. При каких обстоятельствах он подвергся физическому уничтожению, установить не удалось, т. к. место его расстрела и захоронения неизвестно.

Однако, перефразируя Константина Батюшкова, «память сердца» забвения не знает. Из небытия возникают предметы, хранящие память о незаурядном представителе семейства Княжевичей. В частности, на торгах, проходивших в Петербурге 8 ноября 2008 г. в аукционном доме «ЗнакЪ», был выставлен серебряный подстаканник с дарственной надписью: *«4 эскадрон Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка от 3 взвода Бывшему нашему отцу Командиру Федору Осиповичу Княжевичу и от 4 взвода Командиру нашему Поручику Федору Осиповичу Княжевичу на память от нижних чинов. 1 мая 1887 г.»* [24].

Его образ живо предстает на страницах автобиографического очерка В. В. Тимофеевой-Починковской «Шесть лет в Михайловском»:

«Из Дериглазово, где мы завтракали, меня увезли на весь день в Петровское. Телеграммы в газетах Федор Осипович (старший сын Клары Фёдоровны, бывший директор Красносельского театра и флигель-адъютант главнокомандующего Петроградского округа) прочитал нам на пороге в полутемной передней. <...>

Федор Осипыч поднялся к себе наверх. Мы с Klarой Федоровной сидели вдвоем в библиотеке. Она вязала, а ей читала газеты. И вдруг я слышу — рядом, в зале, звуки фортепиано: мягкие, бурные, перекатные волны... Я выглянула из-за двери. Федор Осипович сидел — при мне впервые — за роялем. Он играл без нот, и я вóвремя догадалась, что это была за музыка.

— Импровизация? — шепнула я Klаре Федоровне.

— Да! Он всегда так неожиданно. И всегда у него это чудно выходит. Но это редко с ним бывает... при других.

...Как будто гул далекого-далекого океана... То грозные, скорбные, то мягко-ласкающие, звучные переливы... Я слушаю эти волнующие звуки, и слезы невольно навертываются у меня на глаза, и

сердце щемит мучительной болью — точно жизнь моя, все мое прошлое проходит тут предо мной в ярких и бурных, и радостно-нежных картинах. Мои прошлые дни... И не только мои, но всех нас, наши русские, навек унесенные теперь дни... <...>

Всю обратную дорогу домой, уже поздним вечером, мне слышались эти вопли Кассандры, эти аккорды неотвратимой судьбы и вспоминались другие аккорды Гомеровой “Илиады”: “Будет некогда день — и погибнет священная Троя, Старец погибнет Приам и народ копыеносца Приама...” Ананке! Судьба!» [5, с. 23].

Это пронзительно эмоциональное описание поездки Тимофеевой к Княжевичам в октябре 1917, за четыре месяца до гибели Петровского, Михайловского и всех окрестных «дворянских гнезд», транслирует тревожное состояние наползающего безумства революционного разгула. И вместе с тем передаёт щемящую грусть последнего, прощального свидания Ф. И. Княжевича с родимым домом.

Трагический финал физического истребления устоявшихся традиций усадебной жизни, где всё было образовано и определено на многие годы вперёд, передаёт в своих мемуарах В. Д. Лачинова:

«17 февраля 1918 [25] рано утром к сестре моей (Евгении Дмитриевне Княжевич — Л. К.), жившей в Петровском, прибежали сказать, что толпы людей, одетых в солдатское платье, громят соседния имения, лежащие по большой дороге от города Острова. <...> Следующее имение было наше Дериглазово. Она бросилась туда, но застала уже картину полного погрома <...> Тогда она побежала в Петровское, где застала ту же картину: так же выкинут из окна рояль, так же пылает дом. И старушка, владелица имения, К. Ф. Княжевич в полном отчаянии. Но этого мало. Ея кучер Ефим, который у нея служил десятки лет и которому она привыкла доверять, предложил ей все, что она хочет спасти, передать ему. Она так и сделала, вручив ему все, что наспех сумела собрать. Но доехав с ней до поворота в его деревню, он ей сказал: «Ну, а теперь, барыня, слезай, тут нам с тобой больше не по дороге». — «Да что ты, Ефимушка, да как же это так?» — «А вот так, раньше был Ефимушка, а теперь стал Ефим Памфилич». И остались обе бедныя женщины только в том, что на них было. Идя к священнику, на наш погост в Ворониче, им пришлось проходить мимо Михайловского. Оно тоже всё пылало...» [6, с. 224–245].

В 70-е годы ушедшего столетия, собирая материалы касательно исторических реалий Петровского, нам удалось записать (с сохранением диалекта данной местности) рассказы старожилов. О «старой барыне» они отзывались с неподдельным сожалением, в особенности

Е. Е. Дроздова (1897–1986), служившая горничной в доме Княжевичей, характеризуя свою хозяйку сочувственными эпитетами «добрая, сердечная». С. Е. Васильева (1919–2007), ссылаясь на то, «как сказывала матка моя», утверждала: «Барыню старую завез Яфим, ён был из наших» (т. е. из деревни Федорыгино, откуда и она была родом; входила в число пожалованных деревень А. П. Ганнибалу имп. Елизаветой Петровной в 1742 году — *Л. К.*). На расспросы о невестке К. Ф. Княжевич, она отреагировала одной фразой: «А куды делася яённая молодуха мне ня ведомо». Вопрос этот остаётся открытым, т. к. не обнаружено никаких сведений о дальнейшей судьбе Е. Д. Княжевич. Нет сведений, касающихся Т. А. Княжевич, дочери А. И. и Е. Д. Княжевич.

Пережившему хаос революционных погромов их сыну Сергею Александровичу в полной мере выпало испытать судьбу истребляющего сословия в период сталинских репрессий. Обретя профессию инженера-строителя, С. А. Княжевич после окончания гражданской войны работал по специальности в Ленинграде. Именно он каким-то образом сберёг Жалованную грамоту, передав в 1924 г. этот ганнибальский раритет в Пушкинский Дом, который в настоящее время представлен в экспозиции основной литературно-монографической выставке «А. С. Пушкин. Жизнь и творчество» Всероссийского музея А. С. Пушкина.

В адресной книге за 1928/1929 годы [26] местом проживания его с женой Александрой Павловной Княжевич значится: ул. Восстания, дом 31. В эти годы по стране прокатилась волна арестов, особой чистке подвергались специалисты из дворян. 23 июля 1928 г. С. А. Княжевич был арестован и 31 января 1929 приговорен к пяти годам Исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) с отправкой в Соловецкий лагерь особого назначения. В июне 1929-го А. П. Княжевич обратилась с ходатайством в Помполит о пересмотре дела мужа [27]. Но дело усугубилось. В октябре этого года в числе пятидесяти одного осуждённого Княжевич обвинялся в создании контрреволюционной организации из заключённых с целью вооружённого восстания и массового побега за границу. Однако в ходе расследования по выдвинутому делу доказательств в наличии контрреволюционного умысла не было обнаружено. Приговор 15-ти заключенным, среди которых значился С. А. Княжевич, к высшей мере наказания был заменён заключением в концлагерь сроком на десять лет [28, с. 298–309]. В это же страшное время 1929 года на Соловецких островах отбывал срок Д. С. Лихачёв, обрисовавший эти расстрельные акты в своих воспоминаниях [29, с. 262].

Так в этом вихре «окаянных дней» закончилась жизнь благородного семейства, берегающего усадебный мир Петровского, хранящих историческую память о его первостроителе — А. П. Ганнибале, литературный образ которого предстаёт на страницах пушкинского романа «Арап Петра Великого».

Литература, примечания:

1. *Козмина Л. В.* История и мифы в судьбе Петровского // Сб. Михайловская Пушкиниана. Выпуск 37. Пушкинские Горы. М., 2005. Сс. 138–146; «Ганнибаловский миф» в зеркале фактов // Сб. Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст. Вып. 9. Арзамас, 2007.
2. Столица и усадьбы. № 19–20. Петроград. 10 окт. 1914.
3. Грамоте М. В. Коротова (1802–1889), незаконнорожденная дочь В. П. Ганнибала (1780–25.12.1839), не придавала особого значения: Петровское не могло ей принадлежать, вследствие этого, покидая в 1840 г. дом, документ был попросту выпущен из виду.
4. *Тимофеева В. В.* (псевд. О. Починковская; 1850–1931) — автор романов, повестей и очерков-мемуаров. В нач. 70-х — корректор в типографии Траншеля, где печатался еженедельник кн. Мещерского «Гражданин», выходявший под редакцией Ф. М. Достоевского. В 1900 г. опубликовала воспоминания о Достоевском в «Очерках прошлого» в приложении к еженедельнику «Книжки недели» (с № 4 по 12), заслужившие похвалу Л. Н. Толстого (См.: его письмо к М. О. Меньшикову, сентябрь, 1900 — Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 72, стр. 462). С лета 1911 г. жила в колонии для престарелых и неимущих литераторов, открытой в Михайловском в память о поэте.
5. *Давыдов А. И.* Воспоминания В. В. Тимофеевой-Починковской. «Шесть лет в Михайловском» // Сб. Михайловская Пушкиниана. Вып. 1. М., 1996.
6. *Лачинова В.* Пушкинские места в 90-х гг. (Из воспоминаний) // См.: Современные записки (Annales Contemporaines): Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал. Вып. № 63. Париж: Русская типография Е. А. Гутенова. 1937. Эмигрантика [Сайт] 2009–2017. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.emigrantika.ru/news/7-sovremen>
7. ГАПО. Ф. 110. оп.1. д. 411, 425. лл. 26–29.
8. *Дуров В. А.* Ордена России. М., 1993.
9. *Левин Н. Ф.* Псков на старых открытках. Вып. 2. Псков, 2003.

10. *Герхен Т. В.* Адмирал Антон Моллер. Из истории Морского министерства России первой половины XIX в. // См.: Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 8. СПб., 2014.
11. *Дворянские роды Российской империи.* СПб., 1994.
12. *И. И. Княжевич* скончался 22 апр. 1885 в Петровском; погребён на Воскресенском кладбище д. Воронич. Установленный надгробный мраморный памятник сохранил нижнюю часть обелиска с означенной именной рамкой и годами жизни усопшего; венчающая часть обелиска утрачена.
13. *Евреинов В. И.* Гражданское чиновничество в России: Ист. очерк. СПб., 1887.
14. Коллекция. Памятные книжки Псковской губернии (1895; 1897; 1903; 1905 и 1906; 1907; 1910 гг.) — Электронная библиотека «Псковiana». [Электронный ресурс]: URL: pskovbook.ru/collections/pamatnaya-kniga/pskov ВФГАПО. Ф. 444, оп.1, ед. хр. 286.
15. *Фролова Л. А.* Производство черепицы в Псковской губернии (конец XIX — начало XX в.). Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал. № 31. 2009. С. 95.
16. *Пальмов Михаил Иванович* (1858–1917) с 1884 г. являлся управляющим имения Тригорское.
17. *Гаррис.* Уголок Пушкина. С фотографическими снимками. М.; Пг: Гос. изд-во, 1923.
18. Списки учеников Петришуле с 1862 по 1912 год. Составитель: Герман Гельд. СПб, 1913.
19. *Офицеры Русской Императорской Армии:* [Электронная база данных и фотоархив офицеров и формирований Русской Императорской Армии начала XX века]. [Электронный ресурс]: URL: <http://gia1914.info/index.php?title>
20. *Теляковский В. А.* Воспоминания. Л. — М., 1965.
21. *Копытова Г. В.* Комиссия по улучшению музыкального дела в армии и флоте и Комиссия по рассмотрению народного гимна (обзор материалов) // См.: Гимн А. Ф. Львова «Боже, царя храни!» в культурной и политической жизни Императорской России. СПб., 2014. Сс. 75–77. Под редакцией Н. А. Огарковой – ФГБНИУ «Российский институт истории искусств» [Сайт], 2012. [Электронный ресурс]: URL: <https://hymn.artcenter.ru/book/5>
22. *Волков С. В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М.: «Русский путь». 2002.

Петровское. Фото Т. Вересовой, август 2018 г.

23. Аукцион № 5 «QUINTA» — 08.11.2008: Аукционный дом Знак. [Сайт] 2005–2016. [Электронный ресурс]: URL: www.znak-auction.ru/archive/8/21.htm
24. Петровское и Михайловское было сожжено 19 фев. 1918, днём раньше, 18 фев., Тригорское и Дериглазово, родовое имение В. Д. Лачиновой.
25. Весь Ленинград и Ленинградская область: адресная и справочная книга на 1928 год; на 1929 год. Ч. 1. Весь Ленинград. Ч. 2. Ленинградская область. Л.: Орготдел Ленингр. Обл. исполкома и Ленинградского Совета, 1929. 1514 с. Российская национальная библиотека (РНБ). [Сайт], 1998–2016. [Электронный ресурс]: URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020014/view#page=1090>
26. Заклеймённые властью // Международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество Мемориал. [Сайт], 2016. [Электронный ресурс]: URL: [https:// pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Kv.html](https://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Kv.html)
27. *Дойков Юрий*. Архангельские тени. Т. I (1908–1942). Архангельск. 2008.
28. *Лихачев Д. С.* Воспоминания. СПб., 2000.

С. В. Касаткина,

Заволжский художественно-краеведческий музей,

Ивановская область, Россия.

E-mail: kasatkinas68@mail.ru

УСАДЬБА ТАТИЩЕВЫХ В ВИЧУГЕ

В статье исследуется вопрос развития усадьбы дворян Татищевых в Вичуге (Ивановская область) в XIX веке. Дается характеристика владельцев усадьбы, определяется связь реальных событий, связанных с продажей имения и содержанием пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад».

Ключевые слова: усадьба, дворяне Татищевы, художественная коллекция, разорение усадьбы, Ивановская область.

В Ивановской области известно здание в Старой Вичуге — особняк Татищевых — памятник, который относится к дворянским усадебным сооружениям начала XIX века, «один из лучших в области усадебных комплексов в стиле классицизма» [8, с. 163].

Сохранилось первое описание особняка Татищевых в Вичуге, которое оставил в 1824 году князь А. Козловский. В это время село Вичуга принадлежало действительному камергеру Сергею Павловичу Татищеву. А. Д. Козловский отмечал: «Через площадь от церкви, помещичий каменный замок, недавно построенный дом. В комнатах его находится довольно итальянских и наших лучших художников картин. При выезде из села находится другой летний дом, окруженный обширным и прекрасным английским садом, коим протекает речка Вичуга. По живописным берегам её устроены в несколько рядов дорожки, посаженные разнообразными английскими кустарниками и тополями (чего в том краю нигде, кроме Вичуги, нет). За сими дорожками довольно большой круглый пруд с высоким посреди него островом; неравные берега придают натуральный вид и пруд более кажется чистым озером, природою произведенным; у берегов сих находятся обширные оранжереи, из коих одна заключает американские растения, удивляющие своею огромностью. Напротив сего летнего дома возле густой чистой березовой рощи выстроен каменный с колоннами корпус, служащий кладовыми для поваров» [4, с. 127–128].

В настоящее время «в комплекс входят главный дом, служебный корпус и пейзажный парк. Другие постройки усадьбы — церковь

Троицы (1801 г.) деревянный летний дом, оранжереи — не сохранились ... Особенность пейзажного парка — искусственный круглый пруд с насыпным островом» [8, с. 162–164]. Местные жители называют этот остров шишкой.

Строительство дворца Татищевых связывают с именем Марицелли. В 1802–1803 годах Д. П. Татищев, брат С. П. Татищева, был посланником в Неаполе. В марте 1803 года он был вызван в Россию. Возможно, тогда он и привез Марицелли в Россию и «передал» его своему брату. То, что у Сергея Татищева был собственный архитектор, упоминается в некоторых публикациях [9].

В документах и литературе Марицелли именуют то Яковом Яковлевичем, то Иваном Ивановичем, то Марицелло, то Марицелло, а иногда как «немец из Турина». Идёт же речь во всех случаях о Гауденцио Марицелли, родом из швейцарского города Тесина. Он строил в России по всей Верхней Волге вплоть до Казани.

Тридцатилетняя работа зодчего в Поволжье сыграла определенную позитивную роль в развитии местной архитектуры эпохи классицизма. Архитектор перенимал опыт русского зодчества и сам, в свою очередь, знакомил местных архитекторов с европейскими архитектурными идеями, стилями, инженерными решениями. Л. А. Шлычков указывал, что Г. Марицелли за годы работы в России выработал свой собственный стиль, в котором соединились формы русского провинциального зодчества и элементы итальянской архитектуры эпохи Возрождения [11].

Дворец Татищева — стилистически целен. Это двухэтажное здание усложненного П-образного плана. Главный и парковый фасады его одинаково парадны. В центре их, приподнятые над линией кровли, четырёхколонные портики. В скошенных углах здания выступают арки с балконами, которые поддерживаются двумя парами колонн.

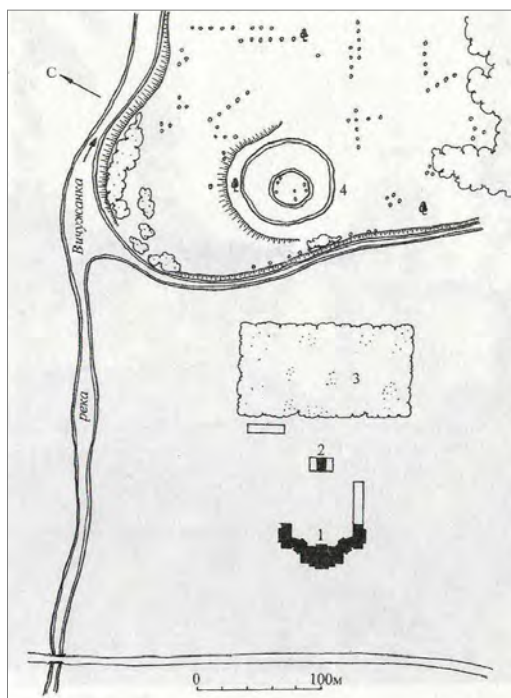
Во дворце заложена лёгкость, присущая южным постройкам (портики-балконы, «итальянские» окна). Все это позволяет согласиться с тем, что дворец был спроектирован Марицелли [1].

Что удалось узнать о Татищевых из Вичуги?

По исследованиям костромского краеведа А. А. Григорова, историк В. Н. Татищев и С. П. Татищев из Вичуги были из одного рода, основоположником которого являлся Василий Юрьевич Татъищ, наместник Новгородский. Григоров в то же время отмечал, что «вичужские Татищевы никогда не были возведены в графское достоинство» [3, с. 173–174].

Усадьба Татишевых в Вичуге

Усадьба
С. П. Татищева.
Генплан:
1 — главный дом;
2 — службы;
3 — партерный сад;
4 — пруд с островом

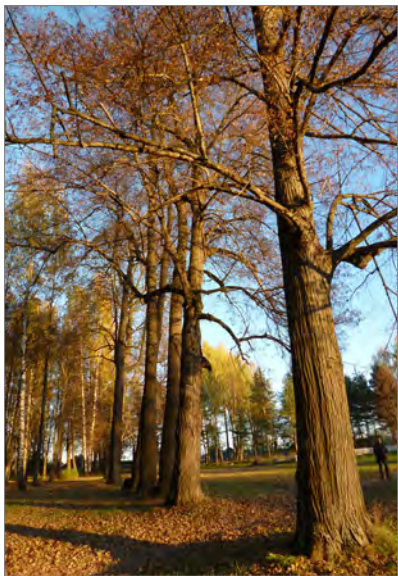
Вичуга. Троицкий собор, 1912 г.

Хозяйственная постройка усадьбы. 2013 г.

Пруд с островом в усадьбе. 2013 г.

В парке. 2013 г.

Могила Д. П. Татищева
в с. Татищев Погост

Надворный советник Павел Сергеевич Татищев (ум. 1780) был женат на Марии Яковлевне Аршеневской (1750–1830). Она была дочерью нижегородского губернатора Я. С. Аршеневского. В семье Татищевых было два сына, Дмитрий (1767–1845) и Сергей (1771–1844), дочери Екатерина, Мария, Елизавета [12].

Татищевы, кроме Вичуги, владели в Ярославской губернии, недалеко от Ростова, имением Татищев Погост. Брат Сергея Павловича Дмитрий Павлович жил в основном за границей, а в ярославском имении жила их мать Мария Яковлевна Татищева с дочерью Елизаветой Павловной [9].

Делами Татищева Погоста в отсутствие брата занимался Сергей Павлович Татищев. В начале 1830-х годов он переселил туда часть вичугских крепостных — как оказалось, истых раскольников. Они заразили расколом ближнюю и дальнюю округу. В 1832 году один из переселенцев, тоскуя по родине, поджёг усадебный дом. В результате сгорела не только усадьба, но и почти всё село. Сестра С. П. Татищева была вынуждена переехать в Ростов, а мать переехала к сыну в Вичугу, здесь она умерла и была похоронена у Троицкой церкви [Там же]. Храм этот не сохранился, а вот надгробный памятник с её могилы сегодня можно увидеть в музее в Старой Вичуге.

Впоследствии Татищев Погост принадлежал дочери С. П. Татищева, Марии Сергеевне Эйхлер. В 1860-е годы усадьба была в упадке, а усадебный дом был разобран на кирпич.

Тропинин В. А. Портрет Татищева Дмитрия Павловича. 1838 г.

Несколько слов необходимо сказать о Дмитрие Павловиче Татищеве. Он принадлежал к числу умнейших людей своего времени и занимал блестящую степень в дипломатическом кругу. Он был послом в Мадриде, Неаполе, Вене. Являлся одним из крупнейших русских коллекционеров. Во время наполеоновских войн, когда разорялись лучшие семейства Европы, он за бесценок скупал европейские шедевры искусства и старинное оружие. В Петербурге он построил специальный дом для своих коллекций. После его смерти коллекции были завешаны царю и пополнили сокровищницу Эрмитажа [Там же]. В 1846 году

коллекцию перевезли в Зимний дворец. Собрание было настолько обширным, что из 185 картин 60 было решено отправить в Москву для украшения залов Кремлевского дворца. Многие скульптуры были перевезены в Петергоф, а оружейные экспонаты отправили в Царско-сельский арсенал [5].

Д. П. Татищев являлся членом Академии Художеств. В его коллекции оказались картины Леонардо да Винчи, Ван Эйка, Рафаэля, Робера Кампена, Леонардо, многочисленные работы испанских мастеров, в то время ещё мало известных; скульптуры, оружие, мебель, а также уникальное по своей ценности собрание резных камней (гемм) [Там же].

Кроме усадьбы Татищев Погост, двух домов в Петербурге, Д. П. Татищеву принадлежал доходный дом в Москве на Кузнецком Мосту. После его смерти все его владения перешли племяннице — дочери Сергея Павловича, Марии Сергеевне Эйхлер.

Сергей Павлович Татищев (1771–1844 или 1849) — «действительный камергер и разных орденов кавалер, действительный статский советник. В 1788–1790 годах участвовал в чине подпоручика лейб-гвардии Измайловского полка в войне со Швецией. В 1812 году в чине генерал-майора был командиром бригады Костромского ополчения. Участник осады и взятия крепости Глогау в апреле 1814 года» [3, с. 152–153]. В Париже он передал ключи от крепости императору Александру I. За это отличие Татищев был награждён орденами Святой Анны 2-й степени, Красного Орла 2-го класса [13]. С 1818 по 1830 годы он — Костромской губернский предводитель дворянства [3, с. 152–153].

Вместе с братом Дмитрием Сергей Павлович изображён на знаменитой картине Григория Чернецова «Парад и молебствие по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге». Это единственное известное изображение С. П. Татищева [13].

Скончался в сентябре 1844 года и был похоронен в селе Вичуга. Могила утрачена. Сергей Павлович был женат на Софии Ивановне Юнг (ум. август 1847). В браке родились: Мария (1830–1873), Павел (1840–1857) [Там же].

Павел умер в возрасте 17 лет. О детях С. П. Татищева в своих воспоминаниях сообщал А. Н. Куломзин: «Последний из рода Татищевых был щедушный мальчик, сирота, которого возили по Москве четвёркой цугом и который рано умер от истощения. Красивая его сестра, единственная наследница громадного состояния, вышла замуж за домашнего гувернера её брата — Эйхлера» [7, л. 7].

Г. Чернецов. Парад по случаю окончания военных действий в Царстве Польском 6 октября 1831 года на Царицыном лугу в Петербурге. Фрагмент: Братья Сергей и Дмитрий Татищевы

О Марии Сергеевне Эйхлер исследователь И. В. Матершев сообщает, что она родилась в Вичуге в 1830 году и детские годы провела в родовом гнезде, которое при ее отце достигло расцвета [6].

Она была последней владелицей Вичуги. А. А. Григоров называет годы её жизни — 1830–1873 и отмечает, что она владела имением с 1858 года [3, с. 173–174]. В Ведомости имения за этот год [2] отмечалось, что «во владении 891 мужская и 972 женских души, село Вичуга и деревни: Козлова, Левина, Яшина, Никоновская, Мичковка, Гари, Рокотова, Бортиха, Яснево. Всея земли, принадлежащей Эйхлер 5 422 десятины, в пользовании крестьян 4 707 десятин, остальное — в пользовании помещицы» [Там же].

Дворовых людей при имении числилось 82 души, из них должностных при хозяйстве 18 человек. В документе отмечалось, что расход, употребляемый на дворовых людей, превышает получаемые от них выгоды [Там же].

В селе имелись две господские усадьбы, одна каменная находилась в самом селе, другая, деревянная, — в некотором отдалении. В середине села между домами крестьян и господской усадьбой были устроены принадлежащие помещице торговые заведения. Далее в документе отмечалось, что «село Вичуга, приобретшее по всей России большую известность своею фабричною и торговой промышленностью, не может быть сравнено с другими селами и деревнями не только Кинешемского уезда, но и всей Костромской губернии» [Там

же]. Далее отмечалось, что во всех деревнях, принадлежащих Эйхлер, крестьяне постоянно предаются фабричной промышленности, главный и исключительный промысел каждого семейства состоит в ткани льняных и бумажных изделий [Там же]. Накануне реформы 1861 года усадьба Эйхлер в Вичуге была в центре фабричной и торговой промышленности, что являлось исключением даже в Костромской губернии. Среди крепостных были владельцы промышленных предприятий, которые приносили помещице немалый доход. Среди её бывших крепостных значились представители семей фабрикантов Разореновых, Миндовских.

Несмотря на большие доходы от столичных домов, Эйхлеры наделали огромные долги (более 100 тысяч рублей). Как вспоминал А. Н. Куломзин, «Они повели светскую жизнь, выше своих средств, с поездками за границу, с шумным весельем всюду, куда появлялись. Перед самым освобождением крестьян, они провели зиму в Вичуге, куда съезжался на их пиршества весь уезд. (...). Семья эта, в конце концов, разорилась, роскошная мебель усадьбы была распродана за бесценок, а дом со всеми оставшимися за наделом землями — всё было продано местным фабрикантам» [7].

По сообщениям И. В. Матершева, в 1872 году имение М. С. Эйхлер было выставлено на продажу за долги. Общая стоимость его определялась в 30 000 рублей. Приобрёл его известный купец И. А. Миндовский [6].

Возможно, М. С. Эйхлер тяжело переживала потерю родового гнезда. В 1873 году после описанных событий она умерла в возрасте 43 лет.

Про мужа Марии Сергеевны Адольфа Эйхлера известно только то, что он был титулярным советником и что в 1882 году к нему был предъявлен иск по взысканию старых, солидарных с женой долгов.

В семье Эйхлер было двое детей: Дмитрий и Екатерина. Екатерина Адольфовна, в замужестве Бобрикова, — жена генерала от инфантерии Георгия Ивановича Бобрикова (1840–1924), участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг., георгиевского кавалера, военного публициста [Там же].

Дмитрий Адольфович Эйхлер (1854–1932) — гофмейстер, действительный статский советник, дипломат, в 1897–1912 гг. — министр-резидент при дворе великого герцогства Баден. Был женат на Надежде Сергеевне Танеевой, дочери главноуправляющего 1-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии [10].

Исследователь И. В. Матершев считает, что крах рода Татищевых и история продажи вичугского имения совпадают с содержанием «Вишнёвого сада» А. П. Чехова и являются теми реальными событиями, на основе которых было создано художественное произведение [6]. Он сообщает: «До сих пор убедительных прототипов главных героев и в целом истории, аналогичной той, что показана в пьесе, чеховедами названо не было. За «Вишнёвым садом» скрывается драматическая история продажи вичугского имения Татищевых, где прототипами Раневской и Лопухина являются вичужане Мария Эйхлер и Иван Миндовский» [Там же].

По иронии судьбы, именно с Дмитрием Эйхлером связаны два важных момента, непосредственно касающиеся создателя «Вишнёвого сада». Как известно, Чехов умер в ночь на 2 июля 1904 году на немецком курорте Баденвейлере. Городок Баденвейлер входил в состав великого герцогства Баден, русским посланником в котором, как говорилось выше, и был Дмитрий Эйхлер. Книппер-Чехова вспоминала: «В 7 ч. утра пришел наш министр-резидент при Баденском дворе, Д. Эйхлер, молча встал на колени, поклонился...». И именно он, Дмитрий Адольфович, взял на себя все хлопоты по транспортировке тела Чехова в Россию. Жена Чехова писала: «... Эйхлер дал мне слово, что все обычные официальные порядки будут отменены, что не явится никакая полиция, и покой не будет нарушен». А в письме своей матери сообщала: «Консул баденский обо всем, всем хлопочет, о вагоне, о препятствиях».

12 июля 1908 года в Баденвейлере был открыт первый памятник Чехову. Это был также первый памятник русскому писателю и вообще русскому человеку за рубежом. Инициатором и организатором этого события был Дмитрий Эйхлер. Среди почётных гостей из России была вдова Чехова и Станиславский [10].

Во время церемонии открытия процессию возглавлял Эйхлер под руку с Книппер-Чеховой — они вдвоём возложили цветы к памятнику. Судьба памятника оказалась печальной. В 1918 году немцы отправили его на переплавку на военные нужды. Лишь в 1992 году был установлен новый бюст Чехова [Там же].

Таким образом, перед нами предстаёт типичная для второй половины XIX века история дворянской семьи. Несколько поколений семьи Татищевых было связано с родовым гнездом в Вичуге, где был выстроен усадебный дом, который является прекрасным образцом провинциального классицизма. После реформы 1861 года имение было продано представителям нового социального слоя — фабри-

кантам Миндовским. Процесс потери родового гнезда стал основой пьесы А. П. Чехова «Вишнёвый сад». В настоящее время памятник является одним из немногих сохранившихся на территории Ивановской области и требует реставрации.

Источники:

1. Архитектор Маричелли. [Электронный ресурс]: URL: http://shlychkov.ru/nasledie_marichelli.htm
2. Ведомость об имении госпожи Марии Сергеевны Эйхлер, рожденной Татищевой. 1858 год. Копия из ГАКО, хранится в Вичужском музее фабрики им. Красина.
3. Григоров А. А. «...Родина наша для меня священна». Письма 1958–1989 годов. Кострома. Инфопресс. 2011.
4. Козловский А. Вичуга // Отечественные записки. 1824. Т. 18.
5. Кружков В., Медникова Г. Д. П. Татищев: взлёт и «падение» необыкновенного дипломата. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.shirekrug.com/index>
6. Матершев И. В. «Вишнёвый сад» в Вичуге // Вичугские новости. 2011. 1 июля; 15 июля; 26 августа.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1642. Оп. 1. Ед. хр. 180. Куломзин А. Н. Воспоминания «Пережитое».
8. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. Ивановская область. 2 часть. М. Наука. 2000.
9. Татищев Погост и его владельцы. Часть 1. [Электронный ресурс]: URL: <http://russiantowns.livejournal>
10. Татищев Погост и его владельцы. Часть 2. [Электронный ресурс]: URL: <http://vichuga-hronos.livejournal>
11. Черниковский Д. Губернский архитектор Грузии. [Электронный ресурс]: URL: <http://molitva-ivano>
12. [Электронный ресурс]: URL: <http://ru.rodovid.org/>
13. [Электронный ресурс]: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>

Т. Ю. Савельева,
Отделение ГКУ ПО «Государственный архив
Псковской области» в г. Великие Луки
E-mail: gav12014@yandex.ru

ЛЕОНТИЙ ВЕРЖХОВСКИЙ — НАЧАЛЬНИК ТЕХНИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Представлена биография начальника Великолукского Технического железнодорожного училища Л. С. Вержховского. Исследование проводилось по фондам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, государственных архивов Вологодской, Калужской и Псковской областей.

Ключевые слова: Л. С. Вержховский, биография, техническое железнодорожное училище, Вологда, Калуга, Великие Луки.

В 2017 году отмечалось 115 лет со дня основания старейшего профессионального учебного заведения г. Великие Луки — Технического железнодорожного училища, а также 150 лет со дня рождения его начальника, первого директора техникума в советское время, Леонтия Станиславовича Вержховского.

Леонтий Вержховский родился 3 августа 1867 г. в селе Саборовка Липовецкого уезда Киевской губернии (сейчас Оратовский район Винницкой области Украины) в семье однодворца¹ Станислава Михайловича Вержховского, римско-католического вероисповедания, и его жены Клеопатры Станиславовны, православного вероисповедания [1, л. 27].

15 июля 1879 г. Княже-Криницкое волостное правление 2-го мирового участка Липовецкого уезда Киевской губернии выдало Станиславу Михайловичу Вержховскому удостоверение в том, что он с семьёй причислен в оклад крестьянского сословия [1, л. 11].

В августе 1881 г. Леонтий Вержховский поступил и в мае 1886 г. окончил «при отличном поведении полный курс по основному отделению» Белоцерковского реального училища, получив право по-

¹ Однодворец — государственный крестьянин особой группы, образовавшейся в России в XVIII в. из потомков мелких служилых людей, занимавшей промежуточное положение между крестьянством и мелкопоместным дворянством.

Л. С. Вержховский

ступить на одно из технических отделений дополнительного класса училища [2, л. 2–2 об.].

С 1 сентября 1886 г. по 28 мая 1888 г. Леонтий Вержховский обучался на механико-техническом отделении дополнительного класса Белоцерковского реального училища, успешно его окончил и «на основании ст. 95 Устава реальных училищ» получил право «поступить в высшее специальное училище», подвергаясь только поверочному испытанию [2, л. 3, 3 об.]. В сентябре 1888 г. Леонтий Вержховский был зачислен в число студентов 1-го курса технологического института. В данном учебном заведении он по ряду объективных при-

чин проучился 6 лет, с 1888 г. по 1896 г. [2, лл. 29, 35, 36, 42, 46–51]. В 1896 году Леонтий Станиславович окончил «полный курс наук по механическому отделению» Петербургского технологического института императора Николая I. В дипломе, выданном ему 2 августа 1896 г., отмечалось, что после положительных результатов экзаменационных испытаний Л. С. Вержховский «приобрел право на утверждение его, при поступлении в государственную службу, на штатную должность техника, в чине XII класса и имеет право возводить фабричные и заводские здания, с их принадлежностями и жилые помещения, в непосредственной связи с ними находящиеся, а также производить строительные работы, состоящие в ведение и под надзором Министерства путей сообщения. Равным образом предоставляется занимать по сему Министерству должности, с коими соединено производство строительных работ и вообще предоставляются Вержховскому все права и преимущества, законами Российской империи со званием технолога соединяемые» [3, д. 37, л. 17].

Приказом министра Путей сообщения от 21 сентября 1896 г. № 103 Леонтий Станиславович был назначен преподавателем математики в Калужское техническое железнодорожное училище [1, лл. 1 об.-2], а 12 сентября 1900 г. приказом Управляющего Министерством путей сообщения № 116 он был назначен инспектором Калужского

училища с 1 сентября 1900 г. [Там же]. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 14 апреля 1902 г. Л. С. Вержховский был награждён орденом Св. Станислава 3 степени. Кроме того, Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 10 апреля 1902 г. № 24 он был утверждён в чине коллежского асессора со старшинством с 21 сентября 1896 г., а приказом от 25 января 1903 г. за выслугу лет утверждён в чине надворного советника со старшинством с 21 сентября 1900 г. [1, лл. 1 об.-3].

Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 17 января 1904 г. инспектор Калужского училища надворный советник Леонтий Станиславович Вержховский был назначен на должность начальника Одесского технического железнодорожного училища [1, л. 36]. 17 апреля 1905 г. Л. С. Вержховский был награждён орденом Св. Анны 3 степени, а 23 сентября 1905 г. приказом № 69 по гражданскому ведомству утверждён в чине коллежского советника со старшинством [4, лл. 1–5 об.].

2 сентября 1906 г. приказом № 68 по гражданскому ведомству Леонтий Станиславович был уволен от занимаемой должности согласно прошению и 19 сентября 1906 г. приказом министра Путей сообщения назначен штатным преподавателем Вологодского технического железнодорожного училища. Приказом Министерства путей сообщения от 27 августа 1907 г. № 106 он назначается с 1 августа 1907 г. инспектором классов Вологодского училища [Там же]. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 2 ноября 1910 г. № 72 Л. С. Вержховский был утверждён в чине статского советника со старшинством с 21 сентября 1908 г. [5, л. 4], а 10 апреля 1911 г. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству № 44 был награждён орденом Св. Станислава II степени, что дало ему право на личное дворянство [Там же].

На основании приказа № 96 Министерства путей сообщения от 14 сентября 1915 г. Л. С. Вержховский с 1 августа 1915 г. был перемещён на должность инспектора Великолуцкого технического железнодорожного училища при Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороге. Характерной особенностью в Великолуцком техническом железнодорожном училище в годы Первой мировой войны, кроме выполнения военных заказов, были постоянные удержания денежных средств из окладов служащих в пользу раненых. Так, за 1916 год с Леонтия Станиславовича в пользу раненых было удержано 51 руб. 18 коп. [5, лл. 273 об.-274]. В связи с болезнью начальника училища И. Е. Горбачева, с 1 марта 1918 г. Леонтий Ста-

ниславович Вержховский был назначен исполняющим должность директора Великолукского училища. Правомочность его назначения на должность исполняющего обязанности директора согласно избранию было подтверждено предписанием Культурно-просветительного управления Народного Комиссариата Путей сообщения от 10 апреля 1918 г. № 358 [3, д. 18, лл. 20, 92]. 25 июня 1918 г. Л. С. Вержховский — и. о. директора, постановлением Педагогического Совета училища был избран делегатом на Московский съезд представителей от технических училищ НКПС [3, д. 25, л. 101].

1 июля 1918 г. служащие училища, во главе с директором училища Л. С. Вержховским, вступили в члены Всероссийского железнодорожного союза [Там же, л. 34]. 6 июля 1918 г. под председательством директора училища на секционном заседании съезда был «решён вопрос об управлении школой Советом училища» [Там же, л. 14]. 22 июля 1918 г. Великолукское техническое училище Путей сообщения просило Культурно-просветительное управление НКПС ускорить утверждение инженера-технолога Леонтия Станиславовича Вержховского в должности директора училища с 1 июля 1917 г. [3, д. 13, л. 7].

После Октябрьской революции 1917 г., в течение 1918 г., в учреждении начала вводиться система коллегиального управления. Первое заседание Коллегии по управлению Великолукским техническим училищем Путей сообщения состоялось 28 сентября 1918 г. Председателем Коллегии с 1 сентября 1918 г. был избран Л. С. Вержховский, в обязанности которого входило общее руководство управлением училища [3, д. 4, л. 1; д. 2, л. 26; д. 18, л. 92].

13 октября 1918 г. председатель Коллегии по управлению училищем инженер-технолог Леонтий Станиславович Вержховский «уполномочен быть представителем от училища на Всероссийском культурно-просветительном съезде», который проходил в Москве 20 октября 1918 г. [3 д. 18, л. 67].

На протяжении 1918–1919 гг. Л. С. Вержховский неоднократно направлялся в командировки в Москву и Петроград по делам училища [3, д. 18, л. 71; д.37, лл 77, 83, 86, 91]. 29 декабря 1918 г. председатель Коллегии по управлению Великолукским техническим училищем Путей сообщения Л. С. Вержховский избран кандидатом на должность заведующего Отделом специального образования при Центральном отделе народного образования Всероссийского исполнительного комитета железных дорог [3, д. 25, лл. 39, 46]. 31 января 1919 г. Великолукское техническое училище Путей сообщения выдало Л. С. Вержховскому удостоверение, в котором говорилось: «...

Согласно распоряжению Управляющего мобилизационно-административным отделом Комиссариата путей сообщения от 28 декабря 1918 г. за № 35002/7121 председатель коллегии по управлению училищем Вержховский считается призванным на действительную военную службу с оставлением на должности председателя коллегии и явке к призыву не подлежит» [3, д. 37, л. 99]. 30 апреля 1919 г. произошла реорганизация Коллегии по управлению училищем, председателем Совета училища с 16 апреля 1919 г. был избран Л. С. Вержховский [3, д. 44, л. 33].

17 мая 1919 г. Леонтий Станиславович был направлен в Управление Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги «для возбуждения ходатайства о предоставлении практики в течение летних каникул ученикам 1 и 2 классов в мастерских дороги» [3, д. 31, л. 81].

С 1 июня 1919 г. при училище начали действовать курсы техников путей сообщения, председателем Совета курсов избран Л. С. Вержховский [Там же, л. 103]. 12 июля 1919 г. представителем в Исполнительный комитет Секции специальных учебных учреждений ведомства Путей сообщения от Великолукского училища был избран председатель по управлению училищем Л. С. Вержховский [3, д. 40, л. 11]. В Плате распределения предметов преподавания на 1919/1920 учебный год отмечалось, что в училище Л. С. Вержховский вёл следующие предметы: начальное и геометрическое черчение, устройство вагонов [3, д. 31, лл. 54, 55, 204].

18 декабря 1919 г. Отдел по подготовке железнодорожных агентов НКПС направил Л. С. Вержховскому письмо, в котором указывал: «Вследствие того, что единственным возможным путем возобновления академической жизни училища является организация классных занятий в жилом доме при училище, предназначенном для квартиры председателя Совета, Отдел ... предписывает лицам, занимающим помещения в вышеназванном доме, немедленно освободить занимаемые ими помещения. В противном случае Отдел будет вынужден училище закрыть, как учреждение, не отвечающее своему назначению — делу подготовки железнодорожных агентов, а служащих и учащихся распределить по другим училищам» [Там же, л. 252]. Л. С. Вержховский и два преподавателя училища освободили помещение жилого дома при училище. Л. С. Вержховскому была предоставлена комната по другому адресу [3, д. 15, л. 30].

В феврале 1920 г. была предпринята попытка передачи училища из системы Народного Комиссариата Путей сообщения в Народный Комиссариат просвещения. 20 февраля 1920 г. Ликвидационная ко-

миссия по делам культурно-просветительного отдела производственного Союза железнодорожников Северо-Западного округа путей сообщения направила в адрес Л. С. Вержховского письмо, в котором предложило ему «в самое непродолжительное время сдать Великолукское техническое училище Путей сообщения в Секцию технического и профессионального образования при уездном или губернском Комиссариате народного образования. Причём, подлинный акт передачи училища прислать незамедлительно в ликвидкомиссию» [3, д. 46, л. 39]. В ответ на данное письмо Коллегия по управлению училищем сообщила, что «передавать училище другому ведомству она не уполномочена центральной властью, каковой является НКПС, пред которым коллегия будет ответственной, в случае превышения своих полномочий» [Там же, л. 38].

В Списке командного состава Великолукского технического училища Путей сообщения на 1920 год значится Леонтий Станиславович Вержховский, 53 лет — начальник училища, заведующий курсами техников путей сообщения, общеобразовательно-техническими курсами и курсами ремесленных учеников [3, д. 50, лл. 218 об.-219].

9 марта 1920 г. Коллегия по управлению училищем направила письмо в Высшую чрезвычайную комиссию штаба 15 армии, в котором извещала, что Л. С. Вержховского выселяют из комнаты в доме № 47 по Смоленской улице. Коллегия разъясняла, что «Л. С. Вержховский является ответственным руководителем не только училища, но и двух типов курсов техников Путей сообщения и, кроме того, курсов для рабочих (3-х видов), и по роду своих обязанностей является ответственным распорядителем кредитов на содержание поименованных шести учебных заведений, в общей сумме 4379976 руб. 50 к. Ввиду принятого способа снабжения этих учреждений кредитами, Л. С. Вержховский является держателем крупных подотчётных сумм, достигающих в настоящее время до 180000 руб. Вследствие занятия здания училища под госпиталь, жилой дом, предназначенный для квартиры председателя коллегии, занят под училище, а потому Л. С. Вержховский принуждён проживать на частной квартире, хранить у себя казённые суммы, документы и принимать посетителей» [3, д. 45, л. 30].

20 марта 1920 г. Леонтий Станиславович был вновь утверждён в должности председателя Педагогического совета училища [3, д. 46, л. 197]. По состоянию на 1 октября 1920 г. Великолукское техническое железнодорожное училище Путей сообщения готовило инженеров и техников механической специальности, в состав училища входили непосредственно подчинённые ему курсы техников путей сообщения,

общеобразовательно-технические курсы и курсы ремесленных учеников. Всеми ими руководил Л. С. Вержховский [3, д. 45, лл. 264, 264 об.].

Во 2-м семестре 1920/1921 учебного года (с января по июнь 1921 г.) Л. С. Вержховский вёл следующие предметы: машиностроительное и паровозное черчение; общее устройство и эксплуатация железных дорог; строительные материалы и работы [3, д. 56, л. 9].

В списке служащих училища на 1 января 1922 г. значится Вержховский Леонтий Станиславович — начальник училища, инженер-технолог, служебный стаж — 25 лет, педагогический стаж — 25 лет, политических пристрастий нет, беспартийный, число учебных часов — 9, преподаёт следующие предметы: машиностроительное черчение, общее устройство и техническая эксплуатация железных дорог, строительные материалы и специальные работы [3, д. 57, л. 29].

С 13 июля 1922 г. управление училищем вновь переведено на принцип единоначалия вместо прежнего управления Училищным советом [3, д. 59, л. 127]. Необходимо отметить, что с 1922 г. в документах одновременно проходит два названия учебного заведения — Великолукское техническое училище путей сообщения и Великолукский техникум механической специальности по службе тяги. С 1922/1923 учебного года Леонтий Станиславович на время оставляет преподавание из-за большого количества административно-хозяйственной работы. Однако уже в феврале 1923 г. Управление подготовки агентов железнодорожного транспорта сделало Л. С. Вержховскому замечание, что «начальник ... совсем не имеет уроков. Для более тесной связи с учащими и учащимися ...предлагает начальнику принять на себя преподавание по какому-либо специальному предмету, имея при этом в виду, что черчение к числу специальных предметов не относится...» [3, д. 66, л. 30].

В своём ответе Леонтий Станиславович объяснил причину отсутствия учебной нагрузки и попросил разрешить ему вернуться к преподаванию специальных предметов с 1923/1924 учебного года [Там же, л. 32]. С апреля 1923 г. у начальника техникума начался конфликт с истопником техникума, который был уволен без санкции Конфликтной комиссии и профсоюза. Истопник 20 апреля 1923 г. обвинил Л. С. Вержховского, что «причиной увольнения является нежелание [истопника] становиться перед Вержховским во фронт и величать его высокородием, как делают до сих пор некоторые сторожа» [3, д. 72, л. 106].

8 мая 1923 г. Л. С. Вержховский направил в Расценочно-конфликтную комиссию месткома ст. Великие Луки письмо с объяснени-

ем причин увольнения истопника и просил утвердить его увольнение, 13 июня 1923 г. комиссия оставила ходатайство техникума об увольнении истопника без удовлетворения, ввиду неправильного ведения делопроизводства в техникуме (все замечания и взыскания истопнику не были внесены в формулярный список) [Там же, лл. 119, 162].

19 мая 1923 г. состоялось общее собрание слушателей Великолукского техникума Путей сообщения, на котором присутствовало 57 человек. На собрании был заслушан доклад В. Малышева о Педагогическом совете и о Студенческом комитете техникума. Собрание постановило: «Заслушав доклад тов. Малышева о вопросах, обсуждавшихся на Педагогическом совете техникума 18 мая с. г., в частности, о предполагавшемся предложении о перевыборах студкома, мы — слушатели техникума еще раз подтверждаем полное доверие своим представителям — Малышеву, Попп, Суетову и Матмовскому, т. к. выбирая их, мы, безусловно, знали, кто из нас более пригоден для занятия передовых постов на пути к саморазвитию и борьбе с рутинной проклятого старого строя, от которого не избавились еще лица, стоящие у власти техникума, вроде начальника его Л. С. Вержховского. ...Заявляем, что в случае выбора от Педагогического совета лиц, не внушающих нам доверия, даже тот контакт, какой был до сих пор — безусловно, нарушится. Поэтому в целях устранения возможных конфликтов, насколько это возможно при настоящем составе администрации техникума, мы выражаем желание, чтобы Совет при выборах учел это обстоятельство и сохранил старых представителей, памятуя, что Студком существует не для педагогов, а для слушателей» [3, д. 67, л. 26].

17 июня 1923 г. на заседании членов Студкома техникума рассматривался вопрос о расследовании взаимоотношений между начальником техникума Л. С. Вержховским и учащимися. После обсуждения, было решено до сбора необходимого материала рассмотрение этого вопроса отложить [Там же, лл. 27, 28]. Начальник техникума Л. С. Вержховский в письме от 3 июля 1923 г. в Управление транспортного профессионального образования просил «соответствующих распоряжений о ликвидации недопустимого в нормальной жизни учебного заведения явления. Вполне присоединяясь к мнению помощника начальника техникума В. И. Михайлова, категорически отрицаю характеристику, данную Малышевым.... Кроме того, считаю принятое Советом предложение П. Т. Трифонова противоречащим смыслу Положения об управлении училищем и обязанностям Студкома» [3, д. 66, л. 161].

Во исполнение приказа НКПС от 4 июля 1923 г. № 11054, приказом по Московско-Белорусско-Балтийской железной дороге от 21 июля 1923 г. № 192, Великолукский техникум механической специальности преобразован в Великолукскую профессионально-техническую школу тяговой специальности (профтехшкола) [3, д. 65, л. 133], при которой продолжили работу курсы и школа ремесленного ученичества, начальником которых был Л. С. Вержховский. 29 августа 1923 г. состоялось заседание Совета профтехшколы, на котором рассматривался вопрос о преобразовании техникума в профшколу [3, д. 66, л. 220].

В течение 1923/1924 учебного года Леонтий Станиславович вёл следующие предметы (по 6 часов в неделю и 26 часов в месяц): теоретическая механика, упражнения по теоретической механике, строительные материалы и специальные работы [Там же, лл. 225, 286, 302], а в 1924 г. преподавал технологию дерева; технологию металлов [3, д. 75, л. 96] и одновременно с ними общую и прикладную механику (по 4 часа) [3, д. 76, лл. 201, 202]. 6 февраля 1924 г. состоялось заседание Учебного совета протехшколы, на котором был избран состав комиссии для разработки программ для профессионально-технической школы. В комиссию под руководством Л. С. Вержховского было избрано восемь преподавателей профшколы [Там же, л. 29].

Документы Великолукской профессионально-технической школы с 1925 г. на хранение в Великолукское отделение Государственного архива Псковской области не поступали, в связи с чем проследить дальнейшую биографию Леонтия Станиславовича Вержховского не представляется возможным — известно лишь, что он руководил профтехшколой до 1927 года.

Источники:

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 168. Оп. 2, д. 3.
2. Центральный Государственный Исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 492. Оп. 2, д. 3410.
3. Отделение ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области в г. Великие Луки (ВЛО ГАПО). Ф. Р-621. Оп. 1.
4. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 303. Оп. 1, д. 30.
5. ГКУ ПО «Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 661. Оп. 1, д. 83.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ МАРИИНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ

В основу статьи легли данные Государственного архива Псковской области (ГАПО), отысканные не только автором, но и её учениками.

Ключевые слова: история, Мариинская гимназия, преподаватели, XIX–XX вв.

Непосредственное управление училищем, а с 1870 г. — гимназией, находилось в руках начальницы. Первой начальницей училища в 1860 г. стала Александра Богдановна Дюльно. На этот пост её пригласил сам губернатор Муравьев В. Н. До этого А. Б. Дюльно содержала частный пансион, её девять воспитанниц стали и первыми ученицами Мариинского училища. Потом пост начальницы занимали Вноровская Леопольдина Львовна, которая первоначально была принята в качестве классной дамы; затем — Вернер Анна Дмитриевна. Достаточно большой след в истории женской гимназии оставила Зинаида Дмитриевна Ставиская. На посту начальницы гимназии она пробыла с 1875-го по 1892 год. Являлась женой есаула Амурского казачьего пешего батальона, закончила Елизаветское училище, имела звание домашней наставницы. В гимназии вела также уроки французского языка.

После З. Д. Ставиской более двадцати лет, до 1916 г., пост начальницы гимназии занимала Софья Петровна Губенталь. Как вспоминает одна бывшая ученица Мариинской гимназии, за Софьей Петровной ходили слухи относительно её прошлого: будто бы она была фрейлиной самой жены Александра III. Именно ей пришлось управлять гимназией, когда началась Первая мировая война, — в трудное для города, как и для всей страны, время. В марте 1916 г. Софья Петровна скончалась.

На пост начальницы гимназии предлагалось 14 кандидатур, но одна за другой они снимались. Во многом это было связано с законом от 3 июля 1916 г., по которому пост начальницы гимназии могло занимать лицо с высшим образованием, имеющее звание учительницы среднего учебного заведения. Среди кандидаток была Лидия Анато-

льевна Дитц, основательница учебного заведения в Пскове: с 1900 г. она была преподавателем арифметики в прогимназии, но в том же году по ряду причин оставила этот пост, передав всё управление Сафоновой. На пост начальницы гимназии была представлена и Анна Андреевна Назимова, вдова статского советника. Но исполняющей обязанности начальницы гимназии стала О. К. Вишнякова: с 1881 г. она начала свою педагогическую деятельность в Мариинской женской гимназии в качестве классной наставницы и преподавательницы чистописания. О. К. Вишнякова была последней в истории Мариинской гимназии, кто исполнял обязанности её начальницы.

Преподаватели же Мариинского училища, гимназии выбирались на Педагогическом совете и утверждались на Попечительном совете попечителем округа. Первыми преподавателями Мариинского училища стали преподаватели мужской гимназии и военного училища. Первым же председателем Педагогического совета стал Александр Николаевич Яхонтов, директор мужской гимназии, Псковский уездный предводитель дворянства, поэт. Преподавателей приходилось нанимать из других учебных заведений, поскольку свой штат был небольшим. Приглашались преподаватели из Кадетского корпуса, который возник в 1882 г. на базе училища военного ведомства; Духовной семинарии, Реального и Землемерного училищ, Учительской семинарии. Штат преподавателей Мариинской гимназии постепенно расширялся, но по-прежнему большую часть из них составляли преподаватели других учебных заведений, о чём свидетельствуют списки, находящиеся в «Памятных книжках Псковской губернии». Например, Вдовичев А. В., преподаватель русского языка, преподавал одновременно и в Губернской мужской гимназии, Реальном училище; Гречина Е. Я. — учитель физики, преподавал также и в мужской гимназии. Здесь же преподавал учитель латинского языка Кателов Н. П., преподаватель танцев и гимнастики Новацкий Ф., который был приглашён из Кадетского корпуса. Такая ситуация объяснялась тем, что за неимением большой нагрузки преподавателям приходилось давать уроки в разных учебных заведениях. Со временем численность учащихся растёт, открываются параллельные классы, увеличивается учебная нагрузка и число своештатных преподавателей. Уже в 1917 году в гимназии из 27 преподавателей по найму работали лишь 11. Это стало возможным в связи с увеличением численности преподавательниц, многие из которых являлись выпускницами самой Мариинской гимназии. Среди них Овчинникова Е. Е. — преподавательница математики, Столбушинская В. В. — классная наставница,

учительница русского языка, Дидикова И. И. — учительница космографии и географии. В 1917 г. из 16 своештатных преподавателей 13 — женщин. Образовательный ценз у преподавателей гимназии был достаточно высоким. Так, среди мужчин большинство имело высшее образование. По данным на 1883 г., учителями гимназии являлись выпускники Петербургского университета, Военной учительской семинарии, Петербургской Духовной академии; преподаватель рисования Жданко И. — выпускник Академии художеств, Новацкий Ф., преподаватель танцев, — выпускник Варшавского театрального училища. Среди преподавательниц, кроме выпускниц Мариинской гимназии, — выпускницы Павловского института, Московского Александровского училища. О преподавателях гимназии осталось несколько письменных воспоминаний. Вот одно из них: «Учителя у нас большей частью были мужчины, все носили форму. Относились они к нам деликатно, никогда не повышали голоса... По истории у нас был очень строгий учитель Август Карлович Галлер, он хорошо знал свой предмет, увлекательно рассказывал, требовал абсолютного внимания». Имя преподавателя А. К. Галлера значится в списках служащих гимназии с 1889 г., его образовательный ценз — высшее образование: закончил Историко-филологический институт в Петербурге. С Мариинской гимназией связана деятельность законодателя Николая Александровича Колиберского. До того, как перейти в гимназию, Н. А. Колиберский работал в Образцовой школе при Епархиальном женском училище, Коммерческом училище, служил в домовой церкви для арестантов исправительного отделения, которое с 1909 г. стало каторжной тюрьмой. После опубликования в 1911 г. В. Короленко в газете «Речь» разоблачающей статьи, где ссылался на свидетельства Н. А. Колиберского, Н. А. Колиберскому пришлось уволиться. С этого года он становится законоучителем Мариинской гимназии, входит в состав Педагогического и Попечительного советов. В 1918 г. Попечительный совет ходатайствовал о возведении его в сан протоиерея.

С Мариинской гимназией была связана деятельность опытного педагога Артура Генриховича Готлиба. Он происходил из австрийских подданных; получив образование в Новороссийском университете, работал в ряде гимназий. С 1910 г. возглавлял Псковскую губернскую мужскую гимназию, одновременно являясь председателем Педагогического совета Мариинской гимназии, преподавателем латинского языка. Деятельность А. Г. Готлиба была связана и с последними годами существования Мариинской гимназии, ставшими одними из трудных. Велись военные действия, происходила смена политиче-

ских режимов, ухудшалось материальное положение педагогов. В марте А. Г. Готалову (А. Г. Готлиб в годы Первой мировой войны изменил фамилию) из Петрограда пришла телеграмма от управляющего учебным округом А. Остроумова, где говорилось, что в связи с законом о всеобщей амнистии по делам политического характера, все лица педагогического персонала учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, устранившихся из школ при прежнем режиме за политическую деятельность, подлежали беспрепятственному допущению к преподавательской деятельности.

Фактически вопрос о смене политического режима на заседаниях Педагогического совета никаким образом не обсуждался. Новая власть была воспринята достаточно лояльно, что во многом объяснялось тем, что Временное правительство не отменило прежние законы о материальном положении учителей.

По закону от 3 июля 1916 г. о пятилетних прибавках к содержанию и пенсиям служащих в женских гимназиях, прогимназиях и других средних учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения, размер прибавок был следующим: 400 руб. — для лиц с высшим образованием, имеющих звание учителя средних учебных заведений; 200 руб. — для лиц с высшим и средним образованием, имеющих право преподавания в женских гимназиях; 180 руб. — для лиц, окончивших средние учебные заведения со званием учителя высших начальных училищ. Но выплата этих прибавок за пятилетний стаж работы началась в Мариинской гимназии с 1 января 1917 г. — прибавки составляли около 2/3 от прежних окладов. Для преподавателей это было существенной помощью, поскольку ещё в 1916 г., в условиях войны, размер жалования учителей не мог поспеть за возрастающей инфляцией, в связи с чем учителя обращаются с просьбой о выдаче им продовольственных пайков, где прилагался конкретный список продуктов. В октябре 1917 г. на смену Временного правительства пришла новая власть в лице большевиков. Во Пскове 7 ноября состоялось общее собрание интеллигенции города, где было принято воззвание «Вся власть — Учредительному собранию». В целом, настрой к новой власти был негативным. В ночь на 2 декабря 1917 г. были арестованы преподаватели И. И. Лавров, Ф. А. Эрн, а 3 декабря уже состоялось заседание Педагогического совета, на котором было принято решение написать «письменный протест». В нём говорилось, что педагогический совет с «глубокой горечью и негодованием осуждает насильственные акты против всеми уважаемыми педагогами, всю свою многолетнюю жизнь отдавшими просвещению народа... изъятие из гимназии этих превосходных учителей наносит

непоправимый вред школе и волнует чуткую совесть учащихся». В конце текста требовалось немедленное освобождение этих «товарищей». И. И. Лавров — преподаватель педагогики и психологии, окончил Санкт-Петербургскую Духовую академию в степени кандидата. Он также являлся редактором газеты «Псковская речь». На страницах этой газеты появлялись «язвительные» заметки по поводу декретов Советской власти. Ф. А. Эрн учил методике преподавания арифметики, баллотировался в члены Учредительного собрания; председатель городского комитета. Являясь гласным Городской Думы на заседаниях 28 ноября 1917 г. «выступал против военно-революционного» комитета, не избранного народом. И. И. Лавров и Ф. А. Эрн являлись преподавателями и других учебных заведений — в частности, Агаповской гимназии. Подобная деятельность преподавателей не могла быть одобрена Псковским Советом, что и послужило поводом к их аресту. На Педсовете 7 декабря было решено провести однодневную забастовку всех учебных заведений — время проведения было назначено на 8 декабря. Но по поводу проведения забастовки не было единого мнения как среди преподавателей Мариинской гимназии, так и среди учителей других учебных заведений. Например, А. К. Галлер указывал на то, что подобные вызывающие действия могут лишь ухудшать положение арестованных преподавателей, а также могут вызвать со стороны властей неадекватные действия по отношению к гимназии, тем более что все труднее становилось отстаивать гимназическое помещение, чтобы оно не было занято под нужды властей. Забастовка, по-видимому, так и не состоялась. В связи с тем, что арестованных так и не освобождали, на их места были приглашены другие преподаватели. В январе 1918 г. вместо И. И. Лаврова был назначен преподаватель мужской гимназии А. А. Кукс, вместо Ф. А. Эрна — преподаватель городского училища при Учительском институте Дубровин. И. И. Лавров и Ф. А. Эрн отбывали заключение в Пскове, а затем были освобождены во время занятия города немецкими войсками. В конце 1917 года ухудшается материальное положение учителей, вследствие падения общего жизненного уровня. На Педсовете А. К. Таллер отметил, что все служащие гимназии находятся в очень бедственном положении, поскольку прежнего жалования не хватает, а всякие прибавки приходят с большим опозданием. Была прекращена выплата жалования преподавателям, ушедшим в отпуск. Постоянным становится обсуждение на педсоветах просьб учителей выдать им денежные пособия. В декабре 1917 г. учителя обращаются в Исполком с просьбой сохранить им ставки и льготы. А в январе 1918 г. на Педсовете отмечалось, что «ничтожные» оклады довоенно-

го времени, невыплаченные военные прибавки не должны делать материальное положение педагогов ниже «материальных почтальонов». В мае 1918 г. Псков находился в немецкой оккупации. На Педсовете было принято решение не сноситься с большевистским правительством и что всё, что было до этого, остаётся в законной силе. Непосредственное управление над Мариинской гимназией переходило Совету управления, при котором существовал Церковно-школьный отдел. Несколько улучшается материальное положение учителей. Так, в июне 1918 г. жалование преподавателям было выплачено вперёд за июль, август. Но по-прежнему не было стабильности, жалования выплачивались от наличия в резерве средств. За каждый недельный урок преподавателям оплачивалось от 6 до 8 руб., месячное жалование председателя Педагогического совета составляло 60 руб., исполняющей начальницы гимназии — 100 руб. Были восстановлены выплаты в соответствии с законом от 3 июля 1916 года «о пятилетних прибавках». В ноябре 1918 г. немецкие войска покинули город, власть возвратилась Совету солдатских и рабочих депутатов. Начинает проводиться школьная реформа, обсуждается вопрос о преобразовании учебных заведений в единые трудовые школы. А 4 января 1919 г. состоялось собрание учителей всех учебных заведений, на котором были оглашены условия конкурса на замещение вакантных должностей в новых школах, где каждому преподавателю предлагалось заполнить анкету. Все данные обо всех учителях были напечатаны в газете «Псковский набат». В связи с немецкой оккупацией в мае 1919 г. реорганизуются все начинания Советской власти. В связи с кадровой перестановкой и потерей многими преподавателями своих рабочих мест, было дано распоряжение 8 августа 1919 г. принимать в учебные заведения в первую очередь преподавателей духовного звания, а также преподавателей, начавших свою деятельность в советских школах. Учебная нагрузка каждого учителя не должна была превышать определённых норм. Предполагалось значительно повысить и жалование преподавателям. Но все преобразования новой власти на том и закончились. В октябре 1919 г. почти на всей территории Псковской губернии была восстановлена Советская власть. В связи с преобразованием Мариинской гимназии во 2-ю школу г. Пскова, в ней остаётся работать ряд преподавателей гимназии, среди которых — А. К. Галлер, О. К. Вишнякова, А. П. Овчинникова, О. Е. Арбузова, О. Т. Розанова и другие. Идёт регистрация бывших чиновников, после чего им предписывалось за семидневный срок покинуть город. Среди выехавших был и И. И. Лавров, который после освобождения

продолжил свою педагогическую деятельность в Мариинской гимназии. Преподаватели Мариинской женской гимназии были людьми высокообразованными, для многих из них работа была их жизнью. Яркий пример тому — деятельность А. Г. Готлиба. Не лёгким временем для педагогов были последние годы существования гимназии. Степень лояльности учителя к той или иной власти определялось отношением самой власти к учительству и в немалой степени это выражалось в материальном положении учителя [1].

В период с 1860 по 1919 гг. нам удалось найти информацию о 189 преподавателях гимназии, принадлежащих к различным религиям: большинство из них (20 чел.) были православными, семь — лютеранами, остальные исповедовали римско-католическую веру.

Некоторые имели высокие правительственные награды — ордена Святой Анны 2-й и 3-й степени, Святого Владимира 3-й и 4-й ст. и Св. Станислава 2-й и 3-й ст. Ордена Св. Анны были удостоены 4 человека: А. А. Александров, учитель чистописания; Князев М. С., М. Ф. Любомирский и М. В. Фурсов, учитель русского языка. Ордена Св. Станислава удостоилось 7 человек: П. А. Антонов, учитель географии и физики; Л. В. Васильев, учитель математики; М. В. Фурсов, учитель русского яз.; М. И. Быстров, учитель чистописания и латинского яз.; Д. Ю. Стопневич, учитель русского яз.; Н. Ф. Черняк, учитель физики, и И. Ф. Жданко, учитель рисования. Ордена Св. Владимира были отмечены лишь два преподавателя — историк М. О. Николаевич и уже названный М. В. Фурсов [1, 2].

Среди педагогов оказались и известные «литературные» личности. Например, музыку преподавала Алина Ивановна Беклешова, в девичестве Осипова, — та самая обитательница Тригорского, которой А. С. Пушкин посвятил «Признание» (К Александре Ивановне Осиповой: *Я вас люблю, хоть я бешусь...*). От других тригорских барышень Алина отличалась ярко выраженной артистичностью, превосходно играла на фортепиано, что позволило ей позднее заняться музыкой уже профессионально. Её исполнение восхищало даже искушённых слушателей. Выйдя замуж за псковского полицмейстера в 1833 году, она переехала в Псков. Овдовев в конце 1850-х, Александра Ивановна Беклешова зарабатывала на жизнь уроками музыки в Мариинском училище. Умерла в Петербурге в 1864 г. [4]. Ещё одна преподавательница музыки Евфимия Борисовна Вревская, в замужестве Зубова, — старшая дочь Евпраксии Николаевны Вульф (Зины, Зизи), с которой А. С. Пушкин сохранил тёплые дружеские отношения до конца дней своих... Евфимия Борисовна Вревская/Зубова умерла в 1917 г., накануне февральской революции [7].

А. Г. Готлиб

Мариинская гимназия до 1915 г.

О. Н. Милевский

Е. Б. Вревская

И. Ф. Жданко

Ф. М. Плюшкин.
Работа И. Ф. Жданко

М. И. Плюшкина.
Работа И. Ф. Жданко

Историю в гимназии преподавал известный человек — Орест Николаевич Милевский: к 300-летию героической обороны Пскова 1581 года он перевёл с польского языка «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (Осада Пскова)». Кроме того, О. Н. Милевский — автор учебника географии для школьников. За педагогическую деятельность он неоднократно награждался орденами Российской империи, а в 1886 г. получил чин статского советника [3].

Дмитрий Семёнович Жуков, учитель рисования и чистописания, был известен и как живописец: за картину «Рака Святого Гавриила в Псковском Троицком соборе» он получил звание свободного художника, спустя год — звание неклассного художника перспективной живописи. В Государственном Русском музее хранятся два портрета его кисти — женский 1844 г. и мужской 1848 г. [5].

Интересно было узнать ещё об одном учителе рисования — Иване Фёдоровиче Жданко, тоже живописце. В 1866 г. он получил Свидетельство Императорской Академии художеств (СПб) на звание учителя рисования уездного училища; в апреле 1873 г. — низший чин, коллежского регистратора, по Табели о рангах; в январе 1875-го — губернского секретаря, в апреле 1881 г. стал титулярным советником, а в ноябре этого же года — коллежским ассессором; в 1900 г. получил звание свободного художника. И. Ф. Жданко — автор портретов Ф. М. и М. И. Плюшкиных, икон первого псковского князя святого Всеволода-Гавриила и других художественных произведений [6].

Маринская женская гимназия. Открытка начала XX в.

Интересна судьба Артура Генриховича Готлиба, в начале Первой мировой войны полностью сменившего имя на Готалова Артемия Григорьевича. С 1910 г. по 1918-й он был директором Губернской мужской гимназии, преподавал в ней латинский язык и историю. Кроме того, умело организовал работу по физическому воспитанию учащихся по сокольской системе, организовав в Пскове два спортивных общества — гимнастического «Сокол» и Общества содействия телесному воспитанию учащейся молодёжи; руководил Военно-спортивным комитетом, а 16 января 1917 г. получил чин Действительного статского советника «за труды по физическому развитию и воспитанию учащихся» [8]. В Мариинской гимназии он преподавал латинский язык. По воспоминаниям учеников, они с большим удовольствием изучали латинский с Готлибом-Готаловым, чем с его предшественником Е. Г. Бекаревичем. Впоследствии он переехал в Одессу и стал профессором местного университета, автором статей в Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 1940 г. ему была присвоена учёная степень доктора педагогических наук — без защиты диссертации.

Источники:

1. ГАПО. Ф. 7, оп. 1.
2. Памятные книжки Псковской губернии на 1861–1914 гг.
3. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.russkie.lv/ru/lib/read/omilevsky.html> — об О. Н. Милевском.
4. [Электронный ресурс]: URL: http://www.russian-romance.ru/Rush_Puiznanie.htm — об А. И. Беклешовой.
5. [Электронный ресурс]: URL: https://8-poster.ru/authors/Jukov_Dmitriy/ — о Д. С. Жукове.
6. [Электронный ресурс]: URL: <http://kupitkartinu.ru/painters/zh-danko-ivan-fedorovich/> — об И. Ф. Жданко.
7. [Электронный ресурс]: URL: <http://archive.is/K0oUj#selection-229.1-261.43> — о Е. Б. Вревской.
8. [Электронный ресурс]: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> — об А. Г. Готлибе-Готалове.

Псковский Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник. Псков, Россия.
E-mail: urgen73@rambler.ru

ОФИЦЕР РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО ФЛОТА (Жизнь и судьба псковича Павла Плена)

Рассмотрена биография уроженца Псковской губернии, офицера Российского Императорского флота капитана 1 ранга Павла Михайловича Плена. Проанализировано его участие в боевых действиях в ходе русско-китайской, русско-японской, 1 Мировой и Гражданской войны. Дана характеристика его деятельности в ходе военных конфликтов начала XX века.

Ключевые слова: Российский флот, русско-японская война, оборона Порт-Артура, 1 Мировая война, Гражданская война.

ПАВЕЛ ПЛЕН: РОЖДЕНИЕ ОФИЦЕРА

Павел Михайлович Плен происходил из семьи потомственных дворян Псковской губернии. Представители дворянского рода Пленов были хорошо известны не только в Псковской губернии, но и в России. Так, Александр Александрович Плен в 1814–1816 годах занимал должность предводителя дворянства Опочецкого уезда. Его сыновья — Иван Александрович и Павел Александрович — в 1860–1980 гг. занимали различные посты председателей Опочецкой земской управы. Сам Павел Михайлович Плен родился 15 августа 1875 года в с. Якушово Красногородской волости Опочецкого уезда [1]. Его отец — Михаил Александрович Плен (1834–1890) — действительный статский советник, вице-директор Департамента неокладных сборов, выдающийся деятель Министерства финансов, умер в 20-х числах мая 1890 г. в Новочеркасске и похоронен в семейном склепе семьи Пленов в д. Якушово [2].

В сентябре 1893 году 46-м по успеваемости П. М. Плен заканчивает Морской кадетский корпус, затем в 1894–1895 г. учится в Морской учебной команде. С марта 1896 года начинает службу офицером на императорской яхте «Штандарт». В сентябре 1896 года «Штандарт», не завершив ходовые испытания, принял на борт царскую чету и отправился в Англию.

В 1897–1898 гг. Павел Михайлович Плен — офицер на крейсере «Память Азова». В 1898 г. крейсер посетил Порт-Артур и прошёл ремонт во Владивостоке. К этому времени он служит офицером канонерской лодки «Отважный».

КИТАЙСКИЙ ПОХОД ЛЕЙТЕНАНТА ПЛЕНА

За подавление Боксерского восстания в Китае (1900–1901) награждён 28 декабря 1900 г. орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом.

Во время взятия Инкоу в чине лейтенанта возглавлял десант — сводный отряд моряков канонерских лодок «Отважный» и «Гремящий». Этот эпизод Д. Г. Янчевецкий описал следующим образом: «13 июля 1900 года для предотвращения прохода Дотая Миня с кавалерией через городскую территорию, с русских кораблей был высажен десант общей численностью 800 матросов с двумя пушками Барановского, который усилил гарнизон. 22 июля 1900 года сводный отряд моряков «Отважного», «Гремящего», «Гайдамака», миноносца № 206, под командованием лейтенанта П. М. Плена участвовал в штурме г. Инкоу [3].

КОМАНДИР «РАСТОРОПНОГО». Русско-японская война

Во время русско-японской войны он состоял адъютантом в свите великого князя Кирилла Владимировича и ходил на знаменитом броненосце «Петропавловск». Во время катастрофы корабля на рейде Порт-Артура Павел Плен оказался одним из счастливых, чудом спасшихся от гибели [4].

В 1904–1905 гг. служил на боевых кораблях Тихоокеанской эскадры. С февраля по июль 1904 года — вахтенный начальник крейсера «Баян», затем — командир миноносца «Скорый» (11.07.1904–10.09.1904) и канонерской лодки «Манджур» (1904).

11 октября 1904 года П. М. Плен был награждён орденом Св. Анны 4 степени с надписью: «За храбрость». Приведу один из боевых эпизодов обороны Порт-Артура, непосредственным участником которого стал лейтенант Павел Плен: «Ввиду значительного ухудшения положения осаждённой крепости была предпринята попытка прорыва блокады, осуществлённая миноносцем «Расторопный». В воспоминаниях контр-адмирала М. Ф. Лощинского сообщается, что в конце октября было принято решение послать миноносец с депешами в нейтральный порт, поскольку необходимо было дать знать в штаб армии о положении дел в Порт-Артуре. Для этого предполагалось послать миноносец в Чифу (нейтральный китайский порт) с таким расчётом, чтобы он в ту же ночь вернулся в Порт-Артур, а на следующую ночь опять вышел в море и взял в установленном месте почту из Чифу. <...> 1 ноября 1904 г. в 10 часов утра «Расторопный» был назначен к прорыву. В 2 часа дня он прошёл в бухту «Белый волк» и оттуда уже вечером вышел в Чифу. Перед уходом миноносца «Расторопный» на нём был сменён весь офицерский состав: командир, вахтенный начальник и механик. Японские блокирующие контрминоносцы заметили его и стали преследовать, но «Расторопный», воспользовавшись плохой видимостью и умело маневрируя, сумел уйти от преследователей и к утру 2 ноября вошёл в гавань Чифу. Из-за аварий в машинах миноносец вынужден был разоружиться, однако командир корабля лейтенант П. М. Плен, приказал взорвать миноносец.

В донесении П. М. Плена говорится: «Днём начал получать известия о крайнем раздражении японцев на прорыв блокады, считавшейся ими в настоящее время непроходимой. В море были видны неприятельские миноносцы и крейсера. Свежий ветер и большая волна не позволяли приткнуться к берегу. В шесть часов вечера, взвесив обстоятельства, решил, что единственный способ не отдать вверенный мне миноносец неприятелю — это взорвать, что я и исполнил...».

Раздались три глухих взрыва, едва слышных на расстоянии 100 метров, и судно погрузилось в воду, от него осталась лишь мачта. Командир «Расторопного» принял тяжёлое, но правильное решение, поскольку вероятность захвата разоружённого миноносца была велика.

Взрыв «Расторопного» вызвал оживлённые споры и предположения о мотивах решения, принятого командиром миноносца. На все разнообразные догадки самими японцами был дан вполне определённый ответ: именно вследствие захода «Расторопного» с депешами в Чифу они более не будут считаться с нейтралитетом этого порта. Поэтому следует признать, что самоуничтожение «Расторопного» находит полное объяснение и оправдание» [5].

В период между двумя войнами Павел Плен — старший офицер канонерской лодки «Бобр» (1907–1909), командир эскадренных миноносцев «Бдительный» (1909), «Сильный» (1909–1912), «Донской Казак» (19.11.1912–1914). В эти годы он получает ряд наград:

13 марта 1907 года П. М. Плен отмечен золотой саблей с надписью «За храбрость», затем орденом Св. Станислава 2 степени с мечами (22.12.1908) [1].

ДУЭЛЬ С МЮРАТОМ

Характеризуя Плена как человека, Белли вспоминал: «... боевой офицер, командовавший миноносцами в Порт-Артуре, отличный моряк и очень храбрый человек, что им было доказано во время русско-японской войны. Что же касается вопросов стратегии и тактики, то он ими интересовался мало... Он был исключительно вежлив, но высокомерен и неискренен, не прямой и не простой был человек... Подчиненные, в общем, его не любили, хотя и отдавали должное его храбрости и качествам моряка». Ещё одно свидетельство Белли о Павле Плене. «Командир меня не любил за моё неумение служить на миноносце, а также за отсутствие охоты к спиртным напиткам. К концу компании он еле меня выносил. Когда мы стояли в Кронштадте на ремонте, он однажды решил меня напоить. Пригласил поехать в Морское Собрание и там опоил мадерой, зная, что я не пью водку. Сидели мы до глубокой ночи...

В Гельсингфорсе же командир каждый вечер съезжал на берег в ресторан, возвращался поздно, сильно перегруженный [6].

Кроме того, П. М. Плен, по воспоминаниям В. К. Пилкина, отличался буйным нравом и рукоприкладством в отношении нижних чинов [7]. Прочитирую: «На крейсере «Адмирал Макаров», в бригаде, которой командовал адмирал Бахарев, при опросе им претензий,

матрос заявил жалобу на командира за то, что тот его ударил. Бахарев протестировал командира, капитана 1 ранга Плена, хотя любил и ценил его, потребовал его списания». Скорее всего, необузданность характера послужила поводом для дуэли, состоявшейся 15 мая 1908 года на Крестовском острове между братьями Плен и служившим в Русской гвардии принцем Мюратом. Первым на поединок с Мюратом вышел Иван Михайлович Плен. Их дуэль закончилась лёгким ранением Плена. Затем к барьеру вышел Павел Михайлович Плен. Эта дуэль имела более печальные последствия: Мюрат нанёс противнику тяжёлую рану. Истекавшего кровью Плена перевязали в расположенном неподалеку Охотничьем павильоне (Крестовский остров), а потом с пробитым лёгким срочно увезли в лечебницу [4].

КАПИТАН 1 РАНГА ПАВЕЛ ПЛЕН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1915 году капитан 1 ранга П. М. Плен командует крейсером «Адмирал Макаров». 19 июня 1915 года в Балтийском море, около острова Готланд, в составе эскадры контр-адмирала М. К. Бахирева участвовал в бою с германскими ВМС. Затем начальник Пятого дивизиона миноносцев Балтийского моря (10.08.1915–12.12.1916). Командир: линейного корабля «Слава» (12.12.1916–07.06.1917), линейного крейсера «Измаил» (07.06.1917–1917).

В годы I Мировой войны П. М. Плен награждён орденами Св. Анны 2 степени, мечами к ордену Св. Анны 2 степени, Св. Владимира 3 степени с мечами, офицерским крестом ордена Почётного Легиона (1916). Приведу несколько примеров боевой деятельности П. М. Плена в годы I Мировой войны. Вот как описываются действия Павла Плена при попытке немцев прорваться в Ирбенский пролив в ходе боя 17 августа 1915 года. «...К концу боя к нам подошли три миноносца 5 дивизиона под командой капитана 1 ранга Павла Михайловича Плена. Нельзя не отметить огромную выдержку и понимание этим начальником, который сразу оценив положение, не позволил своим судам вмешаться в наш бой, чем не внес беспорядок в стрельбу и не нарушил её стройности. В то же время он держался настолько близко, что в любой момент мог оказать нам поддержку» [8]. Ещё один эпизод: «Во время I Мировой войны крейсер «Адмирал Макаров» был атакован германской подводной лодкой. Движение торпеды вовремя заметили и благодаря прекрасным действиям командира капитана 1 ранга Плена П. М. крейсер был спасён» [9].

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НА «СЛАВЕ» И ЕЁ КОМАНДИР

О командире «Славы» в период февральской революции 1917 года автор книги «Броненосец «Слава» (Непобеждённый герой Моонзунда) Сергей Виноградов пишет следующее: «28 ноября 1916 года на «Славу» прибыл новый командир — капитан 1 ранга П. М. Плен, до этого командовавший 5 дивизионом эскадренных миноносцев. 4 марта 1917 года экипаж броненосца «Слава» на утреннем сборе на церковной палубе заявил о верности своим офицерам и просивший их вернуться к исполнению своих обязанностей. Несколько «нежелательных офицеров и командир корабля П. М. Плен, оставленные до этого на штабной «Кречет», после того как матросы «встали на колени», «умоляли вернуться», вновь вечером 4 марта прибыли на корабль. По свидетельству очевидца «матросы встретили прибывших громогласным «ура». 7 марта Павел Михайлович Плен убыл в штаб командующего флотом [10].

О событиях на «Славе» и его командире в марте 1917 года пишет в книге «Слава и трагедия Балтийского линкора» Н. А. Кузнецов.

1. П. М. Плен был единственным из командиров, предоставившим свой корабль для временного пребывания финляндского губернатора Зейпа и председателя финляндского Совета Боровитинова.

2. 3 марта 1917 года П. М. Пален, вернувшись на корабль, вывал к себе офицеров и объявил им, что Государь Император отрёкся от престола за Себя и за Наследника и великий князь Михаил Александрович дал согласия принять Верховную Власть.

3. В тот же день капитан 1 ранга Плен П. М. объявил офицерам и команде, что Государь Император отказался от Престола за Себя и за Наследника, великий князь Михаил Александрович отказался вступить на престол и Верховную Власть в нашей стране принял на себя Временный Комитет Государственной Думы. Командир предложил команде отнестись спокойно к происходящим событиям и продолжить с прежним рвением выполнять свои обязанности по отношению к нашему Отечеству. Затем капитан 1 ранга П. М. Плен, взмахнув рукою, в которой держал напечатанный лист, заявил, что это декларация Комитета Государственной Думы, в которой русскому народу объявляются какие-то свободы, он дополнил, что политикой не интересуется и всегда её презирал, — и сказал команде, чтобы она сама ознакомилась с содержанием декларации, для чего она будет вывешена на церковной палубе.

4. Все попытки матросов «Императора Павла I» и «Андрея Первозванного» склонить экипаж «Славы» к бунту не увенчались успехом.

5. 3 марта 1917 года все офицеры корабля во главе с Пленом были арестованы.

6. 4 марта 1917 года матросы стали просить капитана I ранга Плена П.М. вновь вступить в командование кораблем в лице председателя Судового комитета Кадушкина.

«Несколько раз Кадушкин приходил в кают-компанию, командир корабля оставался непоколебимым. Во время последнего объяснения с Кадушкиным П. М. Плен попенял его за то, что он без разрешения сел, приказав ему встать по стойке «мирно» и держать руки по швам, что тот и выполнил, но, уйдя из кают-компании, пожаловался на командира команды.

7. После часа дня офицерам стало известно об убийстве командующего Балтийским флотом вице-адмирала Непенина. Узнав об этом, Плен П.М. безнадежно махнул рукой и приказал вступить в командование кораблём старшего лейтенанта Л. М. Галлера, офицерам, «попавшим в список желательных», снова выполнять свои обязанности.

7. Капитан I ранга П.М. Плен «несколько офицеров «Славы» были вскоре отправлены в штаб командующего флотом. Матросы 5 дивизиона миноносцев, у которых до назначения на «Славу» пользовался большой популярностью как прекрасный боевой начальник, быстро узнав о случившемся, возмутились поступком команды «Славы», послали на наш корабль двух делегатов. Они произнесли на собрании матросов толковые речи, в которых объяснили им всю необоснованность и позорность их поступка по отношению к капитану I ранга Плена и другим «славским» офицерам. Наша команда была совершенно смущена речами делегатов — немедленно выбрала своих делегатов для отправки на «Кречет», с тем, чтобы просить капитана I ранга Плена вернуться на «Славу». Командир долго отказывался выполнить просьбу экипажа, но после того как её представители встали перед ним на колени и умоляли вернуться, в тот же день поздно вечером, к общей радости оставшихся на «Славе» офицеров капитан I ранга П. М. Плен вернулся с остальными офицерами на корабль и вступил в командование им. Матросы встретили прибывших громовым «Ура!».

Капитан I ранга П. М. Плен оставался на «Славе» всего лишь 3 дня, так как не мог спокойно выносить всего происходящего на ней. Когда создавался Судовой комитет, он позвал к себе корабельного врача, заявил ему, что заболел расстройством нервов — и покинул корабль, к огорчению офицеров и команды [11].

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

С декабря 1917 года Павел Михайлович Плен — член подпольной организации в Петрограде по отправке добровольцев на Дон. Агент Добровольческой армии в Петрограде. Николай Зотикович Кадестников в своих мемуарах вспоминает и о П. М. Плене. Позвольте привести достаточно обширную цитату: «Наряду с развалом армии, развал Балтийского флота быстрыми шагами приближался к естественному концу. Это особенно чувствовалось после зверского убийства командующего флотом адмирала Непенина и еще больше после вынужденного создавшимися обстоятельствами ухода со своего поста адмирала Развозова. Многие офицеры, потеряв веру в идею службы, стали открыто манкировать своими обязанностями, некоторые же, более крепкие духом, искали достойного выхода из гнетущего тупика. Как один из примеров такого рода опишем здесь, что сообщил нам капитан 2-го ранга А. П. Ваксмут. «Я, будучи почти не у дел в Гельсингфорсе, решил обратиться за советом к контр-адмиралу М. А. Беренсу. Он мне ответил: «Подождите, я еду в Москву, а когда вернусь, то скажу, что вам делать».

В начале декабря 1917 года адмирал вернулся, и я, явившись ему, получил указание ехать в Новочеркасск, где должен был пойти на Барочную улицу № 2 и передать пакет генералу Алексееву. «Там, — добавил адмирал Беренс, — организуются силы для борьбы с большевиками».

Тогда же М. А. рекомендовал мне, не теряя времени и с соблюдением крайней осторожности, ехать в Петербург, найти названное кафе на Морской, где встречу капитана 1-го ранга П. М. Плена (бывшего командира «Славы»), и он расскажет, как надежнее доехать до Новочеркасска.

И действительно, придя в кафе, я сразу увидел П. М., сидящего за столиком в штатском платье. Для тех же, кто лично не знал его, был дан условный знак. П. М. Плен дал мне свой адрес и просил зайти на следующий день за документами и пропуском. Придя к нему в условленное время, я застал там двух молодых офицеров: лейтенанта С. и мичмана И. с миноносца «Изяслав».

П. М. выдал нам троим удостоверение, что мы рабочие и едем на Кавказ строить какую-то дорогу. Документы были со всеми нужными печатями Советов. Где на площадках поезда, где на лошадях, а нередко и пешком по шпалам, беглецы добрались до Новочеркасска и вечером 1 января 1918 года явились на Барочную, № 2, где были

устроены общежития, в которых, к общей радости, встретились с ранее прибывшими моряками [12].

В дальнейшем Плен участвовал в различных подпольных организациях, в том числе доктора Ковалевского. К июлю 1918 года Петроградская ЧК вышла на организацию доктора Ковалевского. В августе 1918 более 60 активных членов были арестованы. В ходе следствия было установлено, что организация занималась сбором шпионских сведений для англичан, переправкой через Петроград различными маршрутами в Архангельск, отчасти в Вологду, бывших офицеров, а также готовила возможное вооружённое восстание в Петрограде и Вологде. П. М. Плен был арестован чекистами 6 августа 1918 года на своей квартире по адресу ул. Моховая, д. 5, кв. 3. вместе с адмиралом М. К. Бахиревым как заложники [13]. Затем они были перемещены в Дерябинскую тюрьму [14].

20 декабря 1918 года газета «Петроградская правда» опубликовала список расстрелянных в Петрограде 13 декабря 1918 года. Среди множества фамилий было имя Павла Михайловича Плена [15].

Из газеты «Петроградская правда» 20 декабря 1918 года: «13 декабря 1918 года по постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Союзе Коммун Северной Области расстреляны:

По делу организации, поставившей себе целью вербовку белогвардейцев на Мурман: Плен, Павел Михайлович, в своё время, в 1917 г., являлся главой организации, отправлявшей офицеров на Дон, и затем вступивший в организацию Ковалевского.

Предположительно Плен Павел Михайлович расстрелян в Петропавловской крепости. В 2009 году при раскопках в крепости были обнаружены его останки [16].

По сведениям В. А. Белли, судьба Плена трагична: «В конце лета 1918 года большая группа бывших морских офицеров была арестована. Затем их погрузили на баржу, вывели на Большой Кронштадтский рейд, там открыли дно баржи, и все эти люди были потоплены. Знаю, что в их числе был капитан 1-го ранга П. М. Плен» [6].

Источники и литература:

1. Павел Михайлович Плен. Военно-Морской флот России // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.navy.su/persons/17/plen.htm>
2. «Новое Время» 1890 г., № 5113; «Новости» 1890 г., № 139; «Петербургский листок» 1890 г., № 139.
3. *Янчевецкий Д. Г.* У стен недвижного Китая // СПб. — Порт-Артур, 1903.

4. *Сергей Глезеров*. Двойная дуэль принца Мюрата // Смена, 9.10.2006.
5. Завершающий этап боевых действий миноносцев (октябрь-декабрь 1904 г.) // С. В. Несолёный. Миноносцы Первой эскадры флота Тихого океана в русско-японской войне (1904–1905). Ист-флот, 2009.
6. *В. А. Белли*. В Российском Императорском флоте. Воспоминания // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.navy.su/persons/17/plen.htm>
7. *В. К. Пилкин*. В Белой борьбе на северо-западе. Дневники 1918–1920 гг. М., 2005.
8. *Г. К. Граф*. Флот и война. Балтийский флот в Первую мировую войну.
9. РГАВМФ, ф. 406, оп. 9, д. 568, л. 283.
10. *С. Виноградов*. Броненосец «Слава» (Непобеждённый герой Монзунда).
11. *Н. А. Кузнецов*. Слава и трагедия балтийского линкора. М., 2013.
12. *Н. Кадесников*. «Краткий очерк Белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах» // Флот в Белой борьбе М., 2002.
13. Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург). Согласно данным архив, осуждён за участие в отправке на Дон офицеров бывшей царской армии. Сведений о расстреле в следственном деле нет.
14. *И. С. Ратьковский*. «Петроградская ЧК и организация доктора Ковалевского // История России, № 1, 2012.
15. Список расстрелянных 13 декабря 1918 года в Петрограде // Петроградская правда, 20 декабря 1918 г.
16. *Ирина Карпенко*. Расстрел в Петропавловке // Дилетант, № 18, июнь 2017 г.

М. А. Бирюкова, А. Н. Стрижёв
Союз писателей России. Москва. Россия.
E-mail: astrizhev.mbiriuikova@mail.ru

«МАРЬЯ-КРУЖЕВНИЦА» ОЛЬГИ ХМЕЛЁВОЙ И ЛЕВ ТОЛСТОЙ

В статье рассказывается о судьбе писательницы Ольги Хмелёвой, представительницы древнего дворянского рода Псковской губернии, чей талант был отмечен маститыми писателями конца XIX — начала XX века.

Ключевые слова: *дворяне Хмелёвы, Торопецкий уезд, повести Ольги Хмелёвой, Лев Николаевич Толстой.*

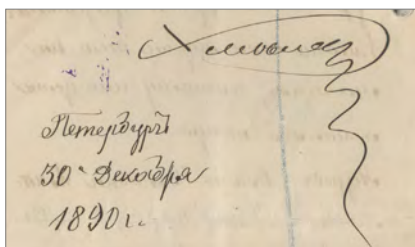
Писательские судьбы, как и пути Господни, неисповедимы. Не ведомо, откуда вдруг возникает яркое литературное имя. Так случилось и с писательницей Ольгой Неоновной Хмелёвой, в чьих произведениях находим изящный слог, такт, мастерское владение сюжетом. А это — не только проявление таланта и личной культуры, но и результат тщательной внутренней работы, глубокого постижения мира. Литературный дебют её с повестью «Робинзон в русском лесу» состоялся в 1873 г. в журнале «Семья и школа», под псевдонимом «Качулкова». Эта повесть не раз выходила потом отдельной книгой. Известный русский писатель Михаил Осоргин признавался: «Я... в семь лет сам прочёл изумительную книжку «Робинзон в русском лесу»..., лучшей детской книжки не было никогда написано. Она меня завоевала и заполнила целиком моё детское сознание».

О происхождении Ольги Хмелёвой удалось узнать немного. А дворянская фамилия Хмелёвых известна на Псковщине с XVII века. Весь этот род верно служил российскому престолу. В семье бережно хранились жалованные грамоты на поместья и другие старинные документы. Герб Хмелёвых представлял собою щит и на красном поле с подложенным золотом сияет золотой крест, а под ним видна серебряная подкова, обращённая шипами вверх. Увенчан щит обыкновенным дворянским шлемом с короною, а над нею изображена взлетающая птица. Род Хмелёвых записан в шестой части родословной книги Псковской губернии, а герб внесён в пятую часть Общего гербовника дворянских родов Российской Империи. Погост Платично, Торопецкого уезда, отстоит от Пскова в 320 верстах. В селе — каменная церковь Живоначальной Троицы, в ней и крещена младенец Ольга, предположительно

в 1850 году, там же крестили и четырёх её братьев: Леонида (1838), Владимира (1843), Аркадия (1845) и Неона (1851). Отец писательницы, Неон Александрович (1809–1878), и мать Евдокия Поликарповна (тех же лет) погребены на погосте Платично, где упокоились и все Неоновичи, сыновья, скончавшиеся в раннем возрасте, кроме Леонида, дожившего до 1905 года.

Герб Хмелёвых

Подпись Ольги Хмелёвой.
Автограф

До падения крепостного права семья жила безбедно, дети получили хорошее образование. Ольга Неоновна свободно владела главными европейскими языками, была обучена манерам, любила книги. Но после разорения усадебного уклада нужда погнала всех со двора. Так случилось и с Ольгой Хмелёвой. Устроилась учительницей, взялась за литературный труд — переводила, публиковала свои оригинальные очерки, рассказы и повести в журналах «Семья и Школа», «Родник», «Семейные Вечера». В 1885 году она создаёт новую повесть «Безвестная труженица» и предлагает её вниманию графа Льва Николаевича Толстого. «Повесть Хмелевой очень хороша, очень хороша будет, если

выкинуть все рассуждения, описания природы и красоты и, главное, уничтожить форму словесного рассказа и обращения к слушателю. Это может выдти одна из лучших наших книжек», — сказал Лев Николаевич в письме к В. Г. Черткову в декабре 1885-го после прочтения авторской рукописи, полученной вместе с предложением напечатать книжкой в издательстве «Посредник» (Толстой Л. Н. ПСС. Т. 85. С. 280). Книжка с переделками вышла в свет в 1886 году под названием «Марья-кружевница». Первоначальный текст повести напечатан в журнале «Родник» тогда же. В письме к В. Г. Черткову от 19 октября 1885 года заведующий «Посредником» Павел Иванович Бирюков заметил: «Сегодня познакомился с интересной личностью... г-жой Хмелевой. Барыня, похожая на мужчину. Принцип «непротивления злу» она вставила по собственному опыту, говорит, что сама испытала его силу, и когда я обратил внимание на это место, то она думала, что это мне не нравится. Она произвела на меня хорошее впечатление». В Российском Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) сохранились письма О. Н. Хмелевой к единомышленнику Л. Н. Толстого В. Г. Черткову — они во многом дополняют скудные сведения об этой уникальной детской писательнице. В письме от 30 декабря 1890 года Ольга Неоновна рассказывает, что к ней приезжал секретарь Комитета Грамотности Б. Э. Кетриц, чтобы сообщить о намерении Комитета дать ей за «Кружевницу» золотую медаль и испросить её согласия на ряд изданий этого рассказа. От медали Ольга Неоновна отказалась, считая, что не заслуживает её.

Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков

Л. Н. Толстой
и В. Г. Чертков

О себе же она поведала, что «с 8 ч. утра до 9 вечера она находится «на службе в обойном магазине. Вознаграждения получает 50 р. в месяц. На добавление этого заработка ей остается время от 6 до 8 ч. утра и от 9 вечера до 1 ночи, каковое и употребляет на переводы и т. п. работишки». Писала, что «здоровье её разваливается весьма успешно». В письме Ольга Хмелёва спрашивала В. Г. Черткова об условиях, на которых она продала издательству «Посредник» рукопись «Кружевницы» (сама она не помнила), чтобы дать ответ Комитету Грамотности о возможности издательства этого рассказа. А также спрашивала о судьбе двух других своих рассказов — «Маляр» и «Золотой баран»: они были куплены «Посредником», но так и не напечатаны.

Сообщала свой адрес в Петербурге: Угол Невского и Садовой против Гостиного Двора, д. № 18. Магазин обоев Царкосельской обойной фабрики. И передавала «душевный привет» супруге Владимира Черткова, с которой была знакома (*РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2745. Л. 1–4 об.*). Супругой В. Г. Черткова с 1886 года была Анна Константиновна Дитерихс (1859–1927), выпускница Бестужевских женских курсов, детская писательница и мемуаристка.

Работа Ольги Неоновны Хмелёвой в магазине обоев Царкосельской фабрики поглощала у неё все самые благоприятные для творчества часы, и писать приходилось урывками по ночам, что подсекало и без того расшатанное здоровье. Хроническое безденежье, неуверенность в литературных заработках, чуткость к скорбям других обостряли личные эмоции, не снижая, впрочем, требовательности к себе в отстаивании принципиальных позиций в вопросах веры и школьного воспитания детей.

По-другому складывалась жизнь аристократа, богача В. Г. Черткова. Отслужив восемь лет в Конногвардейском полку, он под влиянием Толстовского учения пережил духовный переворот и переселился из родовой усадьбы на хутор, в гущу крестьянской жизни. Живёт в

тесной комнате, осуждает барскую жизнь. Из-за вмешательства Черткова в дела преследуемых сектантов, в 1897 власти постановили сослать его в Сибирь. Только благодаря хлопотам его матери, Сибирь заменили высылкой в Англию, где он прожил 11 лет. До его ссылки Ольга Неоновна регулярно посылала ему письма: лишь в архиве РГАЛИ их сохранилось десять. Главный мотив писем — устройство изданий и деньги, в которых больная, с расстроенной нервной системой, Ольга Хмелёва постоянно нуждалась. Здесь и просьбы найти для неё какую-нибудь работу: согласна на самую рядовую — переводить книжки с другого языка, либо составлять в новом изложении. «Достаньте мне работу!» — крик отчаяния слышен в письмах талантливой писательницы, написанных в 1887 году из Петербурга.

Другой сподвижник Л. Н. Толстого, последователь его религиозного учения — Иван Иванович Горбунов-Посадов (1864–1940), сторонник «свободного воспитания», инициативный деятель издательства «Посредник», а с 1897 года его руководитель.

Письма Ольги Неоновны Хмелёвой И. И. Горбунову-Посадову, в основном, касаются издания её книг, материального вознаграждения и её авторских прав. Так, в письме от 21 апреля 1903 г. из деревни Ивановка (недалеко от Гатчины) она сообщает, что В. Г. Чертков письмом возвратил ей полностью право издавать рассказ «Марья-Кружевница», но письмо это ею утеряно. Она просит вновь прислать ей письменное подтверждение, так как Фирма Панафидина, с которой у неё существовали давние связи, планирует издать серию её рассказов. О себе она пишет, что уже два года «занимается со всеми муками труда Данаид» устройством и оборудованием женской школы сельского хозяйства (*РГАЛИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1439. Л. 1–2 об.*).

Но, видимо, «Марья-Кружевница» так и осталась в собственности издательства «Посредник». Через несколько месяцев Ольга Неоновна ответит издательству Панафидина отказом.

«Посредник», книжное издательство просветительского характера, возникло в Петербурге в конце 1884 года по инициативе Л. Н. Толстого. Цель издательства — взамен лубочной литературы выпускать книги нравственного и художественного содержания, доступные для народа, в т. ч. нравоучительные рассказы самого Льва Толстого. Руководили издательством В. Г. Чертков, потом П. И. Бирюков, с 1897 года — И. И. Горбунов-Посадов. С 1892 года «Посредник» работал в Москве. Кроме художественных произведений, издательство выпускало литературу по сельскому хозяйству, медицине, справочники, книги для детей. Существовало оно до 1935 года. Л. Толстой

принимал активное участие в работе издательства: редактировал некоторые издания, написал много предисловий и статей. С «Посредником» сотрудничали видные русские писатели и общественные деятели. Книжки, по сравнению с лубочными изданиями, печатались на лучшей бумаге и с хорошими иллюстрациями: двумя рисунками в красках на первой и последней страницах. Книги издательства пользовались успехом, особенно в среде «сельской интеллигенции» (*Краткая литературная энциклопедия в 9 томах. М.: «Советская энциклопедия». Т. 5. 1968. и др.*).

В изданном «Посредником» рассказе Ольги Хмелёвой идёт речь о тяжёлой судьбе крепостной девушки — работающей певунье и выдумщице Маше, которую за доброе сердце да весёлый нрав люди любили. Она-то и стала первой мастерицей-кружевницей в целой округе — по образцам, да по барынинным рассказам сама догадалась и научилась плести кружева, а потом, за свою долгую жизнь и множество других женщин да девушек своему ремеслу выучила, обеспечить на годы хороший заработок крестьянкам двух уездов. И жилось бы Маше хорошо, да злоба и зависть главной барыниной горничной стали причиной её тяжких невзгод. Однако не стала Марья-Кружевница растравлять своё сердце былыми обидами, не стала мстить, когда несколько лет спустя униженная, нищая обидчица её Арина случайно забрела к ней в дом просить хлеба и тепла. Простила, помогла устроиться и остаток жизни прожить достойно, в ладу с людьми. А когда спросила Арина Марью, где же у неё злоба за старое, Марья-Кружевница ответила так: «Чем же им (тем людям, что Арину из родного села прогнали) от этого лучше стало? Только лишний грех на душу взяли... Теперь-то вас хоть разорви, хоть на сковороде изжарь, хоть заморозь, — старого, всё равно, не воротишь и не поправишь. А что про злобу... так, ведь, она веселье из души прогоняет, а я, грешница, смерть веселье люблю»...

В сборнике рецензий «Что читать детям?» (сост. А. Е. Корольков, М., 1906, С. 122) о «Марье-Кружевнице» О. Н. Хмелевой дан такой отзыв: «Рассказ написан живо, тепло и производит сильное и самое отрадное впечатление».

Редактируя повесть Ольги Хмелёвой, Л. Н. Толстой сделал так, как говорил в письме к В. Г. Черткову, — «выкинул все рассуждения, описания природы и красоты», многие из которых, по нашему мнению, очень хороши, но не только это. Если сравнить два текста — «Безвестную труженицу» из журнала «Родник» и «Марью-Кружевницу» издательства «Посредник», — то обнаружатся более двух

десятков больших и малых вставок Л. Н. Толстого в оригинальный текст, большая часть их носит «отрицательный» характер и подчёркивает: 1) неприглядные и смешные черты барыни и барина и 2) рабское состояние крепостных людей, причём слово «раб» в разных вариантах вставлено неоднократно. Большинство таких вставок рассчитано, по нашему мнению, на дешёвый успех у народа. Текст же Ольги Хмелёвой более красочен и изящен, написан с пониманием жизни и без резкого осуждения некоторых человеческих слабостей. Приведём примеры:

1. Запил с горя отец маленькой Маши, Николай, просил барина заступиться за свою больную жену — да не вышло, строгий выговор получил. В издании «Посредника» читаем, что жена умоляет мужа бросить пить, не губить последнего, а он ей в ответ: «Не могу, — говорит, — не терзай, не моли! Раб и я, рабыни и вы; значит, и губить нечего!». В тексте Ольги Хмелёвой этот эпизод отсутствует.

Далее у неё сказано, что барин пробовал увещевать Николая, а после правки Л. Толстого оказалось, что барин его и «бивал два раза».

2. У Ольги Хмелёвой сказано: «Барыня она была добрая». Лев Толстой вместо этой фразы ставит свою: «Она ведь хоть и испорчена баловством господским была, а злости настоящей в ней не было».

3. Стала Маша в первый раз при барыне кружева плести. У Ольги Хмелёвой: «Барыня на неё смотрит, дух не переводит». У Льва Толстого: «Барыня на неё смотрит — дух не переводит, даже дородность свою забыла, на корточки присела».

4. Когда Маша сообщила барыне, что мать её тяжело больна, одна лежит, напиток подать некому, — у Ольги Хмелёвой после этого одно предложение: «Видно, барыня сжалилась, велела, чтобы к матери, заместо сиделки, какую-нибудь женщину приставили». У Льва Толстого перед этой фразой включён монолог барыни на 8 строк, завершающийся словами: «А я разве для тебя меньше матери?.. Кто тебя из грязи вытащил, кто столько лет поил-кормил, кто первой деушкой на деревне сделал?». А после — горючие слёзы девушки, которая в этот день так и не попала к больной матери.

Зато когда в рассказе идёт речь о достоинстве простых людей, с каким переносили они свои скорби и трудности, о «величавости» простых русских женщин, эти слова Лев Толстой из текста убирает, вычёркивает. Вот умирает Машина мать. У Ольги Хмелёвой: «Тем временем Машина мать, тихо лаская дочку, Богу свою душу отдала. Собрались соседки, обмыли её, одели, и на стол положили, и лежит она посреди своей изобки чистенькой — величавая, безмолвная, точна царица в раздумьи».

После правки Льва Толстого — коротко: «Тем временем скончалась Машина мать. Собрались соседки, — обмыли её, одели и на стол положили»...

Добавим, что рассказ, изданный «Посредником», имеет другое название, на наш взгляд, более удачное: «Марья-Кружевница», а не «Безвестная труженица»; на обложке содержит начертанный крупными буквами девиз: «Не в силе Бог, а в правде», и на первой странице — эпитафия: 10 строк из стихотворения Н. А. Некрасова «Школьник». На двух сторонах обложки — иллюстрации к рассказу, выполненные М. Малышевым.

В своём письме 1886 г., без конкретной даты, Ольга Хмелёва просит В. Г. Черткова «тот экземпляр рукописи «Марьи», который исправлен графом Л. Н. Толстым, возвратить ей на память его доброго отношения к её труду» (*РГАЛИ. Ф. 522. Оп. 1. Д. 2744. Л. 2–2 об.*)

Оригинальный текст рассказа Ольги Хмелёвой сейчас можно прочитать в Интернете на нашей страничке «Библио-Бюро Стрижева-Бирюковой».

Среди житейских невзгод, преследовавших писательницу всю сознательную жизнь (скончалась она, предположительно, в 1908 году), ей чаще всего вспоминались светлые годы детства, проведённые под родительским кровом в имении Платично Торопецкого уезда. Этому посвящены трогательные страницы повести «Анютка», опубликованной в журнале «Семейные Вечера» (1885). Имена героев в рассказе изменены, но имя Ольга — небесной покровительницы Хмелёвой — оставлено, как было. Да и домашние все узнаваемы.

Проза Ольги Неоновны Хмелёвой сразу привлекла к себе внимание читателей. Живописная, темпераментная, сдобренная терпкой горчинкой, она ещё и очень конкретна. Писательница пристально вглядывается в то, как трудятся ремесленники и мастерицы, вникает в приёмы мастерства. Хмелевой была сродни поэзия украсителей простого быта. Меньше всего развлекаются её герои — они трудятся и живут по совести. Слова главного героя, которыми оканчивает Ольга Хмелёва свою книгу «Робинзон в русском лесу», пожалуй, выражают и её жизненное кредо: «Никто не должен стыдиться небольшого поля своей деятельности и запускать его. Пусть всякий, не жалея труда и усилий, старается сделать как можно больше добра, не разбирая, где оно делается!».

Исследователям ещё предстоит в будущем найти затерянное и неизвестное из творений вдохновенной и для многих пока «безвестной» труженицы. Тогда приоткроются и пока недоступные черты непростой жизни этого даровитого человека — Ольги Неоновны Хмелёвой.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗОРГЕНФРЕЙ — ПОЭТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье рассказывается о талантливом, но малоизвестном нашем современнике, поэте 20-х годов XX века, чьи детство и юность прошли в Пскове.

Ключевые слова: Псков, гимназия, Петербург, Александр Блок, поэзия Серебряного века, расстрел, реабилитация.

Поэт-символист, пародист и переводчик Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882–1938) современным читателям известен мало. Его принято считать второстепенным поэтом-символистом. Свои стихи, без вычурности изящные, с проблесками подлинных чувств и страстей, Зоргенфрей собрал в маленьком сборнике «Страстная суббота», который вышел в Петрограде в 1922 году с обложкой работы знаменитого графика С. В. Чехонина, связанного с автором многолетней дружбой, и посвящением: «Благословенной памяти Александра Александровича Блока». В названии сборника, как можно предположить, отразились высокое напряжение духа и обострённое поэтическое восприятие действительности, свойственное поэту на протяжении всей жизни.

Для многих из почитателей поэзии Зоргенфрея станет новостью тот факт, что детство и юность поэта прошли в Пскове и его окрестностях, истоки ранних стихов связаны с древним городом («День стогрел. Поплыли в сумрак черный Терема, бойницы и зубцы...») и сами стихи публиковались не только в столичных журналах, но и газете «Псковская жизнь». В 1938 году поэт был репрессирован и расстрелян. Реалии прошлого, определяющие его место в русской культуре, — участие в блоковском поэтическом кружке, выступления в сатирических журналах 1905–1907 гг. и активная литературно-издательская и переводческая деятельность после 1917 года. Сравнительно недавно при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)» в издательстве «Серебряный век» вышел в свет сборник его стихов, сохранивший авторское название издания 1922 года «Страстная суббота» (СПб., 2014). В него вошли наиболее

значительные произведения В. А. Зоргенфрея, представляющие его разносторонний поэтический дар, и проза — воспоминания об А. А. Блоке, лучшие, по признанию современников, из всех появившихся после смерти поэта. Автор этих строк, а также вступительной статьи в вышедшем сборнике и его составитель постаралась собрать скудный биографический материал, используя разнообразные источники — архивные документы, воспоминания родственников и редкие публикации, в том числе в периодической печати. Кстати, из одной удалось извлечь любопытные сведения, осветившие личность поэта в ореоле сопоставления поэтических судеб России.

В 1899 году праздновался столетний юбилей Пушкина. «Псковский городской листок» сообщил, что 24 февраля гимназисты представляли сцены из «Бориса Годунова», и Пушкина «недурно изобразил» Зоргенфрей. Для семнадцатилетнего поэта эта роль оказалась пророческой: в известной степени его судьба в будущем была определена характерным для России столкновением социальных сил и культурных начал и его трагическим исходом. Неслучайно интерес к пушкинистике сохранялся у Зоргенфрея всю жизнь. В зрелые годы он проявился в творчестве Зоргенфрея обращением к одной из самых петербургских повестей Пушкина «Пиковой даме», соединившей в своём сюжете элементы реалистически мотивированной фантастики и натурально-го плана действительности. В этом стихотворении герой пушкинской «Пиковой дамы» связан сразу с двумя эпохами и в каждой трагически обречён на выпадение из времени, непонимание и отверженность. Возможно, автор идентифицирует себя с пушкинским героем, который близок ему не только немецким происхождением, но характерным мировосприятием и ощущает в этой близости роковое предсказание своей судьбы.

ГЕРМАН

От утреннего режущего света
В глазах темно. И вижу наяву
Такое же удушливое лето,
Такую же пустынную Неву.

Канал, решётка, ветхие колонны.
Вот здесь, сюда! Мне этот дом знаком.
Но вдруг опять: трамвай идёт бессонный,
И очередь стоит за молоком.
Не хорошо. Без крова, без работы,
Без родины. И время мне судья [1, 17].
.....

Псковский период биографии Зоргенфрея изучался краеведом Н. Ф. Левиным [2, 115–122]. Его усилиями документированы сведения о родителях поэта, которых сын почти не знал в связи с обстоятельствами своего происхождения и детства. Отец — Александр Иванович Зоргенфрей (1846–1884?) — закончил медицинский факультет Дерптского университета в 1876 году, служил врачом в 55-м пехотном полку в Бессарабии и в 1880-м был награждён «за прекращение тифозной эпидемии» орденом Станислава III степени. Женился на девице армяно-грегорианского вероисповедания Елизавете Васильевне Ерамишненцевой, которая в 1882 году родила сына. Вильгельм был крещён в евангелическо-лютеранском приходе и назван в честь рано умершего среднего брата отца, что, видимо, и определило его дальнейшую судьбу «русского немца». После последовавшей вскоре смерти отца он был передан на воспитание псковским родственникам.

Густав Иванович
Зоргенфрей, дядя поэта,
в семье которого вырос
В. А. Зоргенфрей.

Портрет работы неизвестного
художника. 1890-е годы

Вильгельм Зоргенфрей —
выпускник гимназии, 1900 г.

Отца заменил Густав Иванович Зоргенфрей (1844?–1896), старший брат Александра Ивановича. В Пскове второй половины XIX века Густав Иванович был хорошо известен как фармацевт врачебного отделения губернского правления и энергичный общественный деятель. Он тоже закончил в 1864 году Дерптский университет, но стал провизором. Активная его деятельность нашла отражение на страницах газеты «Псковский городской листок» в разделах хроники городской жизни.

Он преподавал, делал научные доклады, был учредителем Общества псковских врачей и состоял в различных общественных комитетах, а также оказывал помощь местным эстонцам, так как, помимо немецкого, хорошо знал эстонский язык.

С 1874 года Густав Зоргенфрей неоднократно избирался гласным Городской Думы и в Совет Земского банка. В 1880 годы он получил чин коллежского советника. Портрет Густава Ивановича Зоргенфрея, созданный неизвестным псковским художником в 1890-е годы, впоследствии передавался из поколения в поколение, символически объединяя членов большой семьи, разбросанной ныне по всему миру.

В 1872 году Густав Зоргенфрей приобрёл у провизора Эдуарда Дипнера самую большую в Пскове так называемую «Старую аптеку» на углу Пушкинской и Сергиевской улиц возле церкви Василия на Горке. После 1917 года она была известна под № 1 и просуществовала до Великой Отечественной войны, во время которой сгорела в одну из бомбёжек города. В этом доме и вырос Вильгельм Зоргенфрей в семье, где также воспитывались его двоюродные братья Густав (1871–1934), Оттон (1874–1914) и Курт (1878–1942), которые после смерти Густава Ивановича помогли брату получить образование. Вильгельм блестяще учился в губернской гимназии, где проявил способности к математике и страсть к литературе. Одна из двух дошедших до нашего времени фотографий Вильгельма Зоргенфрея относится также к его гимназическому периоду: он не любил фотографироваться, стесняясь в своей внешности слияния восточных и европейских черт. Тем не менее, нам удалось установить, что существует ещё одно фотографическое изображение поэта на открытке, вошедшей

Курт Зоргенфрей — выпускник Губернской гимназии

в альбом «Псков на старых открытках» (Изд. дом «СТЕРХ», 2001). На рубеже XIX–XX вв. в Пскове, тогда крупном индустриальном городе России, была развита фотография. Излюбленным жанром местных фотографов стала так называемая постановочная фотография, которая запечатлевала увлекательные сюжеты, «оживляла» городские виды, подбирая натуру и модели. Фотографический снимок, о котором пойдёт речь, изображал (предположительно до 1896 г.) перекрёсток Сергиевской (ныне Октябрьский пр.) и Пушкинской улиц, где располагался двухэтажный деревянный дом провизора Г. И. Зоргенфрея («Старая аптека»), в котором Вильгельм Зоргенфрей вырос и жил до отъезда в Петербург и обучения сначала в Санкт-Петербургском университете, затем Технологическом институте. Перед входом в дом в несколько напряжённых позах стоят пять человек — четыре мужчины и женщина. Как нам удалось установить, сравнивая открытку с известными портретными изображениями членов семьи Зоргенфреев, фотограф запечатлел Густава Зоргенфрея (его можно узнать по длинной окладистой седой бороде), его жену и сыновей, в числе которых в гимназической форме предположительно Вильгельм Зоргенфрей — ученик Псковской мужской гимназии.

Двоюродные братья
В. А. Зоргенфрея:
Оттон Густавович
(1874–1914), Курт Густаво-
вич (1878–1942) и Густав
Густавович (1871–1934).
Псков, 1901 г.

По всей вероятности, воспитание Вильгельма в немецкой семье, где в обиходе был немецкий язык, и увлеченность русской поэзией («Стихи полюбил в младенчестве, а сам стал писать в 9 лет» [3]) легли в основу его переводческой деятельности — области, где он достиг определённых успехов. Сам Зоргенфрей пишет в «Автобиографии» (1924): «Много работал в последние годы в области иностранной литературы. Перевёл десятки тысяч стихов (лишь малая часть пока напечатана). Горжусь переводом гердеровского "Сида"» [3]. До сих пор сохранили актуальность зоргенфреевские переводы из И. В. Гёте, Г. Гейне, Г. Клейста, Ф. Грильпарцера и др.

Старая аптека, у входа — семья Зоргенфреев

Определённую историко-культурную ценность представляют размышления Зоргенфрея о литературной борьбе и литературных школах. В них много конкретных наблюдений и попытка взглянуть на литературную жизнь с отвлечённых философских позиций: не участника, а наблюдателя, не заинтересованного в мелких победах отдельных групп и школ. С изрядной примесью горечи, но и осознанием чувства собственного достоинства Зоргенфрей писал: «... по роду творчества я оказался приемлем для журналов символистского толка. Но лично я не постигал и не постигаю смысла этих кличек, за которые яростно бились поэты огромного дарования. Присматривался к междоусобной брани, тосковал и думал о своей бездомности, об уюте этих чисто русских потасовок.

А в то время Блок, поэтически протестовавший против происходящего ("Друзьям"), ратоборствовал в журнальных статьях в качестве литератора. Свиристествовал Андрей Белый, витиевато и тяжело утверждал себя Вячеслав Иванов. Им вторили вторые, третьи, талантливые, обещающие, бездарные, "обозные". Всё это вместе гремело на "средах". Отковывал и закалял свой акмеистический меч Гумилёв и уже мелькали кулаки футуристов. Блок целиком отвергал Гумилёва. Гумилёв целиком отвергал Бунина.

Всё это длится и сейчас, только в других формах, с другими кличками; правда, бойцы много мельче и плоше. И из всего этого осаживается для потомства наследство — не символисты и футуристы,

не акмеисты и конструктивисты, а поэты и литературный сор, быстро расплывающийся. Место уцелевшим укажет — не наука о литературе, конечно и она будет ломать перья над формами и школами, — а поэтическое восприятие потомства» [3].

После знакомства с этими материалами, видимо, менее неожиданными покажутся вышедшие из-под пера Зоргенфрея эпитафии, которые являются таковыми только по форме [1, 133–144]. По содержанию эти маленькие своего рода стихотворные шедевры, конечно, эпиграммы, отметившие самое уязвимое в творчестве его современников и точно передавшие звукопись оригиналов их произведений и особенности личностей.

Смелость и элегантная язвительность эпитафий-эпиграмм как-то не соответствует незаметной на фоне ярких современников фигуре Зоргенфрея, роль которого в истории литературы была ограничена: «спутник» Блока, журнальный поэт и переводчик. Скромность этого человека простиралась столь далеко, что даже свою звучную фамилию (в переводе с немецкого она означает «беззаботный»), которую можно было без всяких натяжек использовать как поэтический псевдоним, Зоргенфрей прятал при публикациях за бесцветными подписями (ZZ или Гильом ZZ и т. п.), как бы стесняясь её первоначального смысла.

Своеобразным комментарием к творчеству Зоргенфрея может послужить и другой отрывок из «Автобиографии», раскрывающий литературные вкусы поэта. Именно они во многом определили выбор адресатов его эпитафий-эпиграмм и пристрастное отношение к определённым литературным именам, иногда простирающееся до полного отрицания их значения в литературе: «В детстве я наизусть заучил Некрасова, чаровавшего меня чисто фонетически. До сих пор непоборимы его интонации. В юности подпал сильнейшему влиянию Мережковского эпохи "Вечных спутников" и "Толстого и Достоевского". Потом пленился тончайшей магией Блока и, частью, Андрея Белого, вне всякой связи с формальным содержанием и идеологическими конструкциями. Так и до сих пор (Люблю стихи М. Шкапской, с полным безразличием относясь к содержанию ее пафоса). Но твердо знаю: омертвевший дух никаких форм не создает; работы в области форм бесплодны; "Опыты" Брюсова, в кавычках и без кавычек, — каталог различных способов любви — без любви...» [3].

В составе дошедших до настоящего времени архивных материалов есть письма к В. В. Муйжелю, плодовитому писателю, отразившему в своём творчестве общественные настроения начала века,

соученика поэта по псковской мужской гимназии. Они представляют Зоргенфрея как незаурядного петербургского интеллигента, принимавшего активное участие в литературной жизни города, постоянного посетителя "сред" на "башне" Вяч. Иванова, человека тонкого литературного вкуса и мастера пародии. Привлекают внимание его остроумие, самоирония, глубокая начитанность. «Здесь все по-прежнему, — пишет Зоргенфрей Муйжелю в Псков из Петербурга, — писатели пишут, редакторы редактируют, цензоры вычеркивают, читатели одобряют. Я лично занят посещением танцклассов...». Или в другом письме этого же года: «Суть в том, что три месяца нет у меня того сладострастного зуда в мозгу и в нижней части живота, которое называется вдохновением. Три месяца прошло, как я написал последнее стихотворение. Все есть — и луна теперь совершенно круглая, и небо безоблачное и речка... этакая быстрая, а написать стихотворение не могу...» [4]. Однако в своих советах Муйжелю, переживавшему тогда очередной творческий кризис, Зоргенфрей более оптимистичен и конструктивен. Он предлагает несколько вариантов начал оригинального литературного произведения, мимоходом высмеивая литературные штампы того времени. «В параллель Ремизову, — пишет он, — начните роман "Озеро" или "Лужа"¹. Начните так:

— Треснуло...

Ах, треснуло. Вот, вот... Ах!

Ах! Загрезало! Подломилося! Крылья мои бедные! В грязи вы...

Го — го — го — го — гго!

И так далее.

Впрочем, вы понимаете, я шучу. На самом деле следует Вам написать роман "Рассвет" или "На рассвете", или "Перед рассветом" и начать так:

— Пли! — раздалась команда, и пятеро благородных борцов за поправные права пролетариата тяжело рухнули наземь. Побледневшие губы прошептали: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..."

Стало тихо, и слышно было, как внизу, под землю в конспиративной квартире, щелкали пишущие машинки, спешно изготавливая кипы прокламаций к товарищам солдатам... Рассвет близился.

Или плюньте на все это и, доверяясь сладости летнего уединения, обнажите психологию современной женщины — нечто вроде Анатолия Каменского²:

¹ Намёк на роман А. М. Ремезова «Пруд» (1905).

² Анатолий Павлович Каменский (1876–1941) вошёл в литературу в конце 1890-х годов. В своих произведениях, воспринятых критикой как сплошная лирика сладострастия, он создаёт особый нравственно-поэтический

- Я хочу видеть вас голой...
- Она холодно на него взглянула и вскользь заметила: «Сколько?»
- Я хочу видеть вас голой, — шептал он, — здесь, сейчас.
- Сколько?
- 100, 300, тысяча... здесь, сейчас...
- Раздевайтесь! — сказала она. — Идет тысяча! и т. д.».

В заключение, видимо, надо сказать, что литературное наследие В. А. Зоргенфрея, по определению его современника В. В. Розанова, «одного из самых прекрасных русских немцев», небольшое по объёму, но характерное по своим жанрам и содержанию для представителя Серебряного века русской культуры, ещё ждет дальнейших публикаций. После расстрела Вильгельма Зоргенфрея его имя долгое время произносили вполголоса и вычёркивали из литературы. Тем не менее, память о нём бережно хранили близкие родственники, которые сами на долгое время были вынуждены покинуть Ленинград. В начале 1980-х годов по инициативе и с помощью племянницы поэта Елены Куртовны Зоргенфрей нашлась и теперь представлена в Музее-квартире А. А. Блока чудом уцелевшая часть семейного архива, оставшегося после смерти его вдовы А. Н. Кирпичниковой-Зоргенфрей (1884–1971) [5, 569–570]. Именно из этих документов стали известны обстоятельства посмертной реабилитации поэта. 14 июля 1958 года А.Н. Зоргенфрей получила по почте повестку № 4725 военного трибунала Ленинградского военного округа с приглашением явиться в это учреждение в связи с реабилитацией её мужа. Там ей сообщили, что «определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 марта 1958 года приговор Военной коллегии в отноше-

культ любви, в его изображении более похожей не некое мистериальное действие, чем на обычное влечение полов. Есть некоторые основания предполагать, что Зоргенфрей пародирует в письме к В. В. Муйжелло рассказ Каменского «Леда», который стал своеобразным художественным манифестом писателя. Рассказ появился в 1906 году (журн. «Образование», № 12, то есть дата его появления в печати совпадает по времени с письмом В. А. Зоргенфрея) и провозгласил полную свободу личности распоряжаться своим телом. Этот рассказ, в котором героиня Каменского появляется перед гостем голая, стал поводом для громкого литературного скандала и вызвал поток пародий. В своём первом цикле эпиграмм-эпитафий, опубликованном в журнале «Сатирикон» в 1908 г., Зоргенфрей также не упускает случая задеть «эротомана» Каменского и адресует ему одну из пародий.

нии Зоргенфрея В. А. отменен, а дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления»³.

Вместе с тем надо отметить, что изучение творчества Зоргенфрея сопряжено в настоящее время с определенными трудностями. Рукописная его часть, в том числе и эпистолярная, безвозвратно утрачена в результате изъятия документов при аресте. Отдельные письма, осевшие в фондах деятелей культуры начала XX века, ещё не выявлены полностью, как и сведения о многочисленных публикациях в периодических изданиях начала XX века и переводах произведений германоязычной литературы, вышедших в издательствах советской России в 1920–1930-е годы. Только перечисление этих материалов могло составить объёмный библиографический справочник, в котором бы нашли отражение многообразные и значительные по результатам труды человека, совмещавшего, помимо основной технической, сразу несколько литературных профессий — поэта, переводчика и редактора.

Источники:

1. *Зоргенфрей В.* Страстная суббота. Стихи, воспоминания, переводы / Сост., вступ. ст., примеч. А. А. Шелаевой. СПб.: Серебряный век, 2014.
2. *Левин Н. Ф.* Псковские страницы биографии Зоргенфрея // Псков. 1988.
3. *Зоргенфрей В.* Автобиография. 1924 // Рукописный отдел ИРЛИ. Р. 1. Оп. 10, ед. хр. 43.
4. *Зоргенфрей В. А.* Письма к В. В. Муйжелю // Рукоп. отд. ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 2, № 330 (Из собрания А. Е. Бурцева).
5. *Васильева И. М.* Из архива В. А. Зоргенфрея // Литературное наследство. Т. 92. А. А. Блок. М., 1987, кн. 4.

³ Более подробно см.: *Шелаева А. А.* За скупыми строками литературных энциклопедий: поэт и переводчик Вильгельм Зоргенфрей // *Зоргенфрей В. Страстная суббота.* С. 3–47; *Шелаева А. А.* Стихи писал, переводил и ещё трамвай водил // *На Невском,* 2013, сент. С. 28.

Е. В. Разлетовская
Уральский Федеральный университет
им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург)
E-mail: razlelena@yandex.ru

ЖИЗНЬ И СУДЬБА КРАЕВЕДА ВАСИЛИЯ РАЗЛЕТОВСКОГО

В статье — впервые после 1920-х гг. — даётся информация об одном из активных членов Псковского общества краеведения, репрессированном в 20-х гг. XX столетия.

Ключевые слова: Разлетовские, Овсянкины, Псков, краеведение.

Трудно писать о том, кого не знал и о ком в семье молчали. Однако жизнь и псковичи-краеведы дали возможность познакомиться с дедом, отцом моего папы. Напишу то, что узнала из документов, материалов архивов, расспросов знакомых и близких.

Дед мой, Разлетовский Василий Яковлевич, родился в семье сельского учителя Разлетовского Якова Аполлоновича, в деревне Репрово Псковской губернии, отец которого был воспитанником Воспитательного дома Санкт-Петербурга. По окончании Учительской семинарии он попал в Псковскую губернию. Мать деда звали Ольгой Семёновной. Когда Василию было совсем немного лет — пять, а его сестре Надежде и всего-то три года, отец их утонул. Насколько стало понятно, мать и дети оказались в Пскове. Василий учился и закончил Псковскую Духовную семинарию, а Надежда — Мариинскую гимназию. Впоследствии Надежда стала учительницей, работала в школе в г. Пскове и со временем вышла замуж за Чистовского Смарагда Михайловича, который был директором этой школы. Был у них сын Андрей. Дальнейшая судьба этой семьи неизвестна.

Василий Яковлевич поступил и с отличием закончил Петербургскую Духовную академию по словесному отделению со званием кандидата-магистра. По окончании Академии работал полтора года в Тамбовском женском епархиальном училище, а затем перебрался на родину, в Псков. Человек он был весёлый, активный и контактный. В 1910(11) году женился на Ольге Иоанновне Овсянкиной — нашей бабушке. Насколько я поняла, семьи Разлетовских и Овсянкиных происходили из одной местности и были знакомы: Овсянкины — из Воронича, Разлетовские — из д. Репрово. И это территориально

В. Я. Разлетовский

близко. Через некоторое время в семье появились дети — дочь Нина, через 1,5 года, в 1912 г., наш отец Всеволод. Дед работал в школах, училищах, Духовной семинарии, а также был инспектором и инспектировал школы. Во время инспектирования одной из школ познакомился и влюбился в преподавательницу, дочь священника церкви в Камно. Мария Павловна Панова была интересной, молодой. Она закончила Псковское Епархиальное училище. А бабушка, Ольга Ивановна, была строгой, обременена двумя малыми детьми и работала стоматологом. По слухам-разговорам, дед съездил с новой любовью на отдых. А вернувшись,

пришёл к бабушке, каялся и просил прощения и очень хотел вернуться в семью. Бабушка не разрешила. И 20 августа 1918 г. дед получил свидетельство от Псковской Духовной консистории о разводе. По истечении какого-то времени они с Марией Пановой поженились. В новой семье родился сын Евгений.

Василий Яковлевич преподавал, и не только. Он очень любил свой край и был активным краеведом. Вел краеведческий кружок. По результату своего путешествия по реке Великой написал и опубликовал брошюру, которая так и называлась «300 километров по реке Великой». В путешествиях он бывал в бывших поместьях семей декабристов и получал некоторые письма и записи, которые потом передал профессору в Ленинграде. Очень любил поэзию и особенно творчество А. С. Пушкина. Совместно с Иеропольским был сформирован и выпущен сборник стихотворений о Псковском крае. В «Псковском Набате» были напечатаны статьи о Пушкине А. С и Пушкиногорье. Любил преподавательскую работу и учеников. Писал статьи по совершенствованию обучения.

А затем начались аресты. Первый арест в 1924 г. и был связан с его выступлением на похоронах отца Геннадия, с которым он учился в Академии, второй — в 1930 году. По окончании суда его признали социально опасным элементом и сослали в Печерский лагерь, а затем, через 4 года, — на поселение в Новгородскую область. К делу привлекался преподаватель С. О. Рехенмахер. Сергей Оттович был

человеком сдержанным и ему ничего не смогли инкриминировать. А дед был не выдержан и не осторожен в высказываниях. Свидетелями по делу привлекались преподаватели, с которыми он работал или был знаком, — Скрипский П. Н., Бекке Л. Л., Малышев И. В., Фёдоров К. И., Вознесенский П. С. Надо отметить, что эти свидетели ничего плохого о деду не говорили. Говорили о том, что он обходит вопросы религии, что выпадов против партии и советской власти не слышали, что он небрежный педагог и т. п. Против него свидетельствовал Н. Колиберский, который после доносов приходил в дом Овсянкиных в гости. На допросах Н. Колиберский говорил о глубокой религиозности Василия Яковлевича, о том, что о Советской власти говорит витиевато и с усмешкой, что он в отношении коллективизации занимает позицию определённо враждебную, что контрреволюционные слухи в основном исходили от Разлетовского В. Я. Этого было достаточно и всё это отражено в протоколах допросов свидетелей. Однако следует отметить и то, что при обыске в бумагах Василия Яковлевича энкавэдэшники нашли черновик поздравительной телеграммы в адрес Государя Императора от коллектива учащихся и преподавателей коммерческого училища. Содержание черновика телеграммы позволяет сказать, что уже только это могло рассматриваться как криминал. Вот эта телеграмма: «Учащийся персонал и учителя Псковского Коммерческого училища товарищества преподавателей и собравшихся в торжественный акт 1 выпуска его питомцев, вознес горячую молитву за Обожаемого Государя. и его семью, и победоносное воинство русское просит Ваше сиятельство повергнуть к стопам Государя Императора чувства их верноподданнической беспредельной преданности и готовности всеми силами и разным своим служением своему царю и дорогой Родины».

В итоге, Василию Яковлевичу Разлетовскому был инкриминирован шпионаж, как результат сплава по Великой, что рассматривалось как сбор информации. Всё же вышесказанное дало характеристику Василию Яковлевичу как неблагонадёжному человеку.

По воспоминаниям преподавателя и краеведа Белинского А. И. из Опочки (часть мемуаров Белинского была опубликована в журнале «Знамя», 2000 г., № 11, в статье «Государственный преступник»), попали они при транспортировке в лагерь с Разлетовским В. Я. в один вагон, и дед рассказывал ему, что его склоняли к доносам и настойчиво предлагали стать агентом. Дед отказывался категорически. Через 4 года в лагере его — думаю по здоровью, — освободили и выслали на поселение в Новгородскую область. Дата смерти деда приблизительно

ная — 1936 год, а место её неизвестно. Посмертно Разлетовский Василий Яковлевич был реабилитирован в 1989 году.

Сын его от второго брака, Евгений, был партизаном, погиб во Второй мировой войне под Псковом — ему было 18 лет. Вторая жена, Мария Павловна Панова, со временем вышла замуж и жила в Юрмале.

Бабушка Ольга Ивановна замуж больше не вышла и жила с дочерью, Ниной Васильевной Разлетовской, и её семьей. Наш отец, Всеволод Васильевич Разлетовский, окончил в Ленинграде геолого-разведочный техникум, работал. Выработав стаж, поступил в Ленинградский государственный университет на физический факультет. Отец и мама, Скрыбина Ирина Николаевна, завербовались на Колыму, где проработали более 3 лет. Вернулись в Ленинград. А вскоре началась война. Все псковские Скрыбины были эвакуированы в Красный Кут Саратовской области, где работали в Качинском училище. Отец воевал, был сапёром, имеет два ордена Красной Звезды и много других наград. После войны наша семья жила в Казахстане. Папа никогда не рассказывал о своём отце: видимо, сказывалась ситуация в семье, где, кроме его отца, были репрессированы зять и его мать, арестовывали дядю — священника Овсянкина Павла Иоанновича, а родные жены пропали во время гражданской войны.

Хочу выразить признательность псковским краеведам Левину Н. Ф., Филимонову А. В., Кондратене А. В., которые помогли получить некоторую информацию, благодаря которой и познакомиться с дедом.

ЛЕВ ЛЕБЕДЯНСКИЙ — НОВОЕ ИМЯ В ИСТОРИИ ВЕЛИКИХ ЛУК

В статье говорится об инженере-конструкторе именного паровоза Л-1846 Льве Лебедянском, лауреате Сталинской премии.

Ключевые слова: Великие Луки, Реальное училище, Локомотивное депо, паровоз-памятник.

Свой рассказ о новом имени, связанном со славным городом Великие Луки, я начну с небольшого экскурса в историю Великолуцкого локомотивного депо. Год 2017-й — юбилейный для Российских железных дорог: исполнилось 180 лет с того памятного события, когда в России появилась первая железная дорога, от Санкт-Петербурга до Царского Села. Этот же год является юбилейным и для нашего Локомотивного депо: 110 лет со дня его основания. Именно 1 января 1907 года, когда прибыл первый поезд из Бологого в Великие Луки по вновь построенной линии Бологое-Полоцкой железной дороги, и считается официальной датой открытия Великолуцких мастерских, — так тогда именовалось депо.

К своему юбилею железнодорожники преподнесли замечательный подарок: на территории предприятия, рядом с мемориалом работникам депо, погибшим на своём трудовом посту во время налёта немецкой авиации в июле 1944 года, был установлен на вечную стоянку паровоз Л-1846. Судьба этого паровоза весьма интересна. Построен он был в 1952 г. на Коломенском паровозостроительном заводе им. В. В. Куйбышева. 10 лет отработал на Казанской железной дороге, в 1963 г. был передислоцирован на Октябрьскую и продолжал здесь трудиться, перевозя народно-хозяйственные грузы, вплоть до начала 80-х годов, когда более мощные и экономичные тепловозы полностью вытеснили паровозы и последние были отставлены в запас.

На наших базах запаса на станциях Новоскольникови и Невель в своё время находились десятки паровозов, отставленных от эксплуатации. Но к 2016 году остался один паровоз — теперь уже не крайний, а действительно последний. И финал ему был уготован пе-

чальный: он должен быть разрезан на металлолом. Но инициативным и неравнодушным к сохранению исторического наследия работникам во главе с начальником Эксплуатационного локомотивного депо Сергеем Михалченковым удалось добиться на самом высоком железнодорожном уровне не только сохранения раритетного локомотива, но и взять его на баланс предприятия.

Паровоз на реставрации
в Локомотивном депо.
Июнь 2017 г.

Сразу же закипела работа по его восстановлению-реставрации и подготовке к экспозиции как памятника. Усилия коллектива завершились успехом, да ещё каким! Торжественное открытие паровоза-памятника состоялось в День железнодорожника, 4 августа. Всё было празднично: перерезание алой ленточки, настоящий гудок паровоза, живые цветы и слова благодарности ветеранов за сохранение частички истории Депо и самой памяти. И теперь этот мощный и красивый паровоз-трудяга является символом трудовой доблести не только работников Локомотивного депо, но и железнодорожников всего Великолукского узла.

Параллельно с сохранением локомотива велась и архивная работа, которая также увенчалась успехом. Скрупулёзная поисковая работа принесла долгожданный результат: великолукскими краеведами в псковских, новгородских и коломенских архивах найдены свидетельства, документально подтверждающие, что главный конструктор паровоза серии «Л» Лев Сергеевич Лебедевский имеет самое непосредственное отношение к городу на Ловати, — с 1908 по 1912 годы совсем юный Лёва вместе с семьёй проживал в Великих Луках, учась в начальных классах Реального училища.

Родился Лев Сергеевич в 1898 году в Воронеже. Родители были учителями народных училищ. Отец Сергей Николаевич при царском режиме как «политически неблагонадёжный» постоянно подвергался репрессиям и высылке из разных городов. В 1908 году отец с сыном после очередного переезда оказываются в Великих Луках. После успешных вступительных испытаний Лёва поступил в 1-й класс Реального училища, т. е. учебного общеобразовательного заведения, «приспособленного к приобретению технических познаний». Через год мама и сестра переезжают к ним — семья воссоединилась и зажила счастливо. Но продолжалось это недолго. Здесь же, в Великих Луках, в 1910 г. отца снова репрессировали, лишили службы и отдали под гласный надзор полиции. В конце года Сергея Николаевича реабилитировали, и в 1912 г. семья перебирается в Новгород, где Лёва продолжил учёбу.

Л. С. Лебединский
с отцом
Сергеем Николаевичем
и сыновьями
Львом и Дмитрием

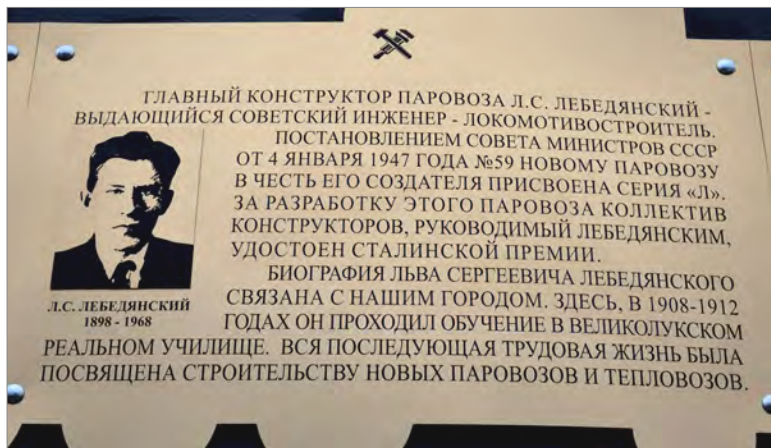

Л. С. Лебединский
(1898–1968)

В 1915 году обучение было закончено, в итоговой таблице по всем точным наукам (арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, естествознанию) стоят исключительно отличные оценки. И хочется верить, что вся последующая славная трудовая жизнь Льва Сергеевича сложилась именно так благодаря тем основам, которые были заложены великолукскими учителями в самом начале жизненного пути будущего конструктора локомотивов.

А трудовая деятельность Л. С. Лебединского оказалась действительно яркой. После окончания Петербургского Политехнического института в 1922 г. он поступает на Коломенский паровозостроительный завод, с которым теперь будет связана его судьба. За 17 лет пройден путь от рядового инженера-конструктора до главного конструктора, и в этой должности он прослужил четверть века! Один только перечень тех локомотивов, в разработке которых Лебединский принимал непосредственное участие, вызывает глубокое восхищение: паровозы ФД, ИС, тепловозы ТЭЗ, ТЭП60, электровозы ВЛ19, ВЛ22 и даже первый отечественный газотурбовоз Г1. Но, несомненно, вершиной его конструкторского творчества стал грузовой паровоз с заводским индексом ПЗ2, названный так в честь Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Без лишней скромности можно сказать, что великолукский паровоз Л-1846 является особенным в ряду мемориальных паровозов, установленных на постаменты на необъятном пространстве российских железных дорог, поскольку связан с пребыванием Льва Лебедянского в нашем городе. Круг истории замкнулся. В 2018 году Л. С. Лебедянскому исполнилось 120 лет со дня рождения. И память об этом выдающемся советском инженере-локомотивостроителе увековечена мемориальной доской, установленной на тендере паровоза его имени.

В. И. Аксельрод

Юношеский университет.

Союз краеведов России, С.-Петербург.

E-mail: spb_graeved@mail.ru

ЛЕНИНГРАДСКИЕ АДРЕСА РЕСТАВРАТОРА И ИСТОРИКА ДРЕВНЕГО ПСКОВА ЮРИЯ СПЕГАЛЬСКОГО

В статье рассказывается о деятельности в Ленинграде известного реставратора, уроженца Пскова, Юрия Павловича Спегальского, — разработанным им методом реставрации до сих пор пользуются профессионалы нашей страны.

Ключевые слова: архитектура, реставрация, Северная столица.

Имя выдающегося реставратора и историка древнего Пскова Юрия Павловича Спегальского в равной мере принадлежит культуре Петербурга (Ленинграда) и Пскова. Напомню основные вехи его биографии, связанные с Северной столицей.

Впервые в Ленинград Спегальский приехал в 1928 году, в возрасте 19 лет. Увлечение стариной, и в особенности древней псковской архитектурой, пришедшее к нему ещё в детстве, побудило его поступить на Архитектурный факультет Ленинградского инженерно-строительного института (ЛИСИ). Здание этого института, располагавшегося в довоенные годы на Международном (ныне Московском) проспекте, д. 29 [1], — первый выявленный нами ленинградский адрес Спегальского. Здание, в котором Юрий овладевал профессиональной архитектурой, имеет 125-летнюю историю. Оно было возведено в 1881–1883 гг. по первоначальному проекту инженера-архитектора Р. Р. Бернгарда [2, 47] академиком архитектуры И. С. Китнером [2, 159] для Института гражданских инженеров (ИГИ). Ныне это Государственный архитектурно-строительный университет (ГАСУ). Год его основания 1832 [3, 293–294] отмечен на фасаде здания.

Все годы обучения в ЛИСИ Юрий Спегальский проживал в студенческом общежитии по адресу Серпуховская ул., д. 10. Здание, в котором оно располагалось тогда и располагается в настоящее время, с дореволюционных времён известно было как Дом общества гражданских инженеров. Оно было построено по проекту выпускника, а позже и преподавателя ИГИ И. Ю. Мошинского в 1901–1902 гг. [2, 220–221] и отмечено характерным декоративным символом архитектуры — циркулем.

После окончания ЛИСИ, в 1936 г., Спегальский работал в Отделе охраны памятников Леноблисполкома и архитектурно-художественных мастерских. По данным адресно-справочной книги «Весь Ленинград» на 1940 г., эти мастерские располагались на Набережной реки Мойки, 83 [1, 193]. Однако, в первую очередь, Спегальский был востребован в качестве уникального специалиста-архитектора-верхолаза, занимаясь верхолазными работами на высотных зданиях города. В 1937 г. он совершил своё первое «петербургское восхождение» — на колокольню Екатерининской церкви на Васильевском острове, где потом не раз производил ремонтные работы. Подобные работы были проведены им и на карнизе Знаменской церкви на нынешней площади Восстания (церковь снесена в 1941). В начале 1941 г. Спегальский проводил обмеры Благовещенской церкви и установил сорвавшийся крест на Андреевском соборе (оба храма на Васильевском острове). Также он обмерил верхние части церкви Иоанна Предтечи на Каменном острове, купола Борисоглебской церкви на Синопской набережной (снесена в 1975 г.) и купол Троицкой церкви («Кулич и Пасха») [4, 187].

Троицкая церковь (Кулич и Пасха)

Но в то же время, работая в Отделе охраны памятников Леноблисполкома, которому тогда подчинялся и Псков, Спегальский смог приступить к реставрационным работам на средневековой Гремячей

(Козьмодемьянской) башне, входившей в комплекс оборонных сооружений древнего Пскова. Тогда же под его руководством были спасены от разрушения «вторые палаты Меншикова» — памятник гражданского зодчества XVII века [5].

С июля 1938 г. по июнь 1945 г. Ю. П. Спегальский проживал в Ленинграде на Петроградской стороне, на Съезжинской улице, в доме № 16, кв. 7¹. Этот дом был возведён в 1912–1914 гг. в стиле неоклассицизма по проекту инженера Путей сообщения Н. Б. Богуславского. Это единственное здание, сооружённое им в Петербурге [2, 53].

В годы Великой Отечественной войны, будучи единственным в Ленинграде архитектором-верхолазом, Спегальский занимался маскировкой и ремонтом высотных сооружений наряду с альпинистами. Начальник Государственной Инспекции по охране памятников Ленинграда Николай Николаевич Белехов в официальном обращении писал о Спегальском: «Тов. Спегальский — единственный в городе архитектор-верхолаз, непосредственно работающий на большой высоте (куполах, шпилях и проч.) без лесов, по маскировке и ремонту. В последнее время он работал по заданиям Военного Совета и исполкома Ленгорсовета по маскировке высотных объектов, являющихся ориентацией обстрелов, и по заданию Академии тов. Спегальский работает над историческими материалами Пскова».

Специально сшитыми чехлами верхолазы укрыли купола Никольского собора в Коломне и Крестовоздвиженской церкви на Лиговском проспекте, Успенской церкви на Сенной площади. Были замаскированы золотые шпили Адмиралтейства и Михайловского замка в историческом центре. Работа, проведённая верхолазами на огромной высоте с досок, под вражескими обстрелами, была поистине героической [4, 183].

Наградой Спегальскому стала медаль «За оборону Ленинграда», на одной из сторон которой изображены башня и шпиль Адмиралтейства, в укрытии которого он принимал участие².

¹ По этому адресу он был прописан 20 июля 1938 г., а выписан 27 июня 1945 г. см. *Овечкин Евгений*. Юрий Спегальский, архитектор, реставратор, верхолаз. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.alpkclubspb.ru/ass/a476.htm> (25.08.2018)

² В работах по укрытию, фиксации и изучению памятников Ленинграда в дни блокады вместе с Ю. П. Спегальским принимали участие зодчие и исследователи архитектуры Л. А. Ильин, Л. М. Тверской, А. П. Удаленков, Н. П. Никитин, Б. К. Николаев, В. Н. Соколовский, С. В. Попова-Гунич, П. И. Трубецкая, Г. Г. Гримм, В. И. Пилявский, Я. О. Рубанчик, Е. Л. Кротирова, Е. Г. Мелик-Багдасарова, В. П. Яковлев, А. М. Соколов,

Нельзя не отметить, что подлинным штабом борьбы за спасение культурного наследия Ленинграда в дни блокады, объединившим все художественные силы города, была Инспекция по охране памятников во главе с Н. Н. Белеховым. Она размещалась на площади Ломоносова, д. 1, где и в настоящее время работает Комитет по государственной охране и использованию памятников (КГИОП) [6, 40]. Спегальский и в дальнейшем был тесно связан с этой организацией.

Удивительно, что в самый страшный период блокады, зимой 1941–1942 гг., Спегальский не переставал думать о Пскове. Он создаёт графическую серию «По Пскову XVII века», состоящую из 90 карандашных рисунков и представляющую собой своеобразную историческую реконструкцию памятников и целых кварталов древнего Пскова. Тогда же Спегальский обдумывал проект создания в Пскове системы взаимосвязанных архитектурных заповедников. В этом новаторском проекте древний город с его возрожденными памятниками искусства и старины цельно и гармонично объединялся с городом новым и современным. Таких городов в России ещё не было... [7].

В начале блокады Ленинграда в жизнь Спегальского вошла художник-реставратор Ольга Константиновна Аршакуни.

Их первая встреча случилась зимой 1941 г. в стационаре ленинградского Дома архитекторов. Спегальский уступил своё спальное место обессиленной от голода Ольге Константиновне. Вторая встреча произошла летом 1942 г. у стен Александро-Невской лавры. В это время О. Аршакуни работала в составе бригады архитекторов-инспекторов и занималась обмерами и зарисовками архитектурных памятников Ленинграда. «Новым моим заданием, — вспоминает О. Аршакуни в книге «Предчувствие», — было исследование надвратной церкви и её ограды в Александро-Невской лавре... Помощник спустился буквально с неба, и его необычайная внешность поразила моё воображение... Он был одет в рабочий спецкостюм защитного цвета, грудь перетягивали широкие ремни, на которых были прикреплены металлические карабины и прочие принадлежности верхолаза... Неожиданный пришелец — это был Юрий Павлович Спегальский, — узнав, чем я занимаюсь, пошёл вдоль каменной ограды и с удивительной лёгкостью отыскал следы ворот, спрятанных под толстым слоем

К. Д. Халтурин, А. Н. Петров, В. А. Каменский, А. К. Барутчев, Е. К. Ушакова, Т. В. Берсенева, С. С. Фролова, Е. Н. Петрова, Н. М. Серебровский, О. К. Аршакуни, Д. А. Кючарианц, М. З. Тарановская, В. С. Баниге, Е. В. Казанская, С. И. Шешукова. См. А. А. Кедринский, М. Г. Колотое, Б. Н. Ометов, А. Г. Раскин. Восстановление памятников архитектуры Ленинграда, издание второе, исправление и дополненные — указ. изд. с. 23.

штукатурки, старую кладку стен. Для него, казалось, не составляло труда читать каменную книгу, раскрытую перед ним».

Осенью того же года Спегальский впервые пригласил О. Аршакуни к себе в гости на Съезжинскую улицу. «В этот памятный для меня вечер 17 ноября 1942 г., — вспоминала Аршакуни, — он посвятил меня в свои думы, тревоги и надежды, мечты и планы. Ещё шла война, конца которой не было видно, а он уже мечтал широко и вдохновенно» [8, 43].

Ольга Константиновна становится его женой, верным другом и помощницей на все последующие годы. После освобождения Пскова Спегальский вернулся в свой родной город и работал инспектором по охране памятников, а позже начальником реставрационной мастерской.

Несмотря на успехи и достижения, недоброжелателям Спегальского удалось добиться прекращения его деятельности в Пскове, и он был вынужден покинуть родной город. О. Аршакуни пишет о причинах: «Спегальский делал всё не торопясь, широко задумывая, заглядывая далеко вперёд. Он забывал о так называемых темпах и о формальном выполнении плана. Он никогда не умел ловчить и приспособливаться, не умел быть дипломатом с высоким начальством...

Деятельность Спегальского мешала ломать, портить, разрушать памятники старины... Спегальский, защищая памятники, путался под ногами. Мешал развороту строительных работ в центре города. В представлении «власть имущих» Спегальский тянул историю вспять — к XVII веку [9, 26].

Яркий портрет Юрия Павловича середины 1940-х гг. в своих воспоминаниях воссоздаёт историк Н. Н. Масленникова: «Меня поразило его облик, — пишет она — он был очень красив и необычен. Он был одет в русское платье: полотняную рубаху крестьянского покроя и полотняные штаны. Русскому костюму он не изменял никогда. Иногда зимой он появлялся в музее в русской рубахе зелёного сукна с этнографической тонкой вышивкой. Но у него была и необыкновенная причёска, которая теперь никого бы не удивила, но тогда такую причёску и бороду не носил никто, кроме Спегальского. Тёмно-русые густые волосы и такие же пышные брови выгорали и отрастали летом, и с ними контрастировала более тёмная прекрасная кудрявая не очень длинная борода с тёмно-рыжими крупными завитками у щёк. У него были серые, очень серьёзные глаза...Его персонажами древнерусских фресок» [10, 36–37].

В 1947 г. Юрий Павлович вновь приезжает в Ленинград и поступает в аспирантуру при Институте архитектуры, живописи и скульптуры имени И. Е. Репина.

Величественное здание Академии художеств, возведённое по проекту архитекторов А. Ф. Кокоринова и Ж. Б. Валлен-Деламота, вместе с пристанью со сфинксами (архитектор К. Тон) на Университетской набережной, д. 17, является одним из символов Петербурга. В годы занятий в аспирантуре Спегальский разработал тему о псковских каменных жилых постройках XVII в. Его работы имели большое значение не только для истории псковского зодчества, но и для изучения древней архитектуры в целом. Автору удалось убедительно доказать существование несохранившихся верхних этажей, служивших жилыми помещениями [5]. После блестящей защиты кандидатской диссертации, с 1951 по 1956 г. Юрий Павлович работал в Ленинградском филиале Академии архитектуры и в Ленинградской реставрационной мастерской. Она размещалась в здании бывшего Министерства просвещения на улице Зодчего Росси, д. 1. С 1956 г. Спегальский — сотрудник Отдела славяно-русской археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА), размещавшегося в здании б. Новомихайловского дворца на Дворцовой набережной, 18. Дворец был сооружён в 1857–1862 гг. по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера [2, 340]. Здесь Спегальский получил возможность, наряду с основной темой научной работы, продолжать заниматься изучением средневековой архитектуры Пскова и древнерусского искусства в целом. Поэтому десятилетие, с 1958 по 1968, когда он работал в ЛОИА, стало самым плодотворным в творческой жизни учёного³.

В 1950-е гг. Спегальский проводил ремонтные работы на здании главного корпуса Публичной библиотеки и обмерные работы под куполом церкви Ильи Пророка на Пороховых, обследовал высотную часть Александровской колонны на Дворцовой площади. В 1954 г. Спегальский в составе бригады верхолазов участвовал в разборке дымовых труб Монетного двора. В июле 1956 г. он вместе с альпинистом О. П. Тихоновым совершил восхождение на купол Исаакиевского собора, на высоту 102 м. В беседе с журналисткой Ю. Юношевой Ю. П. Спегальский сказал: «Трудным был первый

³ В период 1960–1968 годов он публикует ряд научных статей посвященных таким псковским памятникам, как церковь Козьмы и Дамиана с Примостья, церковь Николы со Усохи, Богоявления с Запсковья, Василия на Горке и другим.

подъём. Влезть на крест менее сложно, чем на шпиль, но здесь встретилась неподвижная трудность — выступающий на метр карниз верхнего малого купола. Раздвижная лестница, поставленная на перила верхней галереи, не доставала до него почти на человеческий рост. Нужно было откинуться назад, подпрыгнуть и, ухватившись за край карниза, подтянуться на него на вытянутых руках. Даже такой отличный спортсмен, как Олег, мог это сделать только с четвёртой попытки...» [4, 193].

В 1956 г. в Князь-Владимирском соборе Спегальский и Тихонов осуществили проверку состояния штукатурки центральной главы и проверку прочности центрального паникадила. За эту работу они получили более 6000 рублей. В 1957 г. Спегальский занимался ликвидацией последствий урагана на большой луковце Смольного собора [4].

В 1957 году Спегальский по приглашению Ленинградской реставрационной мастерской и ГИОПА (Госинспекции по охране памятников архитектуры) принимает участие в верхолазной работе по восстановлению шпиля Петропавловского собора. Учитывая всю техническую сложность запланированных работ, его участие в этом деле было необходимо, поскольку он совмещал в себе исследователя архитектуры, инженера и верхолаза. Верхолазы обследовали поверхность шпиля, определили сохранность конструкции и позолоты, количество медных листов облицовки, выяснили состояние ангела с крестом.

За эту работу Спегальский наряду с коллегами был награждён медалями «За трудовую доблесть» и «250 лет основания Ленинграда».

Сохранились воспоминания известного ленинградского архитектора-реставратора И. Н. Бенуа о работах, проведённых Спегальским на шпиле Петропавловского собора. Она вспоминала: «Осмотр шпиля Юрием Павловичем принёс очень большую пользу нам, реставраторам, так как он дал исчерпывающее описание состояния медных позолоченных листов» [8, 128]. О. Аршакуни вспоминает, что проведённая Спегальским работа «вызывала у бригады верхолазов восхищение своей безукоризненной точностью, позволяющей без всяких помех устанавливать леса на 122-метровой высоте на строго предназначенные для них места» [11, 58].

Самый известный адрес ленинградского периода жизни Ю. П. Спегальского — дом на улице Софьи Перовской (ныне Малая Конюшенная), д. 2⁴.

⁴ Этот адрес Ю. П. Спегальского мы находим в справочниках абонентов ленинградской городской телефонной сети. Квартирные телефоны за 1960-е годы: за 1961 г. С. 321, за 1965 г. С. 623.

Спегальский на Шпиле
Петропавловки. 1957 г.

В этом доме, в квартире О. К. Аршакуни Юрий Павлович прожил вместе с ней 20 лет: с 1948 по 1968 гг., до переезда в Псков. Об этом напоминает мемориальная доска, установленная на фасаде.

В прошлом это здание принадлежало ведомству Главных придворных конюшен. Его строительство, как и соседнего № 4, проводилось по проекту архитектора Конюшенной конторы А. К. Буржуа в 1838 г., но его перестройка продолжилась до 1851 г. Они занимали участок с общим двором и выходили на Екатерининский канал и Малую Конюшенную улицу.

Из всеобщей адресной книги на 1867–1868 гг. и из адресной книги «Весь Петербург» следует, что в доме № 2 располагался корпус № 8 Придворного ведомства. На первом этаже размещались каретные сараи, а на втором и третьем — жилые квартиры. В 20-е гг. XX в. он принадлежал жилищному товариществу. Комендантом (управдомом) здания был Клемент Михайлович Кочагарко, служивший в Госконюшне на Надеждинской ул., 15. В доме насчитывалось 36 квартир, в них проживало 80 жильцов. Большею частью квартиры были небольшими, поэтому встречались семьи, имевшие отдельное жильё. Социальный состав типичен для советского времени, но в списках налогоплательщиков часто встречаются рабочие Госконюшни и конюхи, служившие в обозе Откомхоза. Весь дом занимали только жилые квартиры. Помещения для сдачи в наём отсутствовали [12, 222–223]. В настоящее время в этом доме размещается городская поликлиника № 38.

В 1960-е гг. ностальгия Спегальского по Пскову ещё более усиливается. В одном из писем того времени Спегальский с грустью писал жене, находившейся в санатории: «... Теперь я существую лишь для тебя. Даже Псков для меня уже, наверное, потерян...» [8, 106]. Но в глубине души он верил в возвращение и ждал этого часа. Ему часто снились сны о Пскове. Об этом свидетельствует следующий факт. Летом 1967 г. Спегальский создал масштабное декоративное панно «Древний Псков», написанное маслом на холсте. Размеры его впечатляют: 4,90 x 3,24 метра. Ныне оно хранится в Музее архитектуры им. Щусева в Москве. На этом холсте Спегальский написал слова, которые О. Аршакуни потом назвала мольбой: «... Дай мне хоть единый раз, открыв окно, узрети за ним стародавний Псков и мужей пскович и жен псковитянок и избы и полаты славного города...» [13, 108].

Наконец, в 1968 г. Спегальского пригласили в Псков на должность главного архитектора реставрационной мастерской. Обменяв ленинградскую квартиру, с ним в Псков уехала и Ольга Константиновна. Но в родном городе Спегальскому суждено было прожить лишь 150 дней — 17 января 1969 г. он ушёл из жизни в неполные 60 лет.

Таким образом, ленинградский период занимает в творческой биографии этого выдающегося историка и реставратора в общей сложности 38 лет — большую часть жизни.

Трудно переоценить тот вклад, который Ю. П. Спегальский внёс в сохранение культурного наследия Северной столицы. В общей сложности он поднимался на купола, крыши и шпили более 20 архитектурных памятников Ленинграда, участвуя в их укрытии, ремонте и реставрации.

Литература:

1. Весь Ленинград. Адресно-справочная книга на 1940 г. Л.: Ленинград, 1040.
2. Архитекторы-строители Санкт-Петербурга XIX — начала XX века. Справочник. Под общей редакцией Б. М. Кирикова. СПб., Пилигрим, 1996.
3. Высшая школа Санкт-Петербурга XIX — начала XX века (Сб. документов). СПб., Лики России, 2007.
4. *Кузьменко М. А.* О верхолазных работах Юрия Павловича Спегальского в Ленинграде // *Земля Псковская, древняя и современная.* Псков, 2004.
5. Санкт-Петербург. Энциклопедия. [Электронный ресурс]: URL: www.enspb.ru
6. *Кедринский А. А., Колотов М. Г., Ометов Б. Н., Раскин А. Г.* Восстановление памятников архитектуры Ленинграда. Л.: Стройиздат. Ленинградское отделение, 1989.
7. *Кузьменко М. А.* Современные мысли // *Новости Пскова.* 2001, 17 января.
8. *Аршакуни О. К.* Предчувствие. Воспоминания о Ю. П. Спегальском. Л., 1987.
9. *Аршакуни О. К.* Повести о 40-х годах // Сб.: Псков. Памяти Юрия Павловича Спегальского. 1909–1969. Псков, 1999.
10. *Масленникова Н. Н.* Воспоминания о Ю. П. Спегальском. Там же.
11. *Аршакуни О. К.* Народное зодчество Пскова. Архитектурное наследие Ю. П. Спегальского. М., 1987.
12. *Аксельрод В. И., Манькова А. А.* Конюшенная площадь и Малая Конюшенная улица. М. — СПб., Центрполиграф, 2011.
13. *Булькин В. А., Овсянников О. В.* Учёный, зодчий, каменщик. Л., 1983.

А. Г. Разумовская
Псковский государственный университет,
г. Псков, Россия.
E-mail: aida1@list.ru

ОБРАЗЫ ДРЕВНЕГО ПСКОВА В ЛИРИКЕ ЕЛЕНА МОРОЗКИНОЙ

В статье анализируются стихотворения Елены Николаевны Морозкиной, посвящённые Пскову.

Ключевые слова: *архитектор, искусствовед, лирик Морозкина, храмы и монастыри, любовь к псковской старине.*

Е. Н. Морозкина — автор известного путеводителя по нашему краю, книги «Псковская земля», выпущенной в 1975, 1986, а в полном объёме — в 2004 и 2009 годах. Работая над диссертацией по псковскому зодчеству, она, по собственному признанию, *«лицом к лицу встретила с этическим искусством Пскова, и оно заговорило со мною...»* [1; 422]. Рассказу о многолетней связи с Псковской землёй Е. Морозкиной, архитектора по профессии, посвятила свою статью Т. В. Вересова, у которой читаем: *«Елена Николаевна влюбилась в Псковскую землю с первых шагов по ней: в «разлёты русских городищ», приземистые церквушки, купеческие палаты, озёрное раздолье равнин и даже ничем не примечательный серый плитняк. И уже в первый свой приезд сюда в 1957 году написала:*

*Для меня, исконна росса,
Дорог камень — да не всяк:
Мрамор древнего Пароса,
Серый псковский известняк. [1; 425]*

Морозкина не только целенаправленно и кропотливо изучала древности Псковской земли, но и создавала их образы в своей поэзии. Наибольшее количество стихотворений посвящено Крыпецкому и Печерскому монастырям, ею поэтически осмыслены Старый Изборск и Малы. Настоящая статья посвящена образу Пскова в сборнике Морозкиной «Осенняя песня» [2].¹

¹ Стихотворения цитируются по данному сборнику с указанием страницы в круглых скобках.

В жизни и поэзии Е. Н. Морозкиной развернулся своеобразный роман с городом: «Судьба прочно повенчала меня со Псковом» [2; 17]. Морозкина сроднилась с нашим городом и сумела проникнуть в его потаённую сущность. Она шла к этому в русле литературных традиций, но при этом сумела выразить неповторимое собственное понимание Пскова.

Для псковского текста русской литературы [3] характерен довольно устойчивый набор природных и культурно-исторических объектов, которые отражаются в литературе о Пскове. Это реки, озеро, стены и башни крепости, Троицкий собор, псковские церкви, исторические личности Пскова (князь Довмонт-Тимофей, княгиня Ольга, юродивый Никола Салос). Обращается к ним и Е. Морозкина, в своём поэтическом осмыслении города исходя из его реальной истории и топографии, используя уникальную местную топонимику. Но что особенно впечатляет в псковских стихах автора — это внимание к взаимопрорастанию природных и культурных элементов, гармоничному слиянию архитектуры с ландшафтом. Вот стихотворение 1969 года, открывающее псковский раздел цикла «А жизнь бежит...»:

*И небеса, меж облаками
Вдруг проливающие синь,
И лиловеющие камни,
И светло-серую пыльнь,*

*И молодой бодрящий ветер,
И острый блеск реки живой,
И птичий щебет на рассвете
Над башнею сторожевой,*

*И героические стены
С кустами красной бузины,
И этот розовый оттенок
Меж осыпями старины,*

*И с высоты многовековой
Собор в сияньи облаков,
И эту пыльную подкову
На счастье подарил мне Псков. (108)*

Город, чьё имя звучит как кульминация в конце стихотворения, словно обозреваем с высоты птичьего полёта и одновременно — *«с высоты многовековой»*. Его образ видится *«в сиянии облаков»*, он словно пронизан синевой небес и *«бодрящим ветром»*, что подчёркивает, с одной стороны, природность города, а с другой — его вечность. В воображении поэтессы очертания псковского Кремля вызывают образ подковы, и в этом её признание счастливого дара судьбы.

За таким лирическим вступлением следует обращение к псковской истории: стихотворение *«Довмонт-Тимофей»* посвящено победе псковичей под предводительством князя в 1299 году. Повествуя о далёких исторических событиях, автор обычно снабжает стихотворения собственным комментарием, объясняя повод, по которому создан поэтический текст. В стихотворении *«Из истории государства Псковского»* она упоминает славных победителей в Ледовом побоище: *«А у камня у Воронья, / Изготовься к обороне, / Притаились псковичи. / И как водится искони — / Кто в портах, а кто во броне, / Навострив свои мечи»* (110); с гордостью сообщает о поражении под Псковом польской армии: *«В довершение историй / Сам король Стефан Баторий / К Пскову-городу ходил. / Но Окольный крепкий город / Сбросил врага за ворот, / Чтобы дымом не чадил!»* (111). Но автор не обходит вниманием и другие, не столь славные страницы Пскова, когда псковичи бились с новгородцами по указу Москвы: *«Но чтоб слать на брата рати / И в крови купаться братьей... / Да на то ведь и приказ!»* — с горечью повествует автор. Вполне традиционно город предстаёт доблестным воином, что усиливают рефреном звучащие строки: *«Не видали мы Батя, / А за Троицы Святыя / Постояли мы не раз. / И в лучах военной славы / Снова Троицыны главы / Засяли, как алмаз»* (112). В книгу входят стихотворения, переносящие читателя на собрание веча (*«Во Пскове»*), рисующие встречу псковичей с Иваном Грозным (*«Юродивый»*) или заключение мира с новгородцами (*«Скачут, скачут по лесу всадники...»*). Помимо важных исторических событий, в поэзии Морозкиной упоминаются многие достопримечательности Пскова: Поганкины палаты или раскрытые фрески храма Покрова в Довмонтовом городе, а также — Троицкий собор, который *«белеет в темноте / И город сторожит»* (120), *«Белостенный, среброглавый / Осенен великой славой / Светлый Троицкий собор...»* (112). Но доминирующими в поэтическом мире Морозкиной являются не парадный ансамбль Кремля, а уединённые локусы старого Пскова возле рек — районы Мирожского монастыря и Гремячей башни.

Внешний облик Мирожского монастыря поражает и сказочной красотой, и сказочным величием: «*И стоит Мирожский Спас, / Как старинный русский сказ, / В арке входа.// Не собор, а богатырь. / В нем твоя родная ширь, / Мать-Природа!*» (122–123). Одновременно монастырь символизирует «глас народа», к нему автор обращается за поддержкой, зная высокую меру требовательности:

*И собор мне истину толкует,
Как прожить, чтоб не нажить беды.*

*Как душе держаться прямостойно,
Как нам землю Русскую блюсти.
Все в нем крупно, ясно и достойно.
Крут челом он.
Господи, прости! (123)*

Монастырь, как и город в целом, у Морозкиной наделен антропоморфными чертами, гостеприимно встречая автора и открываясь ему:

*Листья сухие порхают, как птицы,
Вслед им бежит ветерок.
Храм белостенный в холщевой рубахе
Вынес навстречу пирог. (128)*

Псков предстает щедрым, родным и милым пространством: «*И город встретил, словно праздником, / Как будто рад был возвращению; / И всё, что прятал он в запасниках, / Представил в новом освещении...*» (118).

Одновременно безлюдный уголок «на Великой у Мирожя» предстаёт топосом любви и памяти: «*На пляже чайки и влюбленные. / Заря ушла наискосок, / И волны розово-зеленые / Ложатся на сырой песок. // Мы шли сквозь грозное безверие, / Сквозь бури, трубы и огни... / Но плещет ласточка с доверием: / “Меня в молитве помяни!”*» (119).

Другим любимым местом Морозкиной, если судить по её поэтической топографии, было Запсковье в районе Гремячей башни. Это место обладает повышенной креативностью у многих авторов псковского текста [4]. Морозкина также одушевляет башню и соседний архитектурный памятник — храм Козьмы и Дамиана (XIV–XVI вв.). Используя разговорный стиль («*А Козьма с Гремячей башней / Заводил на горке шаш-*

ни»), она в сказочном бродячем сюжете о спящей красавице, которую нужно расколдовать, обыгрывает на народный лад любовный мотив:

*Встань с одра, моя подруга,
Не ленись-ка ты с утра!
Вся работает округа,
И тебе пора-пора!*

<...>

*И Гремячая сурово
Покачала головой.
Встань с утра! И будь здорова!
Да умойся ключевой. (113)*

Примечательно, что это стихотворение, по признанию Морозкиной, было написано в первый год её работы над диссертацией. И в нём видится лирическая проекция самого автора.

Соседство Гремячей башни с рекой Псковой придаёт месту романтический антураж, что подчеркивает поэтесса:

*Ещё шумит-бурлит Пскова, Ещё стоит Гремячья
башня,
А вечер ласковый и влажный,
И пахнет терпкая трава...*

*Ещё кузнечики звенят
На Запсковье вдоль пыльных улиц,
И месяц всходит, чуть сутулясь,
Как будто отставной солдат. (129)*

Она вообще испытывает особое пристрастие к реке Пскове, к Запсковью, сохраняющему милый провинциальный облик, который предпочтительнее урбанизированных картин: «Уж современный город / На пяты наступил. / Расстегнут потный ворот... / Бежать!.. Не стало сил. // И вдруг разверзлось лоно — / Живые берега, / И по траве зеленой / Гусята: «Га-га-га!..» // И по траве зеленой / Ребята, как цветы, / А на высоких склонах / Величие святынь. // Шумит и прекословит / Речонка, как народ. / Стирают, рыбу ловят. / Бредут босые вброд...» (126). Эта малая река ассоциируется у разных авторов с повседневной жизнью псковичей (Саша Чёрный, Т. Глушкова, А. Величанский). Морозкина повторяет подобную характеристику Псковы: «Река моя

живая, / Поющая Пскова» (127). Жизнь вокруг кипит, олицетворением чего становится река с её изменчивым нравом: то «*Говорливая бурлит / Речка синяя»* (128), то «*Брызжет рыжая Пскова»* (118). Здесь поэтессе представляются чудесные видения на закате («*Окна золотом иконок / На закате над Псковой, / И как будто скачет конник / По дороге огневой»* (127) или во время грозы: «*В небесах сплетались гривы / Голубая с огневой, / И скатился гром игривый / Прямо в речку с головой. //...// Но ворота над Псковою — / От травы и до травы — / Рдели краской восковою / Вкруг упряжек грозových»* (121–122).

В поэзии Е. Н. Морозкиной есть место запахам и звукам природы, чьей всепобеждающей властью наслаждается автор: «*Медвяно пахнет медуница. / Стоит высокая вода. / Дозорной башне порох снится, / Осады жаркая страда.// Но среди кипени сирени, / Перед глазами бойниц / Я слышу только песнопенье — / Лады сладкоголосых птиц»* (112). Для поэтессы характерно совмещение двух планов: природного и исторического, настоящего и прошлого, вечного и сиюминутного. Это позволяет Морозкиной не отстранённо воспринимать ушедшее, а лирически проникать в складки псковского времени, становясь одним из своеобразных певцов города.

Литература:

1. *Вересова Т. В.* Печорский край в творческой судьбе Елены Николаевны Морозкиной // Шестые Псковские региональные краеведческие чтения (Печоры. 9–11 октября 2015). Редактор-составитель Т. В. Вересова. Союз краеведов России. Псковское региональное отделение. Псков — Москва, 2016. Книга II. С. 421–436.
2. *Морозкина Е. Н.* Осенняя песня. М.: Бослен, 2012. 496 с.
3. *Разумовская А. Г.* Псков как текст русской литературы // Актуальные вопросы современной гуманитарной парадигмы: сборник материалов научно-практической конференции с международным участием 15 марта 2012 года. Псков: ПОИПКРО, 2012. С. 20–28.
4. *Разумовская А. Г.* Образ Гремячей башни в литературе // Псков известный и неизвестный. Материалы литературно-краеведческой конференции / МАУК «ЦБС» г. Пскова, библиотека «Родник» им. С. А. Золотцева. Псков, 2015. С. 5–12.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА СЛИНЧАКА

18.02.1953–25.04.2019

Сотрудничать с Александром Ивановичем было удивительно легко и просто, как с истинно умным и интеллигентным человеком, — на все предложения и идеи он откликался мгновенно, дополняя их своими. Так произошло и во время нашей первой встречи в конце 2012 года, когда наше региональное отделение готовило очередную конференцию в школе № 1, старейшем учебном заведении области, в прошлом — Губернской мужской гимназии, учениками которой в разное время были личности, впоследствии ставшие знаменитостями. Во время той конференции (октябрь 2013 г.) мы планировали на здании «старой гимназии» открыть мемориальную доску мореплавателю Фердинанду Петровичу Врангелю, одному из учредителей Русского Географического общества, окончившему, как считалось, это учебное заведение. Александр Иванович тотчас согласился не только поддержать наше ходатайство, но и оплатить установку доски.

В 2016 г. я вновь обратилась к Александру Ивановичу: в 2017 г. отмечалось 100-летие восшествия на Патриарший престол Тихона Беллавина, который учился, преподавал и принял постриг в Духовной семинарии, в здании которой сейчас располагается родной факультет Слинчака. Седьмые Краеведческие чтения мы решили приурочить к этой дате и провести их совместно с Кафедрой географии — с тех пор и началось наше тесное сотрудничество: сохранение исторической памяти для нас оказалось общим делом. Результат этого сотрудничества на сегодняшний день — по 2 тома сборника VII и VIII Псковских Международных краеведческих чтений.

На пленарном заседании наших Восьмых чтений Александр Иванович предложил принять участие во всероссийской акции «Великие имена России»: обсудить имя для аэропорта Пскова — и мы единогласно (особенно живо оно обсуждалось на секции «Имя в истории края, России») выбрали имя княгини Ольги. И тогда же мы объявили место нашей очередной совместной конференции, удовлетворив тем самым просьбу Администрации Бежаницкого района, — Историко-культурный центр Философовых и Государственный Полистовский заповедник. Обсуждали детали Девятых чтений, можно сказать, до последнего... — и теперь они тоже станут данью памяти этому прекрасному человеку...

УЧАСТНИКИ VIII ПСКОВСКИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ

1. **Аверина Элина Юрьевна (г. Вильнюс, Литва)** — научный сотрудник Литературного музея им. А. С. Пушкина.
2. **Аксельрод Владимир Ильич (С.-Петербург)** — кандидат педагогических наук, декан Юношеского университета Петербурга; зам. председателя Петербургского Союза краеведов России.
3. **Алексеева Наталья Петровна (д. Любенск Плюсского р-на)** — старший научный сотрудник Мемориального музея Н. А. Римского-Корсакова «Любенск — Вечаша».
4. **Андреев Александр Анатольевич (Псков)** — кандидат географических наук, доцент ПсковГУ.
5. **Андреева Ирина Михайловна (Псков)** — ведущий библиотекарь Центра по работе с редкими и ценными документами Областной универсальной научной библиотеки.
6. **Анисимова Надежда Владимировна (пос. Бежаницы)** — хранитель фондов Историко-культурного центра Философовых, член Псковского регионального отделения СКР.
7. **Балакирев Геннадий Всеволодович (Великие Луки)** — ведущий инженер Эксплуатационного локомотивного депо; руководитель Музея истории Великолуцкого локомотивного депо, член Псковского регионального отделения СКР.
8. **Белкина Татьяна Львовна (Москва)** — художник издательства «Русский Путь».
9. **Бирюкова Маргарита Анатольевна (Москва)** — библиограф, член Союза писателей России.
10. **Бобровская Ольга Александровна (Псков)** — ведущий археограф Отдела информации, публикации и научного использования документов ГКУ ПО «ГАПО».
11. **Бугров Борис Иванович (Изборск)** — кандидат военных наук, краевед.
12. **Василевская Ольга Борисовна (Москва)** — редактор издательства «Русский путь».
13. **Васильева Валентина Михайловна (д. Заполье, Плюсского р-на)** — старший научный сотрудник Мемориального музея Н. А. Римского-Корсакова «Любенск — Вечаша».
14. **Васильева Полина Ивановна (пос. Бежаницы)** — краевед.
15. **Васильев Владимир Иванович (Псков)** — ведущий архитектор ОАО «Институт “Псковгражданпроект”», член Союза архитекторов и Союза реставраторов России.

16. **Вересова Тамара Васильевна (Псков)** — председатель ПРО СКР, член Совета СКР, член Союза писателей и Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Псковский летописец».
17. **Высочков Леонид Владимирович (С.-Петербург)** — доктор исторических наук, профессор Кафедры истории России с древнейших времён до XX века Института истории СПбГУ, ассоциированный научный сотрудник Отдела новой истории СПб института истории РАН, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
18. **Галицкая Ирина Акиндиновна (Псков)** — заведующая сектором хранения драгоценных металлов и камней Музея-заповедника.
19. **Ганнибал Борис Константинович (Петербург)** — кандидат биологических наук, доцент, ведущий специалист Лаборатории общей геоботаники Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН.
20. **Герасимёнок Татьяна Емельяновна (Петербург)** — Почётный архивист Российской Федерации.
21. **Голубев Алексей Сергеевич (Псков)** — главный археограф Отдела исполнения запросов и использования документов ГКУ ПО «ГАПО».
22. **Евдокимов Сергей Игоревич (Псков)** — кандидат географических наук, доцент Кафедры географии ПсковГУ.
23. **Землякова Ольга Кузьминична (Москва)** — главный хранитель Российского Фонда культуры.
24. **Касаткина Светлана Вадимовна (г. Заволжск Ивановской обл.)** — директор Заволжского городского Художественно-краеведческого музея.
25. **Козмина Любовь Владимировна (Пушкинский Заповедник)** — кандидат филологических наук, Почётный работник общего образования Российской Федерации, хранитель мемориальной усадьбы Ганнибалов ФБУК «Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина».
26. **Кондратенко Алексей Иванович (Орёл)** — доктор филологических наук, профессор Кафедры журналистики и связей с общественностью Института филологии Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева; член Союза писателей России, председатель правления Орловского отделения Российского общества историков-архивистов.
27. **Кондратенко Галина Ивановна (Орёл)** — краевед.
28. **Кондратеня Александр Владимирович (Опочка)** — краевед, преподаватель дополнительного образования СОШ № 16 г. Пскова, член Совета ПРО СКР.

29. **Конов Юрий Геннадьевич (Псков)** — старший научный сотрудник отдела «Псковский Кремль» Музея-заповедника.
30. **Костючук Лариса Яковлевна (Псков)** — доктор филологических наук, профессор Кафедры русского яз. и русского яз. как иностранного ПсковГУ.
31. **Кривуля Ирина Владимировна (Псков)** — старший преподаватель кафедры географии ПсковГУ.
32. **Кузнецова Зоя Ивановна (Гарту, Эстония)** — краевед, член Псковского регионального отделения СКР.
33. **Кускова Светлана Витальевна (Псков)** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры отечественной истории Исторического факультета ПсковГУ, член ПРО СКР.
34. **Леонидов Виктор Владимирович (Москва)** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына.
35. **Лилейкина Валентина Анатольевна (Псков)** — старший преподаватель кафедры географии факультета естественных наук, медицинского и психологического образования ПсковГУ.
36. **Манаков Андрей Геннадьевич (Псков)** — доктор географических наук, профессор кафедры географии ПсковГУ.
37. **Меньшов Николай Петрович (Москва / Себеж)** — кандидат исторических наук, архивист, член ПРО СКР.
38. **Михайлова Наталья Ивановна (г. Порхов)** — главный хранитель Краеведческого музея, член ПРО СКР.
39. **Михайлов Сергей Сергеевич (Москва)** — этнолог, член Союза писателей России.
40. **Наместникова Татьяна Евгеньевна (Москва / Самолва)** — учёный секретарь ЧУК «Историко-культурный центр “Самолва”».
41. **Немцева Татьяна Ильинична (Псков)** — кандидат педагогических наук, доцент Кафедры географии ПсковГУ.
42. **Новиков Геннадий Иванович (С.-Петербург)** — доктор биологических наук, доцент.
43. **Новиков Игорь Александрович (Челябинск)** — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и права ФГОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», член Совета СКР.
44. **Новотроицкий Денис Викторович (п. Лавры Печ.)** — краевед, член Совета Псковского регионального отделения СКР.
45. **Остапенко Марина Владимировна (Псков)** — учитель математики МБОУ «МПЛ № 8», руководитель Музея истории школы № 8, член Псковского регионального отделения СКР.

46. **Перова Елена Александровна (пос. Бежаницы)** — заместитель директора по экологическому просвещению и туризму ФГБУ «Государственный заповедник “Полистовский”».
47. **Петраускене Надежда Фаддеевна (г. Вильнюс, Литва)** — директор Литературного музея им. А. С. Пушкина.
48. **Разлетовская Елена Всеволодовна (Екатеринбург)** — кандидат экономических наук, зав. Кафедрой международной экономики Высшей Школы экономики и менеджмента Уральского Федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина.
49. **Разумовская Аида Геннадьевна (Псков)** — доктор филологических наук, руководитель Открытого института русского языка и культуры им. Е. А. Маймина ПсковГУ.
50. **Савельева Татьяна Юрьевна (Великие Луки)** — начальник Отдела научно-справочного аппарата и использования архивных документов ГКУ ПО «ГАПО», член ПРО СКР.
51. **Салтан Наталья Ивановна (Псков)** — старший научный сотрудник Псковского историко-архитектурного и художественного Музея-заповедника.
52. **Саюнов Игорь Олегович (Великие Луки)** — преподаватель общественных дисциплин Медицинского колледжа, заведующий Музеем здравоохранения Великих Лук, член Совета ПРО СКР.
53. **Слинчак Александр Иванович (Псков)** — заведующий Кафедрой географии Факультета естественных наук, медицинского и психологического образования ПсковГУ, председатель Псковского регионального отделения Русского Географического общества.
54. **Соколова Ирина Георгиевна (Псков)** — кандидат биологических наук, доцент ПсковГУ.
55. **Стрижѳв Александр Николаевич (Москва)** — библиограф, писатель (член Союза писателей России).
56. **Тамби Сергей Александрович (Москва)** — магистр Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации.
57. **Таскаев Андрей Григорьевич (Псков)** — методист МБУ «Псковский городской молодѳжный центр».
58. **Теренина Наталья Константиновна (Псков)** — кандидат географических наук, доцент Кафедры географии ПсковГУ.
59. **Терентьева Наталья Матвеевна (пос. Пушкинские Горы)** — директор Музея «Дом русского быта» Пушкиногорской санаторной школы-интерната, Заслуженный учитель Российской Федерации.

60. **Тихонов Андрей Константинович (Владимир)** — заведующий Кафедрой истории, археологии и краеведения Гуманитарного института Владимирского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, член Совета СКР.
61. **Трофимова Галина Терентьевна (Великие Луки)** — кандидат философских наук, сопредседатель городского Краеведческого общества, член ПРО СКР.
62. **Фейгмане Татьяна Дмитриевна (Рига, Латвия)** — доктор истории, директор Института русского культурного наследия Латвии, научный редактор сайта «Русские Латвии».
63. **Фёдоров Алексей Иванович (С.-Петербург / Струги Красные)** — руководитель группы МТС, член Совета ПРО СКР.
64. **Филимонов Анатолий Васильевич (Псков)** — кандидат исторических наук, профессор Кафедры отечественной истории ПсковГУ.
65. **Цветков Николай Анатольевич (пос. Пыталово)** — краевед, председатель Псковского регионального отделения Всероссийского научно-исследовательского и просветительского общества «Энциклопедия российских деревень».
66. **Шелаева Алла Александровна (С.-Петербург)** — кандидат филологических наук, доцент Кафедры истории западноевропейской и русской культуры Института истории СПбГУ.
67. **Юринова Елена Дмитриевна (Пустошка)** — краевед, член Псковского регионального отделения СКР.
68. **Яковлева Марина Станиславовна (Опочка)** — президент Краеведческого клуба «Отчий дом», член Союза журналистов России.
69. **Яковлева Тамара Ивановна (Пустошка)** — главный библиограф Центральной районной библиотеки, член Совета ПРО СКР.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Версова Т. В.)	3
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ	4
Меньшов Н. П. О переписи населения псковской вотчины князей Юсуповых	4
Васильева П. И. Крестьянский бунт в Дегожском погосте Порховского уезда в 1826 году	10
Галицкая И. А. Ожерелья XIX — начала XX столетия в составе коллекции Псковского музея-заповедника	19
Кондратеня А. В. Церковные колокола городов Псковской губернии в начале XX века	27
Терентьева Н. М. Станция Русаки Псково-Полоцкой железной дороги: результаты полевой экспедиции	42
Михайлов С. С. Ассирийцы Псковского края: к истории диаспоры	50
Герасимёнок Т. Е. Станция Великие Луки: немного истории	58
Трофимова Г. Т. Народные дома Железнодорожного района Великих Лук в 20-х годах XX века	72
Цветков Н. А. Боевая работа сапёров 9-й Штурмовой инженерно-сапёрной Новгородской бригады на Псковщине ..	79
Голубев А. С. Из истории разминирования города Пскова в 1944–1946 гг.	87
Саюнов И. О. Возрождение «фонтанной столицы»: проблемы сохранения и восстановления цветных фонтанов ..	101

ИМЯ В ИСТОРИИ КРАЯ, РОССИИ107

Новиков И. А. Роль Василия Татищева в изучении Урала в 1720-е — 1730-е годы	107
Новотроицкий Д. В. Полковник Василий Плещеев — строитель Свято-Никольской Щемерицкой церкви	112
Высочков Л. В. Псковские дороги императора Николая I	116
Яковлева Т. И. Имение Шалахово Невельского уезда Витебской губернии и его владельцы	129
Кондратенко Г. И. «Живая душа народа» («Путевые письма из Псковской губернии» Павла Якушкина)	139
Юринова Е. Д. К истории рода Уляновских	147
Васильева В. М. Благотворитель села Заполье	158
Алексеева Н. П. Бухаровы и Римские-Корсаковы в Любенске	166
Анисимова Н. В. Земский гласный Дмитрий Александрович Философов	179
Козмина Л. В. Из истории сельца Петровское: к вопросу системы ценностей Княжевичей — владельцев ганнибаловской вотчины	187
Касаткина С. В. Усадьба Татищевых в Вичуге	202
Савельева Т. Ю. Леонтий Вержховский — начальник Технического училища Путей сообщения	213
Остапенко М. В. Преподаватели Мариинской женской гимназии	222
Конов Ю. Г. Офицер Российского Императорского флота (Жизнь и судьба псковича Павла Плена)	232
Бирюкова М. А., Стрижѳв А. Н. «Марья-Кружевница» Ольги Хмельѳвой и Лев Толстой	242
Шелаева А. А. Вильгельм Зоргенфрей — поэт Серебряного века	251

Разлетовская Е. В. Жизнь и судьба краеведа Василия Разлетовского	261
Балакирев Г. В. Лев Лебединский — новое имя в истории Великих Лук	265
Аксельрод В. И. Ленинградские адреса реставратора и историка древнего Пскова Юрия Спегальского	271
Разумовская А. Г. Образы древнего Пскова в лирике Елены Морозкиной	281
Вересова Т. В. Памяти А. И. Слинчака	287
УЧАСТНИКИ VIII ПСКОВСКИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ	288

Осенние сюрпризы Вечаша. Фото Т. Вересовой

Научное издание

ВОСЬМЫЕ
ПСКОВСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Том II

*Материалы
Международной научно-практической конференции
г. Псков, 12–14 октября 2018 г.*

На 1-й странице обложки — здание факультета Естественных наук, медицинского и психологического образования ПсковГУ (ул. Советская, 21). Фото Т. Вересовой
На 3-й странице обложки — экскурсия участников конференции в Мемориальный музей Н. А. Римского-Корсакова «Любенск — Вечаша». Фото Т. Вересовой, М. Остапенко

Компьютерная вёрстка: Е. Н. Богданова
Корректор: С. Н. Емельянова
Макет и дизайн обложки: Е. Н. Богданова

Подписано в печать: 26.12.2018. Формат 60х90/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 18,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 5705.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:
Россия, 180000, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.
Издательство Псковского государственного университета